

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

МОНГОЛЬСКІЕ

ЗАВОЕВАНІЯ

И РУСЬ

ТОМ ДЕСЯТЫЙ [157]
ДЕКАБРЬ 2014

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

МОНГОЛЬСКІЕ ЗАВОЕВАНІЯ И РУСЬ

ТОМ ДЕСЯТЫЙ [157]

Под общей редакцией А.А. Горского

Редакция

А.Э. Титков	главный редактор, кандидат исторических наук
Ф.Г. Тараторкин	зам. главного редактора, кандидат исторических наук
И.Я. Керемецкий	зам. главного редактора (художественный редактор), член Творческого союза художников России
Е.А. Радзиевская	ученый секретарь
Т. Лефью	редактор английской версии

Редакционный совет

Председатель редакционного совета

Е.И. Пивовар	ректор РГГУ, профессор, член-корреспондент РАН
--------------	---

Члены редакционного совета

А.А. Горский	доктор исторических наук, профессор исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН
С.В. Девятков	доктор исторических наук, профессор, советник директора ФСО России, заведующий кафедрой истории России XX–XXI вв. исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова
Д.Р. Жантиев	кандидат исторических наук, доцент Института стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова
С.М. Исхаков	доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН
И.В. Курукин	доктор исторических наук, профессор РГГУ
А.Э. Титков	кандидат исторических наук, главный редактор журнала «Исторический вестник»

Компьютерный набор редакции. Дизайн и верстка Ю.В. Филимонова.

Подписано к печати 01.12.2014 г. Формат 70 × 108 1/16. Усл.-печ. л. 14,7. Печать офсетная. Заказ № 102

Адрес редакции: 105005, Москва, Аптекарский пер., д. 4, стр. 2, офис 214

Тел. +7 (495) 737-76-32, факс: +7 (495) 730-61-76

E-mail: info@runivers.ru

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации

ПИ № ФС77-51055 от 03 сентября 2012 г.

© АНО «Руниверс», 2014

*Материалы, публикуемые в журнале «Исторический вестник», могут не совпадать
с точкой зрения редакции.*

Отпечатано в полном соответствии с качеством

предоставленного оригинал-макета в ЗАО «Издательство ИКАР».

117485, Москва, ул. Академика Волгина, д. 6

Тел.: +7 (495) 936-83-28, +7 (495) 978-35-99. Тел./факс: +7 (495) 330-89-77

www.ikar-publisher.ru

Журнал «Исторический вестник» издается
при поддержке компании ОАО «АК «Транснефть».
ISSN 2306-4978

ОТ РЕДАКЦИИ

Очередным, десятым томом журнала «Исторический вестник» под общим названием «Монгольские завоевания и Русь» мы завершаем третий год работы проекта.

Номер открывается статьей Н.Н. Крадина, посвященной изучению проблем истории Монгольской империи в современной зарубежной науке. Ч. Гальперин резюмирует результаты своих многолетних исследований русско-ордынских отношений. А.А. Горский делает попытку выявить особенности системы управления завоевателей в разных русских землях в первые десятилетия после нашествия. Статья С.А. Масловой сосредоточена на изучении деятельности монгольских должностных лиц — даруг и баскаков. А.В. Лаушкин посвятил свое исследование одному из проявлений зависимости русских князей — их поездкам в Орду.

Сегодня уже можно говорить о сложившейся стилистике издания, его фирменном стиле. Наши постоянные читатели заметили, что редакция, редакционный совет журнала и дирекция проекта Руниверс выбрали форму совмещения тематических и общеисторических номеров. За это время на суд научного сообщества представлены исследования по самым разным секторам отечественной истории, начиная от эпохи возникновения русской государственности и заканчивая историей XX в., отраженной в опубликованных в пятом номере записках Н.С. Власика.

В следующем году мы намерены продолжить эту традицию. Редакция журнала готовит к выходу сразу несколько блоков тематических исследований. Читателей ждут уникальная публикация, подготовленная российскими испанистами совместно с их зарубежными коллегами по своду законов короля Альфонсо X Мудрого, номер под рабочим названием «Россия и исламский мир», а также продолжение темы Первой мировой войны. И здесь особо хотелось бы отметить, что мы вместе с вами, уважаемые читатели, приходим к формату продолжающегося тематического исследования. В частности, история Первой мировой войны будет «жить» в выпусках

«Исторического вестника» еще три сезона — редакция запланировала тематические тома, привязанные к каждому году мирового конфликта. То же можно сказать и об идее, которую реализует со своими коллегами А.А. Горский. Мы надеемся не ограничиться нынешним выпуском и проследить в следующих томах все этапы монгольского завоевания Евразии.

В значительной степени такой подход связан с нашим убеждением в том, что за последнюю тысячу лет Россия была и остается своеобразным цивилизационным синтезатором, местом, где встречались, смешивались, обретали новую жизнь и воплощение исторические, военно-политические, этнические и социальные процессы, развивавшиеся как в Азии, так и в Европе. Этим объясняется и желание редакции выходить за рамки классической отечественной истории, рассматривать события, происходившие на внешних границах российской цивилизации.

Еще одним нововведением, которое вы сможете оценить уже в текущем номере, стал постоянный раздел, посвященный истории исторической науки. Здесь, наряду с традиционными историографическими исследованиями и рецензиями, мы намерены представить на суд читателей подробную картину отечественных научных и образовательных школ. Эта продолжающаяся публикация рассчитана как минимум на два года.

Номер выходит в свет в декабре. И как всегда, пользуясь этим предновогодним поводом, мы поздравляем товарищей по историческому цеху, оказавших нам неоценимое творческое содействие и моральную поддержку. Мы благодарим коллектив и руководство «ОАО «Транснефть» за бескорыстную помощь и единомыслие. Уверены, что в это непростое время своим малым делом мы вносим вклад в умножение сил и процветание нашей Отчизны.

С Новым годом!

Главный редактор
А.Э. Титков

Председатель
редакционного совета
Е.И. Пивовар

Президент «Руниверс»
М.В. Баранов

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия	6
Н.Н. Крадин. Актуальные проблемы истории Монгольской империи	10
Ч.Дж. Гальперин. «Их же добръ никто не вѣсть, кто суть»: взаимодействие Руси с монголами	44
А.А. Горский. Утверждение власти Монгольской империи над Русью: региональные особенности	58
С.А. Маслова. Монгольская администрация на завоеванных землях: даруги и баскаки	80
А.В. Лаушкин. «Видя бѣду страшну и грозну»: еще раз о днях отъезда русских князей в Орду	110

ИСТОРИОГРАФИЯ И НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

И.В. Зайцев. İlyas Kamalov. Altın Orda ve Rusya (Rusya Üzerindeki Türk-Tatar Etkisi)	128
Ф.Г. Тараторкин. Британское научное руссиеведение XX века: особенности становления и этапы развития	134
Г.Н. Ланской. Историографическое наследие профессора В.А. Муравьева в истории научно-педагогической школы Историко-архивного института	154

А.А. Горский

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

современном российском массовом историческом сознании тема монгольского нашествия XIII века и последующих отношений Руси с Ордой является, несомненно, одной из вызывающих наибольший интерес и сильный эмоциональный отклик. Не так давно автор этих строк участвовал

в составлении так называемого «историко-культурного стандарта» для планируемого «единого» учебника истории и поместил туда формулировку, заурядную с точки зрения профессиональных историков, не отличающуюся никакими новациями: «Система зависимости русских земель от ордынских ханов». Следствием стал настоящий информационный взрыв — в СМИ и в Интернете. При этом оценки звучали полярно противоположные.

Более всего было откликов в духе: почему исчезло «татаро-монгольское иго»? С легкой руки некоторых СМИ пошло гулять утверждение, будто такое словосочетание поначалу в «стандарте» присутствовало, но было-де заменено по настоянию татарских историков из Казани. Но встречались и абсолютно иные суждения: правильно, что «иго» не упомянуто, так как никакого ига не было! (И далее следовали в лучшем случае тезисы в духе Л.Н. Гумилева о благотворном союзе Руси и Орды, в худшем — околесица из сочинений Фоменко и К° о том, что Русь и Орда — одно и то же). При

всей противоположности приведенных откликов, они совпадают в принципиальном подходе: смешиваются термин и явление, им описываемое. Большинство современных исследователей не применяют термин «иго» или употребляют его в кавычках¹. Данную характеристику русско-ордынских отношений неверно представлять себе как принадлежащую современникам событий. Впервые она встречается (в латинской форме — *iugum*) у польского хрониста Я. Длугоша под 1479 г.², в России же появляется только в XVII столетии³. У современников встречаются разные эмоционально окрашенные оценки гнета со стороны Орды: «томление», «насилие», «неволя», «работа» (в смысле «рабство»)⁴, но универсального понятия нет. Поэтому для учебника предпочтительнее современное научное определение. При взгляде со стороны Орды — это «система власти над русскими землями», при взгляде со стороны Руси — «система зависимости русских земель». Поскольку в центре внимания в учебнике будет история русской государственности (по причине ее прямой преемственности с современной российской государственностью), был выбран именно второй вариант.

Но если термин «иго» не встречается у современников событий и не годится как научное понятие, это, разумеется, не значит, что не было явления, которое им долго традиционно обозначали. Зависимость имела место и осознавалась людьми той эпохи как тяжелая (см. упомянутые выше определения). Тем не менее далеко не все здесь ясно. В науке изучались в первую очередь политические отношения русских земель и Орды. Сама же система властвования, ее институты, экономическая сторона исследованы много меньше. Причина — относительная бедность сведений источников. Определенная ясность существует только по поводу одного проявления зависимости — утверждения ханами русских князей на их столах путем выдачи ярлыков. Что касается системы податей, функций ордынских должностных

¹ Ср.: Горский А.А. Москва и Орда. М., 2000. С. 12: «...система власти Орды над русскими землями»; он же. Русь: От славянского Расселения до Московского царства. М., 2004. С. 191: «Зависимость от Орды (т.н. «иго»)». Эпитет «монголо-татарское» (или «татаро-монгольское») фактически вышел из употребления ранее, поскольку неуклюжесть такого двойного определения очевидна; в научных работах конца прошлого века предпочиталось словосочетание «ордынское иго» (ср. названия книг: Назаров В.Д. Свержение ордынского ига на Руси. М., 1983; Алексеев Ю.Г. Освобождение Руси от ордынского ига. Л., 1989).

² Ioannis Dlusossii senioris canonici Cracoviensis opera. T. 14. Cracoviae, 1878. P. 697 (Длугош пишет о свержении «варварского ига» Иваном III).

³ См.: Рудаков В.Н. Концепция ордынского «ига» и отношения с Ордой в русском общественном сознании второй половины XIII—XVI веков // Вестник МГИМО. 2012. № 4.

⁴ Полное собрание русских летописей. Т. 1. М., 1997. Стб. 476; Т. 2. М., 2001. Стб. 892; Приселков М.Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.; Л., 1950. С. 329; Памятники литературы Древней Руси. XIII век. М., 1981. С. 444—445.

лиц — здесь исследователи, как правило, вынуждены ограничиваться общими суждениями⁵.

В подобных случаях может помочь сравнительно-исторический подход. Завоевания монголов⁶ охватили огромные пространства Евразии — от Кореи, Китая и Вьетнама на Востоке до Среднего Подунавья и Малой Азии на Западе. Сведения о монгольских походах и их последствиях для тех или иных стран отразились в разноязычных источниках, в том числе китайских, корейских, арабских, персидских, армянских, сирийских, грузинских, греческих, русских, венгерских, польских, немецких, итальянских, английских, французских. Рассмотрение особенностей монгольской власти в разных регионах способно пролить свет и на ее характер на Руси. И работы, вошедшие в настоящий выпуск «Исторического вестника», в той или иной мере учитывают это обстоятельство.

Разумеется, в представленных статьях затрагиваются далеко не все проблемы, связанные с монгольской экспансией. Так, остается не вполне выясненным вопрос, почему в одних странах, находившихся вне евразийской степной зоны (пригодной для кочевого скотоводства), монголы оставляли у власти местных правителей, довольствуясь взиманием податей и политическим контролем, а в других устанавливали систему непосредственного властвования. По мнению видного современного исследователя истории Монгольской империи, непосредственное управление устанавливалось в странах, расположенных к югу от степной зоны, где можно было использовать традиции местной бюрократии (Китай, Иран, Средняя Азия); к северу от степи (т.е. в первую очередь на Руси), где таких традиций не было, у власти оставались местные князья. Исключениями в таком случае оказываются уйгуры и Грузинское царство, расположенные южнее степей, но сохранившие своих правителей⁷. Однако исключений при таком подходе

⁵ Ср. констатации, сделанные видным американским исследователем русско-ордынских отношений (одним из авторов настоящего номера): «Место Руси в административной структуре Золотой Орды остается невыясненным»; «Ханы улуса Джучи... правили из степи через множество административных должностных лиц, чьи функции иногда не совсем ясны» (Гальперин Ч. Центральная власть и русские княжества // История татар с древнейших времен. Т. 3. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII — середина XV в. Казань, 2009. С. 432–433).

⁶ Завоеватели, точнее их военно-политическая элита, именовали себя монголами, но в других странах — от Китая до Ближнего Востока и Западной Европы — за воинами Чингисхана и его потомков закрепилось название «татары»; отсюда двойное именование «монголо-татары», появившееся в науке в XIX в.

⁷ Allsen T. Technologies of governance in the Mongolian empire: a geographical overview // Imperial statecraft: political forms and techniques of governance in Inner Asia, sixth to twentieth centuries. Bellingham, 2006.

насчитывается намного больше. Южнее степной зоны находились сохранившиеся местных династов под монгольским верховным владычеством Корея, Киликийская Армения, Румский (Конийский) султанат), Трапезундская империя, Дунайская Болгария. Это уже не исключения, а тенденция. Напротив, севернее степей располагалась Волжская Булгария, непосредственно вошедшая в состав владений потомков Чингис-хана. Более вероятным представляется, что «опосредованное» управление устанавливалось, как правило, на крайних рубежах монгольской экспансии, где завоевателям недоставало ресурсов для осуществления прямого властвования: Корея стала восточным пределом завоеваний монголов, русские земли — северо-западным, Грузинское царство, Киликия, Трапезундская империя и Румский султанат — юго-западным. Посол римского папы к монгольскому великому хану Плано Карпини писал в 1247 г.: «Они (монголы — А.Г.) берут дань также с тех народов, которые находятся далеко от них и смежны с другими народами... которые им не подчинены... Другим народам они дают еще пребывать в спокойствии; однако согласно тому, что мы от них узнали, намереваются завоевать их»⁸. Страны, где после завоевания были сохранены местные правители, действительно рассматривались Чингисидами как плацдарм для дальнейших завоеваний: за Кореей должна была последовать Япония, за Закавказьем и Малой Азией — Сирия и Египет, за Русью — Польша и Венгрия. Планам этим, несмотря на неоднократные вторжения монгольских войск в названные государства, не суждено было осуществиться, но система «опосредованного» управления для стран, дальше которых экспансия монголов не продвинулась, стала традицией.

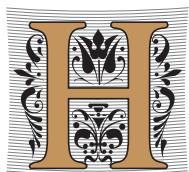

⁸ Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957. С. 57.

Н.Н. Крадин

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ МОНГОЛЬСКОЙ ИМПЕРИИ*

а протяжении многих столетий личность Чингис-хана и его деяния приковывают к себе внимание. Монголы создали одну из самых крупных империй в мировой истории. Их походы и, главное, последствия завоеваний оказали огромное влияние на историю человечества. Многих ученых, мыслителей и просто интересующуюся публику волнует классический вопрос истории империи Чингис-хана — как и почему из небольшого, мало кому известного народа возникла огромная мировая империя, которая повергла в ужас и разрушение многие соседние народы, а потом почти так же стремительно это огромное государство исчезло с авансцены мировой истории. Существует беспрельдно огромное количество работ о средневековой истории монголов — научных монографий и статей, научно-популярных книг, художественных сочинений. Если набрать на сайте крупнейшего книжного интернет-магазина «Амазон» слово «монголы», то высвечивается более четырех с половиной тысяч книг только на английском! Можно себе представить, сколько публикаций издается на других языках. Для того чтобы обобщить всю мировую историографию по данному вопросу, пришлось бы написать не один толстый том.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 13-06-00660.

В настоящей статье анализируются работы зарубежных авторов в основном на английском языке. В настоящее время английский язык стал в науке фактическим «лингва франка». Возможно, в естественных науках наиболее значимые научные идеи сейчас обязательно публикуются на английском. В гуманитарных науках это далеко не так. В монголоведении, например, существуют сильные научные школы в Китае, России, Японии, ряде стран Европы. Огромное количество работ публикуется на монгольском языке. Увы, в век бурного прогресса научных знаний и все более узкой специализации отдельных направлений все труднее и труднее держать в поле зрения многочисленные работы авторов разных стран (про тезисы — «бич божий» отечественной науки — говорить просто не приходится).

Тем не менее на английском языке опубликовано много очень важных и принципиально значимых исследований в рассматриваемой области. В этой работе будут рассмотрены основные тенденции западноевропейского и американского монголоведения в области изучения империи Чингис-хана и его наследников за последние несколько десятилетий. Поскольку по данной проблематике написано громадное количество книг и бесчисленное множество статей на самых разных языках, этот обзор не может охватить все сколько-нибудь значимые работы. К счастью, имеется ряд историографических исследований, в которых в той или иной степени суммированы основные достижения западного монголоведения¹. В этих работах можно найти всю основную литературу по данной теме. Это дает возможность уделить внимание только некоторым, наиболее важным, с моей точки зрения, вопросам, таким как введение в научный оборот новых и изучение уже известных письменных источников, причины создания Монгольской империи и особенности ее устройства, включая право и религию, политика монголов в завоеванных странах, роль монголов в глобальных средневековых процессах, оценка монгольской эпохи современными исследователями.

¹ *Allsen T.* The Mongols in East Asia, Twelfth-Fourteenth Centuries: A Preliminary Bibliography of Book and Articles in Western Languages. Philadelphia, 1976; *Гольман М.И.* Изучение истории Монголии на Западе. М., 1988; *Sinor D.* Notes on Inner Asian bibliography IV. History of the Mongols in the 13th century // *Journal of Asian History*. 1989. Vol. 23. N 1; *Jackson P.* The Mongol Empire, 1986–1999 // *Journal of Medieval History*. Vol. 26. 2000. N 2; *Buell P.D.* Age of Mongolian Empire: A Bibliographical Essay // *The Silk Road*. 2003. Vol. 1. N 1; *Kim Hodong.* The Unity of the Mongol Empire and Continental Exchanges over Eurasia // *Journal of Central Eurasian Studies*. Vol. 16. 2009; *Крадин Н.Н.* Империя Чингис-хана в новых западных исследованиях // *Вопросы истории*. 2010. № 5; *Biran M.* The Mongol Empire in World History: The State of the Field // *History Compass*. Vol. 11. 2013. N 11.

Общие и обзорные работы

В самом широком смысле все исследования, касающиеся избранной темы, можно разделить на несколько групп в зависимости от жанра произведения и его задач, научных интересов и квалификации автора — обзорные работы, научно-популярные сочинения, академические монографии, сборники, доклады конференций и журнальные статьи, посвященные тем или иным конкретно-историческим аспектам истории монголов. Первая группа публикаций, о которых пойдет речь, — это книги обзорного плана либо произведения, написанные для студентов или популярного читателя. Из подобных работ второй половины XX в. следует указать книги Б. Шпулера, Э. Филиппса, П. Брента, Л. Хартога, М. Хоанга, Ж.-П. Ру и ряд подобных им работ². В большинстве своем это добротные повествования, основанные на пересказах трех главных источников по истории основателя монгольской империи — «Тайной истории», «Истории династии Юань» и «Сборника» Рашид ад-Дина. Подобные сочинения обычно подробно описывают предысторию монгольских племен, процесс объединения кочевников Чингис-ханом, историю войн и походов, характер политики в завоеванных странах, отношения с Европой, исламскими государствами.

Из всех книг, возможно, наилучшей научной биографией Чингис-хана на европейских языках является книга П. Рачневского. В первых трех главах автор подробно и тщательно излагает историю жизни основателя Монгольской империи от его рождения до смерти. В четвертой части дана оценка его личности и деятельности. В последней пятой главе разбираются структура Монгольской империи, право, религиозная политика и другие вопросы. Английское издание дополнено и переработано новыми данными³.

На английском языке, возможно, наиболее часто упоминаемой книгой по рассматриваемой теме является монография Д. Моргана «Монголы». В этой работе последовательно излагаются ключевые моменты монгольской истории от возвышения Чингис-хана до изгнания монголов из Китая.

² Spuler B. Geschichte der Mongolen nach östlichen und europäischen Zeugnissen des 13. und 14. Jahrhunderts. Zürich, 1968; Philips E.D. The Mongols. London, 1969; Saunders J.J. The History of the Mongol Conquest. New York, 1971; 2nd ed., 2001; Brent P. Genghis Khan. N.Y., 1976; Hoang M. Gengis-khan. Paris, 1988; 2 Genghis Khan: Conqueror of the World. London 1989; Roux J.-P. Histoire de l'empire Mongol. Paris, 1993; Ibid. Genghis Khan and the Mongol Empire. New York, 2003; Хоанг М. Чингисхан. Ростов н/Д., 1997; Lane G. Genghis Khan and Mongol rule. Westport, CT, 2004; Ру Ж.-П. История империи монголов. Улан-Удэ, 2006 и др.

³ Ratchnevsky P. Cinggis-khan: Sein Leben und Wirken. Wiesbaden, 1983; Idem. Genghis Khan, His Life and Legacy. Oxford and Cambridge, 1991.

Особенный интерес представляет четвертая глава книги, в которой рассмотрены военная организация, институты управления, коммуникации и система поборов в монгольском обществе. Важным является обращение автора к ближневосточным источникам по истории завоеваний монголов.

Совсем недавно было выпущено в свет новое издание книги Моргана. Это репринтное воспроизведение первоначального текста, дополненное еще одной главой (фактически послесловием), в которой изложены современные взгляды автора в связи с публикациями, появившимися после 1985 г.⁴ Необходимо также упомянуть популярную работу о повседневной жизни средневековых монголов⁵. Большое значение имеет монография о Чингис-хане М. Биран⁶. Эта книга существенно дополняет имеющиеся труды, поскольку представляет собой взгляд на монголов из мусульманского мира, переоценку монгольского влияния на Ближний Восток. Большое внимание уделено анализу образа Чингис-хана в различных религиозных и идеологических системах цивилизаций Востока.

Возможно, самая последняя из работ подобного типа была написана Т. Мэем⁷. В его работе дается широкий взгляд на монгольскую историю через призму процессов глобальных обменов в Евразии.

Следующая группа исследований — это обзорные работы по истории кочевников Внутренней (Центральной) Азии. Подобные труды выполнены в том же ключе, что и хорошо известные довоенные книги Мак-Говерна и Р. Грусса. Здесь широкими мазками дана общая динамика политической истории степных империй от истоков господства кочевников (хунну) до их заката в период манчжурской династии Цин⁸. Большое внимание уделено завоеваниям Чингис-хана и монгольским государствам в Старом Свете. К числу этих работ следует отнести и шестой том «Кембриджской истории Китая», к написанию которой были привлечены наиболее авторитетные на Западе специалисты в этой области (к сожалению «Кембриджская история Внутренней Азии», опубликованная в 1990 г., заканчивается на чжурчжэнях). В книге 6 из 9 глав посвящены монгольскому периоду. В 4–7 главах последовательно рассматриваются периоды ста-

⁴ Morgan D. *The Mongols*. New York, 1986; 2nd ed. Malden, 2007.

⁵ Lane G. *Daily Life in the Mongol Empire*. Westport, 2006.

⁶ Biran M. *Chinggis Khan*. Oxford, 2007.

⁷ May T. *The Mongol Conquests in World History*. London, 2011.

⁸ Kwanten L. *Imperial nomads: A History of Central Asia, 500–1500*. Philadelphia, 1979; Roux J.-P. *L'Asie Centrale. Histoire et Civilizations*. Paris, 1997; Christian D. *A history of Russia, Central Asia and Mongolia, vol. 1. Inner Eurasia from prehistory to the Mongol empire*. Oxford, 1998.

новления и расцвета Монгольской империи при первых ханах (Т. Олсон), формирования собственно Юаньской империи при Хубилае (М. Россаби) и после него (Сяо Цицин), время кризиса и гибели династии (Дж. Дардесс). Две главы посвящены институтам управления (Э. Эндикот-Вест) и китайскому населению (Ф. Моут) в период династии Юань⁹.

Особый жанр представляет большое количество книг обзорного или популярного профиля. Они написаны для широкого круга читателей, хотя многие из этих работ представляют достаточно серьезные сводки по средневековой истории монголов¹⁰. Большой объем информации по средневековой монгольской истории послужил стимулом создания обзорных энциклопедических работ о Монгольской империи. Благодаря самоотверженным усилиям П. Белла и К. Атвуда значительный пласт информации суммирован и систематизирован, что открывает перспективы для создания обобщающих работ в данной области¹¹.

В преддверии 2006 г., когда отмечался 800-летний юбилей создания империи Чингис-хана, и позднее произошел всплеск публикации различной специальной и популярной литературы, посвященной истории монголов. Было опубликовано просто бесчисленное количество книг на эту тему. Многие из них, в том числе и написанные профессиональными исследователями, переведены на русский язык. Приходится с сожалением констатировать, что желание сэкономить на научном редактировании снижает качество публикуемой продукции. В переводных работах нередко изъят справочный аппарат, отсутствуют квалифицированные комментарии, да и качество переводов иногда оставляет желать лучшего. На исторической карте появляются доселе никому не известные народы. Хунну превращаются в ксионгов, чжурчжэни в рузгенов и т.п. В этой связи, при использовании переводной литературы, выпущенной в последние десятилетия, следует быть достаточно осторожным.

⁹ The Cambridge History of China. Vol. 6. Alien Regimes and Border States, 907—1368. Ed. by H. Franke and D. Twitchett. Cambridge, 1994.

¹⁰ Die Mongolen. Beiträge zu ihren Geschichte und Kultur. Hrsg. M. Weiers u.a. Darmstadt, 1986; Die Mongolen und ihre Weltreich. Hrsg. A. Eggebrecht. Mainz, 1989; Empires beyond the Great Wall: The Heritage of Genghis Khan. Ed. by A. Kessler. Los Angeles, 1993; Marshall R. Storm from the east: from Genghis Khan to Khubilai Khan. London, 1993; Die Mongolen in Asien und Europa. Hrsg. S. Conermann und J. Kubster. Frankfurt am Main, 1997; Weiers M. Geschichte der Mongolen. Stuttgart, 2004; Dschingis Khan und seine Erben: Das Weltreich der Mongolen. Hrsg. C. Müller. München, 2005; Rossabi M. Mongols: A Very Short Introduction. Oxford and New York, 2012.

¹¹ Buell P. Historical Dictionary of the Mongolian World Empire. Lanham and Oxford, 2003; Atwood C. The Encyclopedia of Mongolia and the Mongol Empire. New York, 2004.

Своего рода бестселлером о Чингис-хане стала книга Дж. Уезерфорда. Она побилла все рекорды продаж в Америке, недавно ее перевели на русский язык¹². Автор, безусловно, талантливый беллетрист (в свое время много шума вызвал его политантропологический памфлет о кухне американской политической машины — «Племена на холме»). Главная идея работы — показать глобальный характер изменений, который оказали монгольские завоевания, начиная от расовой и религиозной терпимости и заканчивая введением бумажных денег и Ренессансом. Однако в работе много неточностей и ошибок.

Источниковая база

Монгольская империя была многонациональным государством, включавшим самые разные народы Старого Света. Это создает большие трудности для серьезной источниковедческой подготовки, поскольку основные тексты по средневековой истории монголов написаны на старомонгольском, китайском, персидском, арабском, а также латинском, русском, армянском, греческом, корейском, сирийском, тибетском и других языках. Обычно исследователь имеет источниковедческую подготовку в одной или максимум двух областях (китайский, монгольский, персидский) и это в немалой степени определяет его источниковедческий взгляд на монгольскую историю.

Главным источником по истории монголов считается анонимная «Монголын нууц товчоо» («Тайная история монголов» или «Сокровенное сказание»). Этот источник уже многие десятилетия привлекает внимание исследователей разных стран. Существует множество переводов данного источника на различные языки. Количество статей и книг, посвященных этому произведению, не поддается исчислению. Тем не менее памятник продолжает приковывать внимание исследователей. В 1980-е гг. был переиздан перевод Ф. Кливза¹³. В начале XXI столетия известный монголовед и синолог Ургуне Онон опубликовал свой перевод на английский язык¹⁴. Несколько позднее вышел в свет давно ожидаемый перевод «Тайной истории» И. де Рахевильца. Во введении к источнику подробно рассмотрены история изучения и переводов летописи, время создания текста и его ав-

¹² Weatherford J. Genghis Khan and the Making of the Modern World. New York, 2004; Уэзерфорд Дж. Чингисхан и рождение современного мира. М., 2005.

¹³ The Secret History of the Mongols. Transl. By F. Cleaves. Cambridge, Mass., 1982.

¹⁴ The Secret History of the Mongols. The Life and Times of Chinggis Khan. Translated by U. Onon. Curzon, 2001.

торство, жанр, соотношение с другими памятниками. Книга снабжена подробнейшими полутораторными комментариями. В работе учтены практически все сколько-нибудь значимые работы в области монголистики¹⁵. Это, несомненно, выдающееся событие в истории монголоведения начала миллениума.

Другой важный источник по средневековой истории — китайская летопись «Юань ши» («История династии Юань»). История изучения данного памятника была заложена Н.Я. Бичуриным, который в 1829 г. опубликовал первые четыре главы (цзюаня) источника, посвященные Чингис-хану и его ближайшим преемникам, переведенные на русский язык. Впоследствии многие выдающиеся исследователи переводили те или иные разделы летописи (П. Пельо, Л. Амбис, Э. Хэниш, Г. Франке, Г. Шурманн, Н.Ц. Мункуев, П. Рачневский и др.). В последней трети XX в. имеющиеся переводы дополнились переводом первых цзюаней на немецкий язык¹⁶, а также обстоятельным описанием военных институтов юаньской империи, выполненным Сяо Цицином, с приложением переводов 98–99 цзюаней летописи¹⁷.

Из других китайских источников были переведены трактаты «Мэн-да бэй-лу» («Полное описание монголо-татар») и «Хэй да ши люэ» («Краткие сведения о черных татарах»)¹⁸. Это хорошее дополнение к переводам этих источников Н.Ц. Мункуева¹⁹. Заслуживает внимания также введение в научный оборот Чан Хокальмом еще одного источника — биографического повествования одного из китайских чиновников, в котором описываются последние годы существования чжурчжэньского государства²⁰.

¹⁵ *Rachewiltz I. de* The Secret History of the Mongols. A Mongolian Epic Chronicle of the Thirteenth Century. Translated with a historical and philological commentary by I. de Rachewiltz. Vol. 1–2. Leiden and Boston, 2004; Vol. 3. Leiden and Boston, 2013;

¹⁶ *Abramowski W.* Die chinesische Annalen von Ögödei und Güyük. Übersetzung des 2. Kapitels des Yüan-Shi // Zentralasiatische Studien des Seminars für Sprach- und Kulturwissenschaft Zentralasiens der Universität Bonn. 1976. Bd. 10; *Idem.* Die chinesische Annalen des Mönke. Übersetzung des 3. Kapitels des Yüan-Shi // Zentralasiatische Studien des Seminars für Sprach- und Kulturwissenschaft Zentralasiens der Universität Bonn. 1989. Bd. 13.

¹⁷ *Hsiao Ch'i-ch'ing.* The Military Establishment of the Yüan Dynasty. Cambridge, Mass, 1978.

¹⁸ *Haenisch E., Yao Ts'ung-wu, Olbricht P., Pinks E.* Meng-ta pei-lu und Hei-ta shih-lüeh: chinesische Gesandten-berichte über die frühen Mongolen 1221 und 1237 (Asiatische Forschungen 56). Wiesbaden, 1980.

¹⁹ Пэн Да-я, Сюй Тун. Краткие сведения о черных татарах // Проблемы востоковедения. 1960. № 5 (пер. Линь Кюн-и и Н.Ц. Мункуева); Мэн-да бэй-лу («Полное описание монголо-татар»). Пер., коммент. Н.Ц. Мункуева. М., 1975.

²⁰ *Chan Hok-alm.* The fall of the Jurchen Chin: Wang E's memoir on Ts'ai-chou under the Mongol siege (1233–1234). Stuttgart, 1993.

Третий главный источник по истории ранних монголов — «Джами ат-Таварих» («Сборник летописей»), написанный между 1309–1311 гг. под руководством Рашид ад-Дина, который был визирем в период правления Газан-хана. Длительное время этот труд был доступен для исследователей, незнакомых с первоисточником, только в переводе на русский язык. Дж. Бойл сделал неполный перевод его на английский язык²¹, но только относительно недавно У. Тэкстон перевел этот капитальный труд на английский полностью²².

Среди других источников следует отметить «Тарих-и джахангушай» («История завоевателя мира») Ала ад-дина Ата-Мелик Джувейни. Несмотря на то, что Джувейни не был современником походов Чингис-хана, его труд также считается важным сочинением по истории монгольской эпохи. В 1997 г. был переиздан перевод Дж. Бойла с новым предисловием Д. Моргана²³.

Еще несколько важных источников были переведены в рассматриваемые десятилетия на европейские языки. Среди них энциклопедия Ибн-Абу-Надида, который оставил ряд ценных сведений о событиях 1258 г., когда Багдад был взят войсками Халагу²⁴, корпус данных из армянских источников о монголах²⁵, перевод многотомного сочинения о путешествиях Ибн-Баттута²⁶, многоязычный терминологический словарь под редакцией П. Голдена²⁷, трактаты о лекарствах и диете монгольского времени²⁸ и др.

Особого внимания заслуживают средневековые европейские источники — записки европейских путешественников и посланников к монгольским ханам²⁹. Самые известные из них — сочинения Дж. Плано Карпини, Гильома Рубрука и Марко Поло. В них содержатся уникальные по своей детальности сведения о всех сторонах жизни монголов XIII в. Эти произведе-

²¹ The Successors of Genghiz Khan. Translated from the Persian of Rashid al-Din by J.A. Boyle. New York, 1971.

²² *Rashid al-Din. Jami'u't-tawarikh* (Compendium of Chronicles). Trans. W.M. Thackston. Vol. 1–3. Cambridge, Mass, 1998–1999.

²³ Genghis Khan. The history of the World-Conqueror by 'Ala ad-Din 'Ata-Malik Juvaini. Transl. by J.A. Boyle. Manchester, 1997.

²⁴ *Djebli M. Les invasions mongoles en Orient vecues par un savant medieval arabe*. Paris, 1995.

²⁵ *Bedrosian R. Kirakos Gandzakets'i's history of the Armenians*. New York, 1986.

²⁶ The Travels of Ibn Battuta, A.D. 1325–1354. Transl. by H. Gibb, Vol. 1–5. Cambridge: 1958–2000.

²⁷ *Golden P. B. ed. The King's Dicctionary: The Rasulid Hexaglot, Fourteenth-Century Vocabularies in Arabic, Persian, Turkic, Greek, Armenian and Mongol*. Leiden, 2000.

²⁸ *Hu Szu-hui, A Soup for the Qan: Chinese Dietary Medicine of the Mongol Era As Seen in Hu Sihui's Yinshan Zhengyao*. Tr. P.D. Buell and E. N. Anderson. London, 2000.

²⁹ *Rachewiltz I. de Papal Envoys to the Great Khanes*. Stanford, 1972.

ния неоднократно издавались и переиздавались, в том числе и в последние десятилетия³⁰. Среди них особо следует выделить новый перевод сочинения Рубрука, выполненный П. Джексоном с введением и комментариями Джексона и Моргана³¹.

В целом, круг главных источников по истории империи Чингис-хана достаточно давно очерчен. Однако далеко не весь корпус данных введен в научный оборот. В последние десятилетия европейское монголоведение дополнилось новыми переводами источников, а также продолжалась кропотливая работа по уточнению и дополнению уже имеющихся переводов на европейские языки. Необходимо продолжение этой работы и в первую очередь нужна кропотливая работа по введению в научный оборот династических источников на китайском языке.

Причины возникновения империи и завоеваний монголов

Монгольские завоевания нередко оцениваются в историографии терминами природных катаклизмов — шторм, ураган, буря и т.д. Практически во всех упомянутых выше обзорных работах, а также исследованиях по военному делу монголов дается подробное описание хода монгольских завоеваний. Кроме того, имеется еще ряд работ, специально посвященных тем или иным сюжетам, связанным с монгольским завоеванием в Азии и Европе³². Военные успехи монголов обычно объясняют разными причинами: слабость соседей, вследствие внутренних кризисов, способность родо-племенного общества мобилизовать большие массы людей для ведения войны, строгая дисциплина и хорошая военная организация, особенности вооружения и материально-технические возможно-

³⁰ *Marco Polo. The Travels*. Vol. 1—2. Ed. and trans. H. Yule and H. Cordier. New York, 1992; *The Travels of Marco Polo*. Transl. of M. Komroff. New York, 2001; *The Vinland Map and the Tartar Relation*. Ed. by G. Painter et al. New haven and London, 1995; *Plano Carpini G. The story of the Mongols whom we call the Tartars*. Transl. by E. Hildinger. Boston, 1996; etc.

³¹ *The Mission of Friar William of Rubruck: his journey to the court of the Great Khan Möngke, 1253—1255*. Transl. by P. Jackson with introduction, notes and appendices by P. Jackson and D. Morgan. London, 1990.

³² *Allsen T. Prelude to the Western Campaigns: Mongol Military Operations in the Volga-Ural Region, 1217—1237* // *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. Vol. 3. 1983; *Buell P. Early Mongols expansion in Western Siberia and Turkestan (1207—1219): a reconstruction* // *Central Asiatic Journal*. Vol. 36. 1992. N 1—2; *Zimony I. The Volga Bulgars between wind and water (1220—1236)* // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. Vol. 46. 1992/1993. P. 347—355; *Chan Hok-alm. The fall of the Jurchen Chin*; Kennedy H. *Mongols, Huns and Vikings. Nomads at War*. New York, 2002; etc.

сти номадов — большое количество лошадей, мобильность, отлаженная связь и т.д.

Практически во всех работах, посвященных завоеваниям Чингис-хана, этим вопросам уделено определенное количество страниц или даже глав. Однако специальных работ, посвященных вооружению и военному делу монголов, на самом деле не так много. Из них особенно следует выделить научно-популярный бестселлер Дж. Чамберса «Дьявольские всадники», в котором последовательно разобрано военное искусство монголов. Автор также отмечает, что ключ к успеху находился также в тщательном планировании войны и высокой выучке монгольских воинов³³. В другой, недавно вышедшей книге Т. Мэя подробно рассмотрены все стороны, связанные с завоеваниями и военным делом монголов. Автор подробно разбирает порядок формирования и рекрутирования воинских подразделений, вооружение и способы тренировки, тактические приемы и стратегию войны, разведку, обман и хитрость, пропаганду и психологическое давление на противника³⁴. Из этого ряда выбиваются оригинальные работы Дж. Смита, в которых он пытается показать, что монголы представляли собой не высоко обученную армию, а народ-войско. Главная причина их военных успехов заключается в количественном преобладании над противником³⁵. Тот факт, что остановить монгольские армии удалось египетским мамлюкам, объясняет повышенный интерес к истории их противостояния³⁶.

Не менее интригующий вопрос — причина образования империи Чингис-хана. Американский антрополог Дж. Флетчер со ссылкой на работы китайского историка Сяо Цицина полагал, что все теории, объяснявшие причины образования империй номадов и их нашествия на Китай и другие земледельческие страны, могут быть сведены к семи следующим: 1) жадная и хищническая природа степняков; 2) климатические изменения; 3) перенаселение степи; 4) нежелание земледельцев торговать с кочевниками; 5) необходимость дополнительных источников существования; 6) потреб-

³³ *Chambers J.* The devil's horsemen: The Mongol invasion of Europe. 2nd ed. London, 1988.

³⁴ *May T.* The training of an Inner Asian nomad army in the pre-modern period // *Journal of military history*. Vol. 70. 2006. N 3. P. 617—636; *Idem.* The Mongol Art of War: Chinggis Khan and the Mongol Military System. Yardley, 2007; *Idem.* Genghis Khan's Secrets of Success // *Military History*. Vol. 24. 2007. N 5.

³⁵ *Smith M.Jr.* Mongol Manpower and Persian Population // *Journal of the Economic and Social History of the Orient*. Vol. 18. 1975. N 3. P. 271—299; *Idem.* Ayn Jalut: Mamluk Success or Mongol Failure? // *Harvard Journal of Asiatic Studies*. Vol. 44. 1984. N 2. P. 307—345.

³⁶ *Amitai-Preiss R.* Mongols and Mamluks. The Mamluk-Ilkhanid war, 1260—1281. Cambridge, 1995.

ность в создании надплеменного объединения кочевников; 7) психология кочевников — с одной стороны, стремление номадов ощущать себя равными земледельцам и, с другой стороны, вера кочевников в данное им Небом — Тэнгри божественное предназначение покорить весь Мир³⁷.

В той или иной степени все перечисленные теории встречались в литературе нескольких последних десятилетий. Остановимся на некоторых, наиболее важных исследованиях. Говоря о внутренних причинах, необходимо вспомнить концепцию, согласно которой обстоятельства возвышения монголов лежат в природе самого кочевого общества. Среди сторонников такого подхода, несомненно, выделяется Л. Крэдер, в течение многих лет отстаивавший мнение, что номады кочевники могли самостоятельно создавать рудиментарную государственность, их общество делилось на классы знати и народа («белая» и «черная» кость). Власть степных предводителей основывалась на клановой системе, генеалогической близости претендента к линии правителя, способностях степной аристократии контролировать внешнюю торговлю. Поскольку стратификация в обществе кочевников основывается на родословных связях, трудно отделить политические и родовые отношения. Такое государство, по мнению автора, можно было бы назвать родовым. Для кочевой государственности характерны слабая роль денег, отсутствие городов, существование вассалитета³⁸. В работах 1970-х гг. Крэдер стал еще больше уделять внимания значению внутренних факторов, сближаясь с позициями марксистских ученых³⁹.

В исследованиях последних десятилетий наиболее последовательным защитником теории автономного развития номадов является Н. Ди Космо. Он считает, что кочевники всегда были в той или иной форме знакомы с земледелием⁴⁰. В то же самое время появление кочевых держав было бы неверно рассматривать как «эволюционный» процесс. Это, скорее, процесс постепенного кумулятивного накопления политического опыта. Отправ-

³⁷ Fletcher J. The Mongols: ecological and social perspectives // Harvard Journal of Asiatic Studies, 1986. Vol. 46. N 1. P. 32—33; Эта работа была опубликована уже после безвременной кончины автора, но ее значимость для монголистики настолько высока, что мы решились на ее переиздание на русском языке. Флетчер Дж. Средневековые монголы: экологические и социальные перспективы // Монгольская империя и кочевой мир. Вып. 1. Улан-Удэ, 2004.

³⁸ Krader L. Formation of the State. Englewood Cliffs, 1968. P. 83—103.

³⁹ Krader L. The Origin of the State among the Nomads of Asia // The Early State. The Hague, 1978; Idem. Pastoral Production and Society. Cambridge, 1979.

⁴⁰ Di Cosmo N. State Formation and Periodization in Inner Asian History // Journal of World History. 1999. Vol. 10. N 1. P. 12, n. 38.

ной точкой является структурный кризис внутри племенного общества. Кризис мог быть вызван различными экономическими, политическими и иными причинами. Первым шагом по выходу из кризиса является *милитаризация*, следствием которой является создание военно-иерархической структуры степного общества. Милитаризация параллельно дополняется появлением харизматического *лидера* и его *сакральной* легитимизации в качестве правителя. Все это приводит к концентрации им власти, а затем посредством организации *экспансии* и получения доходов создаются условия для создания государственности⁴¹.

Все вышеизложенное не вызывает возражений. История прихода к власти Чингис-хана вполне вписывается в такой вариант событий. Вопрос только в том, почему результат обязательно предполагал милитаризацию, но не интенсификацию экономики. Значит, потенциал внутреннего развития был все-таки ограничен. Как очень точно заметил по этому поводу Дж. Флетчер, кочевникам «с экологической точки зрения не требовалось общественной организации выше уровня племени. Всякий, претендующий на место надплеменного вождя, должен был заставить подчиняться себе высокоомобильное население, которое могло просто откочевать, проигнорировав тем самым претензии на власть. Племенные вожди не горели желанием потерять свою автономность, так чтобы властелин всей кочевой федерации мог править или облагать налогами их племена. В отличие от аграрных обществ, которые могли копить богатство и хранить его, степное общество покоилось на богатстве, состоящем из скота, которому были необходимы обширные пастбища и которое нельзя было концентрировать в едином центре власти. По этой же причине надплеменной правитель не мог содержать постоянную армию, которая была бы в его полном распоряжении»⁴².

Ряд исследователей развивали тезис о преемственности степных империй кочевников, отмечая при этом сходство основных черт политической организации (крылья, десятичная система), системы наследования, власти и идеологии (титулатура, обряд инаугурации, культ Тенгри) между хунну, тюрками и монголами. Эта концепция, в частности, подробно обосновывалась в работах известного турецкого историка Зеки Велиди Тогана⁴³. Позднее схожие положения высказывались другими зарубеж-

⁴¹ Ibid. P. 15–26. Di Cosmo N. Ancient China and its Enemies: The Rise of Nomadic Power in East Asian History. Cambridge, 2002. P. 167–196.

⁴² Fletcher J. Op. cit. P. 14.

⁴³ Togan Z.V. Cengiz Han. Istanbul, 1967.

ными учеными⁴⁴, а также в отечественной историографии (особенно В.В. Трепавловым). В последние годы за концепцию преемственности высказался Д. Роджерс. Он считает, что через данный механизм можно объяснить динамику политических институтов в степях Монголии⁴⁵.

Среди внешних факторов нередко упоминается природно-географическая среда. При этом необходимо иметь ввиду, что современные палеогеографические данные не подтверждают жесткой корреляции глобальных периодов усыхания/увлажнения степи с временами упадка/расцвета кочевых империй. Г. Дженкинс полагает, что климат в это время существенно ухудшился. По его мнению, на 1175–1260 гг. на территории Монголии отмечается резкое понижение температуры. Это могло стать причиной объединения монголов⁴⁶. Однако, по другим данным, период между 1120–1280 гг. пришелся на так называемый средневековый максимум среднегодовой температуры и солнечной активности⁴⁷. По мнению А.М. Хазанова, начиная с VIII в. численность монголов стала резко увеличиваться. Это привело к тому, что к концу XII в. возникла кризисная ситуация вследствие нарушения экологического баланса между ресурсами и количеством скота и численностью населения. Неудивительно, что монголы были очень заинтересованы в получении у соседних народов не только продуктов питания, но и животных⁴⁸.

Однако более важным было значение окружающего мира для обществ кочевников. Эти идеи восходят к концепции внешней границы О. Латтимора. Впоследствии они были развиты А.М. Хазановым и С. Жагчидом, согласно которым ограниченность скотоводческого хозяйства предполагала необходимость установления тесных контактов с оседло-городскими обществами⁴⁹. Кочевники могли получать недостаю-

⁴⁴ Подробнее см.: *Трепавлов В.В.* Традиции государственности в кочевых империях (очерк историографии) // *Mongolica: К 750-летию «Сокровенного сказания»*. М., 1993.

⁴⁵ *Rogers D.* The Contingencies of State Formation in Eastern Inner Asia // *Asian Perspectives*, 2007. Vol. 46. N 2; *Роджерс Д.* Причины формирования государств в восточной Внутренней Азии // *Монгольская империя и кочевой мир*. Вып. 3. Улан-Удэ, 2009.

⁴⁶ *Jenkins G.* A Note on Climatic Cycles and the Rise of Chinggis Khan // *Central Asiatic Journal*. Vol. 18. N 4. P. 217–226.

⁴⁷ *Turchin P., Hall T.* Spatial Synchrony Among and Within World-Systems: Insights From Theoretical Ecology // *Journal of World-System Research*. Vol. IX. 2003. N 1. P. 50.

⁴⁸ *Khazanov A.M.* The Origin of Genghis Khan's State: An Anthropological Approach // *Etnografia Polska*. 1980. Vol. 24. N 1. P. 29–39; *Хазанов А.М.* Кочевники и внешний мир. Алматы, 2002. С. 371–372.

⁴⁹ *Khazanov A.M.* Nomads and the Outside World. Cambridge, 1984; 2nd ed. Madison, WI, 1994; *Хазанов А.М.* Кочевники и внешний мир. 3-е изд. Алматы, 2000. *Крадин Н.Н.* Рец. на: *Хазанов А.М.* Кочевники и внешний мир // *Восток*. 2004. № 1. С. 192–194; *Jagchid S., Symons V.J.* Peace, War and Trade along the Great Wall. Bloomington, 1989.

щую продукцию сельскохозяйственного хозяйства и ремесла как посредством торговли и обмена, так и путем войны и грабежей. Для осуществления этих целей кочевники создавали большие степные империи. Позднее идеи об опосредованности степного политогенеза связями с сельскохозяйственным миром были развиты на материале древних и средневековых кочевников евразийских степей Т. Барфилдом, Дж. Флетчером и П. Голдендом⁵⁰. В другой книге Жагчида, написанной совместно с П. Хайером, последовательно рассмотрены основные стороны культуры монголов — скотоводческая экономика, семейно-родственные отношения, социально-политическая структура, религия, искусство, письменность⁵¹. Важное значение для понимания природы монгольского общества имеет изучение социальной терминологии, которая содержится в «Монголын нууц товчоо»⁵². К проблеме повседневной жизни монголов обратился также Дж. Лэйн⁵³.

Большой интерес представляет книга Т. Барфилда «Опасная граница»⁵⁴, в которой он суммировал взгляды предшественников и, отвергая диффузионистские интерпретации заимствования кочевниками государства у земледельцев, показал, что степень централизации степного общества была прямо связана с уровнем политической интеграции оседлого сельскохозяйственного общества. Империя Хань и держава Хунну появились в течение одного десятилетия. Тюркский каганат возник как раз в то время, когда Китай был объединен под властью династий Суй, а затем Тан. Когда в Китае начинались смуты и экономический кризис, система дистанционной эксплуатации кочевников переставала работать и имперская конфедерация разваливалась на отдельные племена до тех пор, пока не восстанавливались мир и порядок на юге. Концепция была критически воспринята китаистами по причине отсутствия у автора соответствующей лингвистической подготов-

⁵⁰ Barfield T. The Hsiung-nu Imperial Confederacy: Organization and Foreign Policy // Journal of Asian Studies. 1981. Vol. XLI. N 1; Fletcher J. Op. cit.; Golden P.B. An Introduction to the History of the Turkic Peoples: Ethnogenesis and State Formation in Medieval and Early Modern Eurasia and the Middle East. Wiesbaden, 1992; Ibid. Ethnicity and State Formation in Pre-Çinggisid Turkic Eurasia. Bloomington, IN, 2001.

⁵¹ Jagchid S., Hyer P. Mongolian Culture and Society. Boudler, 1979.

⁵² Hesse K. Zur Selbstkonzeption der sozialen Stratifikation der Mongolen in der Genealogie der Geheimen Geschichte (Mongqol-un ni'uca tob a'an) // Central Asiatic Journal. Vol. 29. 1985. N 1—2.

⁵³ Lane G. Daily life in the Mongol empire. London etc., 2006.

⁵⁴ Barfield T.J. The Perilous Frontier: Nomadic Empires and China. Cambridge etc., 1989; 2nd ed. 1992; Барфилд Т. Мир кочевников скотоводов // Кочевая альтернатива социальной эволюции. М., 2002.

ки⁵⁵. Однако глубокие этнографические знания и серьезный теоретический анализ делают эту работу одним из наиболее важных кочевниковедческих исследований последней четверти XX столетия.

Империя Чингис-хана не вписывается в красивую схему Барфилда, поскольку ее создание пришлось не на период подъема чжурчжэньской династии Цзинь, а на годы кризиса. Сам Барфилд интерпретировал данное обстоятельство следующим образом: «Победа Чингис-хана демонстрирует, что модель, которую мы представили, является вероятностной, а не детерминистской»⁵⁶. «Чем больше я изучал истоки Монгольской империи, тем больше у меня складывалось мнение, что Чингис-хан играл более великую персональную роль, чем любой другой лидер в Монголии до или после. Я готов зайти дальше, утверждая, что если бы Чингис-хан был бы уничтожен или убит до 1206 г., в Монголии не появилась бы такая мировая кочевая империя... Когда большой дуб возвышается на земле, легко забыть, что он начинал свое существование желудем, желудем, который могла съесть любая белка. И когда родился Чингис-хан, было очень мало желудей, но много голодных белок. Так как больше внимания обычно уделяется великим монгольским завоеваниям после 1206 г., обычно недооценивают, какими значительными были приход Чингис-хана к власти, объединение Монголии и создание могущественной империи»⁵⁷. Впрочем, такой подход разделяется далеко не всеми. И. Тоган полагает, что если бы Чингис-хана не было, на его месте оказался бы какой-то другой вождь из татар, керейтов, найманов и др.⁵⁸.

⁵⁵ Dunnell R. Review of: Barfield T. *The Perilous Frontier: Nomadic Empires and China* (1989) // *The Journal of Asian Studies*. 1991. Vol. 50. N 1–2; Wright D. *Wealth and War in Sino-nomadic Relations* // *The Tsing Hua Journal of Chinese Studies*. N.s. Vol. 25. 1995. N 3. В продолжение данной полемики следует заметить, что этот спор имеет давнюю историю. Достаточно напомнить полемические выпады В.В. Бартольда против Г.Г. Грумм-Гржимайло еще на заре XX в. или позднее критику работ А.Н. Гумилева со стороны советских востоковедов. Несомненно, хорошее владение китайским языком было бы полезно для специалиста в области кочевников Внутренней Азии. Однако в силу существующего разделения наук это очень трудно. По той же причине востоковеды, как правило, имеют менее глубокие знания в области археологии и этнографии. В идеале было бы хорошо иметь исследователей с одинаково высокой подготовкой в области языков, этнографии и археологии. Даже среди самих историков, занимающихся изучением средневековых монголов, фактически присутствует специализация в зависимости от языков, которыми они владеют (см.: Jackson P. *The Mongol Empire*. P. 190 etc.).

⁵⁶ Barfield T.J. *The Perilous Frontier*. P.15; Ibid. *Something New Under the Sun: The Mongol Empire's Innovations in Steppe Political Organization and Military Strategy* // *Chinggis Khaan and Contemporary Era*. Ulaanbaatar, 2003.

⁵⁷ Барфилд Т. Монгольская модель кочевой империи // Монгольская империя и кочевой мир. Вып. 1. Улан-Удэ, 2004. С. 268.

⁵⁸ Togan I. *Flexibility and limitation in Steppe Formations: The Kerait Khanate and Chinggis Khan*. Leiden, 1998.

Природа Монгольской империи

В наши дни интерес к истории монголов отчасти был спровоцирован важной круглой датой — в 2006 г. исполнилось 800 лет с момента провозглашения империи Чингис-хана. В связи с этим только за несколько первых лет уже нового тысячелетия появилось большое количество переизданий работ прошлых лет, активизировались научные исследования в данной области, были проведены несколько конференций в разных странах мира, опубликованы их материалы, тема привлекла внимание журналистов и литераторов, занимающихся популяризацией науки⁵⁹. В 2006 г. в Улан-Баторе состоялся IX конгресс монголоведов, главным направлением которого избрана тема «Монгольская государственность: прошлое и настоящее».

Данная тематика не была особенно популярной для англоязычной литературы. Однако в последние десятилетия в англоязычной литературе она стала активно обсуждаться. Выходец из Монголии Б.-О. Болд в книге *«Монгольское кочевое общество»* попытался пересмотреть взгляд на монгольское общество указанной эпохи как феодальное, совершенно справедливо указывая, что расширительное толкование феодализма от Атлантики до Пасифики делает это понятие бессмысленным. Автор совершенно справедливо пишет, что война была для кочевников жизненно важным способом получения продукции земледелия и ремесла (напрямую через грабеж или дань или опосредованно через требование открыть пограничные рынки), в отличие от войн в земледельческих обществах, которые велись не ради выживания, а с другими целями. По этой причине автор предлагает именовать государства кочевников «агрессивными». Однако Болд полемизирует в основном с монгольскими и советскими учеными эпохи господства марксизма. С современными исследованиями российских авторов, выполненными в иной методологической парадигме, автор не знаком. Вне его внимания оказались и теоретические работы современных западных кочевниковедов⁶⁰.

Однако наибольшую полемику в последние годы вызвала работа Д. Снита «Безголовое государство»⁶¹. Стержневая идея книги — отсутствие родо-пле-

⁵⁹ Груссе Р. Чингисхан: покоритель Вселенной. М., 2000; Чингисхан и судьбы народов Евразии. Улан-Удэ, 2003; Chinggis Khaan and Contemporary Era. Ulaanbaatar, 2003; Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ, 2004; Храпачевский Р.П. Военная держава Чингисхана. М., 2005 и др.

⁶⁰ Bold B.-O. Mongolian nomadic society: A Reconstruction of the «Medieval» History of Mongolia. New York etc.: Curson, 2001.

⁶¹ Sneath D. The Headless State: Aristocratic Orders, Kinship Society, and the Misrepresentation of Nomadic Inner Asia. New York, 2007.

менной организации в обществах монгольских кочевников. Автор не обнаружил этой организации в ходе собственных полевых этнографических исследований у современных монголов и полагает, что подобной системы не существовало и в Средние века. Более того, Снит считает, что термины «род» и «племя» — это выдумка политически ангажированных этнографов XIX и XX вв. При этом для критики используется странный способ: создается заведомо гротескная примитивистская модель, а потом она убедительно свергается с пьедестала (в этом Снит продолжает «печальную» традицию некоторых других работ). И это выглядит для читателя очень убедительно. Автор упорно пытается доказать, что антропологи специально придумали термины «род», «племя» и «вождество», чтобы доказать примитивность, отсталость кочевых народов евразийских степей. Что же предлагает Снит взамен обветшалых теорий предшественников? Он вводит термины «аристократическое общество» и «безголовое государство» (*headless state*). Правда, при этом он обходится без особой аргументации и обещает раскрыть эти понятия в будущем.

Книге Снита в англоязычных изданиях было посвящено несколько критических рецензий, написанных авторитетными специалистами в области кочевниковедения⁶². Во всех отзывах содержатся примерно одинаковые замечания: карикатурный образ «колониального» антрополога прошлого в книге Снита, чрезмерно искаженное понимание дефиниции «племени», антиисторизм взглядов на древние и средневековые кочевые общества, отсутствие реального описания так называемого «аристократического порядка», абсурдность применения к кочевым империям термина «безголовое государство».

Действительно, более неудачный термин трудно было бы изобрести. Можно дискутировать относительно того, можно ли считать кочевые империи государством или нет, но считать степные державы лишенными единоначалия, т.е. головы — это нонсенс. Снит пытается сконструировать альтернативную концепцию «аристократического общества» у кочевников. В реальности получается, что для него нет разницы между средневе-

⁶² Среди рецензентов П. Голден (Journal of Asian Studies. Vol. 68. 2009. N 1. P. 293—296), Т. Барфилд (Comparative Studies in Society and History. 2009. N 4. P. 942—943), А.М. Хазанов (Social evolution and History. 2010. N 2. P. 206—208). На отзыв П. Голдена Снит откликнулся полемическим откликом (Journal of Asian Studies. Vol. 69. 2010. N 2. P. 658—660), на который Голден аргументированно ответил (Там же. P. 660—663). Журнал «Ab Imperio» (2009. № 4. P. 80—175) посвятил специальную подборку статей для обсуждения концепции Д. Снита, включая и нашу критическую статью. Kradin N.N., Skrynnikova T.D. «Stateless Head»: Notes on Revisionism in the Studies of Nomadic Societies // Ab Imperio. 2009. № 4. См. также: Kradin N.N. Review on the «The Headless State: Aristocratic Orders, Kinship Society, and Misrepresentations of Nomadic Inner Asia» by D. Sneath (New York, 2007) // Asian Perspectives. Vol. 51. 2012. N. 1.

ковыми аристократами Европы и Внутренней Азии. Это шаг назад, который много лет ранее совершили советские марксисты 1930-х гг., подгоняя номадов под модель феодального способа производства. Тогда из-за стремления выявить общие универсалии исторического процесса были нивелированы особенности различных типов раннесредневековых обществ⁶³.

Созданная монголами империя представляла собой уникальный опыт соединения традиционных степных механизмов управления и административных институтов оседло-городских обществ. В книге К. Хессе показана динамика политических институтов монгольского общества⁶⁴. Однако одно из наиболее крупных исследований по этой теме — монография Т. Олсона «Монгольский империализм». Блестящее владение китайскими и персидскими источниками, хорошее знание нескольких европейских языков и основной литературы дали возможность провести комплексное изучение формирования основных институтов Монгольской империи и ее расцвета в период правления хагана Мункэ. Олсон последовательно показывает основные механизмы и инструменты централизации власти: создание системы личной зависимости правителей покоренных владений, проведение переписи, сбор дани и формирование налоговой системы, мобилизация трудовых ресурсов, формирование инфраструктуры империи (ямская служба, баскаки и т.д.)⁶⁵.

По причине отсутствия бюрократического корпуса важное место в структуре управления Монгольской империи играли дружинники (кешиктены). Их роль подробно рассмотрена в монографии Сяо Цицина. Положение дружинников основывалось на личностных связях с правителем, и это сильно отличалось от традиционного китайского способа рекрутирования управленческого аппарата⁶⁶. Впрочем, «иногда нукерские связи становились отчасти формализованными вследствие присвоения титулов, порожденных китайскими институтами, но эти титулы во многих случаях не представ-

⁶³ Подробнее см.: Крадин Н.Н. Кочевые общества. Владивосток, 1992; он же. Кочевники Евразии. Алматы, 2007.

⁶⁴ Hesse K. Abstammung, Weiderecht und Abgabe. Zum Problem der konsanguinal-politischen Organization der mongolen des 13. bis zum 17. Jahrhundert. Berlin, 1982.

⁶⁵ Allsen T. Mongol Imperialism: The policies of the Grand Qan Mnke in China, Russia and the Islamic lands, 1251-1259. Berkeley and Los Angeles, 1987; *Idem*. Spiritual Geography and Political Legitimacy in the Eastern Steppe // Ideology and the Formation of Early States. Leiden, 1996; *Idem*. Technologies of Governance in the Mongolian Empire: A Geographic Overview // Imperial Statecraft: Political Forms and Techniques of Governance in Inner Asia, Six — Twentieth Centuries. Cambridge, 2006.

⁶⁶ Hsiao Ch'i-ch'ing. The Military Establishment of the Yüan Dynasty. Cambridge, Mass, 1978; см. также: Atwood Ch. Ulus Emirs, Keshig Elders, Signatures, and Marriage Partners: The Evolution of a Classic Mongol Institution // Imperial Statecraft: Political Forms and Techniques of Governance in Inner Asia, Six — Twentieth Centuries.

ляют ничего большего, чем пустое слово»⁶⁷. Следует также отметить книгу Г. Франке о сакрализации власти Чингис-хана. Работа интересна сопоставлением различных образов основателя Монгольской империи, сформированных в китайских, монгольских и буддистских источниках⁶⁸.

Значительное место занимают труды, посвященные религиозным воззрениям монголов и идеологии их империи. При этом большее внимание уделялось традиционным шаманистским культам, концепции Вечного Неба⁶⁹. Кроме того, есть работы о роли колдовства и предсказаниях астрологов⁷⁰. Однако необходимо помнить, что Чингис-хан воспринимал Небо не как божественную данность, а как способ умножения своей личной силы. Предметом дискуссии стал также вопрос, когда монголы выработали мессианскую доктрину покорения Мира: в доимперский период, в процессе завоеваний или подобная идеология была характерна для степных империй всегда⁷¹. Определенный вклад был внесен в обсуждение вопроса о природе монгольской религиозной терпимости. Удалось установить, что это было обусловлено многими факторами: наличием у монголов представлений о Небесном мандате на завоевание мира, отсутствием стратегического интереса к мировым религиям, личными мотивами монгольских правителей, стремлением разобщить политические элиты различных ве-

⁶⁷ *Franke H.* The Role of the state as a structural element in polyethnic societies // *Foundation and Limits of State Power in China*. London, 1981. P. 97.

⁶⁸ *Franke H.* From Tribal Chieftain to Universal Emperor and God. The Legitimation of the Yuan Dynasty. München, 1978.

⁶⁹ *Rachewiltz I.* de Some Remarks on the Ideological Foundations of Chingis Khan's Empire // *Papers on Far Eastern History*. Vol. 7. 1973. P.21—26; *Sagaster K.* Herrschaftsideologic und Friedensgedanke bei den Mongolen // *Central Asiatic Journal*. Vol. 17. 1973. P. 223—242; *Golden P.B.* Imperial Ideology and the Sources of Political Unity amongst the Pre-Chingisid Nomads of Western Eurasia // *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. Vol. II. 1982. P. 37—76; *Roux J.-P.* La religion des Turcs et des Mongols. Paris, 1984; *Khazanov A.M.* The spread of world religions in medieval nomadic societies of the Eurasian steppes // *Nomadic diplomacy, destruction and religion from the Pacific to the Adriatic* (Toronto Studies in Central and Inner Asia, Vol.1). Toronto, 1994; *Idem.* Muhammad and Jengiz Khan Compared: The Religious Factor in World Empire Building // *Comparative Studies in Society and History*. 1993. Vol. 53. N 3; etc.

⁷⁰ *Endicott-West E.* Notes on shamanism, fortune-tellers and Yin-Yang practitioners and civil administration in Yuan China // *The Mongol empire and its legacy*. Leiden, 1999. P. 240—249.

⁷¹ *Beffa M.-L.* Le concept de tänggäri, «ciel», dans l'Historie Secrete des Mongols // *Etudes Mongoles et Siberiennes*. Vol. 24. Paris, 1993; *Smitt J.M., Jr.* The Mongols and world-conquest // *Mongolica: an international annual of Mongolian studies*. 1995. Vol. 5. P. 206—214; *Morgan D.* The Mongols and the eastern Mediterranean // *Latins and Greeks in the eastern Mediterranean after 1204*. London, 1999; *Amitai-Preiss R.* Mongol imperial ideology and the Ilkhan war against the Mamluks' // *The Mongol empire and its legacy*. P. 57—72; etc.

роисповеданий⁷². При этом, пока империя была объединена, монгольская элита уверенно справлялась с многообразием религиозных воззрений подвластных народов. Лишь после ослабления монгольских государств мировые религии стали важным фактором политического господства на завоеванных территориях.

Дж. Флетчер во введении к своей знаменитой статье задавался вопросом, почему монголы приняли ислам, но не стали в завоеванных странах конфуцианцами, буддистами или христианами. Его главный вывод и сейчас не вызывает возражений: ислам — это религия воинов и торговцев, она более приемлема для номадов⁷³. В более поздних исследованиях проблема обращения монголов в ислам на Ближнем Востоке, в Средней Азии и Золотой Орде исследована более подробно⁷⁴. В то же самое время современные данные выявляют новые обстоятельства неприятия монголами христианства. Все более важное место занимает изучение роли буддизма для монголов, в том числе и в связи с последующей ламаизацией Халха-Монголии⁷⁵. Есть мнение, что на выбор той или иной религии могло оказать влияние стремление монгольской элиты сформировать общую идентичность с завоеванным населением и/или подчеркнуть свою идеологическую независимость от других монгольских ханств⁷⁶. Так или иначе, принятие монголами мировых религий способствовало развитию аккультурационных процессов сначала среди элиты, а затем и проникновению культурных заимствований из оседло-земледельческого мира в степную среду.

Серьезные достижения были сделаны в изучении монгольского средневекового права. Традиционно принято считать, что наиболее подробные сведения о составе Ясы Чингис-хана содержатся в трактате египетского писателя XV в. ал-Макризи. Именно у него черпали информацию о составе

⁷² Foltz R. Ecumenical mischief under the Mongols // *Central Asiatic Journal*. Vol. 43. 1999. N 1.

⁷³ Флетчер Дж. Средневековые монголы: экологические и социальные перспективы. С. 212, 243–245.

⁷⁴ Vasary I. History and legend in Berke Khan's conversion to Islam // *Aspects of Altaic Civilization III. Proceedings of the XXXth Permanent International Altaistic Conference*. Ed. D. Sinor. Bloomington, IN, 1990; De Weese D. Islamization and Native Religion in the Golden Horde. University Park, PA, 1994; Amitai-Preiss R. Ghazan, Islam and Mongol tradition: a view from the Mamluk Sultanate // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London*. Vol. 59. 1996. N 1; *Idem*. Sufis and Shamans: some remarks on the Islamization of the Mongols in the Ilkhanate // *Journal of the Economic and Social History of the Orient*. Vol. 42. 1999. N 1.

⁷⁵ Мэй Т. Монголы и мировые религии в XIII веке // *Монгольская империя и кочевой мир*. Вып. 1; Коллмар-Пауленц К. Новый взгляд на религиозную идентичность монголов // Там же.

⁷⁶ Biran M. The Mongol Empire: The State of Research. P. 1025.

Ясы все интерпретаторы от П. де да Круа до В.Я. Рязановского и Г.В. Вернадского. Д. Айалон убедительно показал, что все сведения о Ясе вымысел автора. Ал-Макризи стремился опорочить правительство мамлюков и с этой целью пытался показать, что они включили монгольские юридические нормы в свои законы⁷⁷. Выводы Айалона были также поддержаны и развиты Д. Морганом и Д. Эгль⁷⁸.

И. де Рахевильц полагает, что Яса существовала как устный свод запретов и правил, в который было запрещено вносить изменения. Есть серьезные основания полагать, что текст Ясы был записан еще при его жизни. Однако Яса не представляла собой четко разработанного юридического кодекса, скорее это была компиляция различных установлений, правил и табу, установленных Чингис-ханом с некоторыми дополнениями в правление Угедая. Текст Ясы не сохранился, однако многие сюжеты известны в пересказе других средневековых источников. С течением времени значение Ясы упало вследствие разделения Монгольской империи на несколько самостоятельных частей, в которых определяющую роль имели местные юридические традиции⁷⁹.

Ясой также занимался П. Рачневский. Он полагал, что при Чингис-хане так называемая Яса представляла собой совокупность записей различных изречений и распоряжений хана, высказанных по разным поводам и в течение длительного периода времени. Эти изречения нельзя считать юридическим документом систематического характера⁸⁰. Рачневский также выполнил большую работу по введению в научный оборот юридических источников империи «Юань из Да Юань тунчжи» («Всеобщие законы великой династии Юань»)⁸¹.

⁷⁷ *Ayalon D.* The Great Yasa of Chinggis khan. A Reexamination (Part's A, B, Ca, C2) // *Studia Islamica*. Vol. 33. 1971. P. 97–140; 1971. Vol. 34. P. 151–180; 1972. Vol. 36. P. 113–158; 1973. Vol. 38. P. 107–156.

⁷⁸ *Morgan D.* The Great Yasa of Chingiz Khan and Mongol law in the Ilkhanate // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London*. 1986. P. 163–176; *Idem.* The «Great Yasa of Chinggis Khan» Revisited // *Mongols, Turks, and Others: Eurasian Nomads and the Sedentary World*. Leiden and Boston, 2005; *Aigle D.* Le grand yasa de Gengis Khan, L'empire, la culture mongole et la charia // *Journal of the Economic and Social History of the Orient*. 2004. Vol. 47. N 1. P. 31–79; *Эгль Д.* Великая яса Чингис-хана, монгольская империя и шариат // *Монгольская империя и кочевой мир*. Вып. 1.

⁷⁹ *Rachewiltz I. de* Some reflection on Činggis Qan's *Yasay* // *East Asian History*. Vol. 6. 1993. P. 91–104.

⁸⁰ *Ratchnevsky P.* Die Yasa (Jasag) Cinggis-khans und ihre Problematik // *Schriften zur Geschichte und Kultur des alten Orients*. Bd. 5 (Sprache, Geschichte und Kultur der altaischen Völker). Berlin, 1974. S.164–172; *Ibid.* Cinggis-khan: Sein Leben und Wirken. S. 164–165.

⁸¹ *Ratchnevsky P.* Un Code des Yuan. Vol. 1–4. Paris, 1937, 1972, 1977, 1985.

В последние два—три десятилетия активизировалась работа по изучению монгольских режимов в завоеванных обществах, а также отношений монголов с соседними цивилизациями. Эта работа сопровождается введением в научный оборот новых источников на китайском, арабском и персидском языках⁸². Среди них, несомненно, особого внимания заслуживает история династии Юань. Из множества работ в этой области необходимо выделить фундаментальные исследования Г. Франке, посвященные различным аспектам политики монголов в Китае. Он акцентирует внимание на соотношении китайской номенклатурной терминологии и различных племенных наименований киданей, чжурчженей и монголов, формировании специальных институтов для усиления персональной власти правителей (например, кешиктенов у монголов) или контроля над завоеванными народами, наличии трайбалистских элементов и этнической дискриминации в пользу титульной нации в государственном аппарате, опыте использования дуальной системы управления отдельно для кочевников и земледельцев и т.д.⁸³ В начале 1990-х гг. был опубликован сборник его работ, в который вошли многие ранее изданные труды⁸⁴.

Следует также отметить роскошное собрание биографий государственных деятелей юаньской династии, составленное на основе данных исторических хроник⁸⁵. Важное значение имеет также сводка данных Д. Фарквара по административным учреждениям империи Юань, а также книга об управлении монголами Китаем на местном уровне. В этих работах вводится в оборот большой пласт ранее неизвестных источников⁸⁶. Заслуживает внимания и большая работа по изучению кодекса законов династии Юань⁸⁷.

⁸² The Mongol Empire and its Legacy. Ed. by R. Amitai-Press and D. Morgan. London etc., 1999; Mongols, Turks, and Others: Eurasian Nomads and the Sedentary World. Ed. by R. Amitai-Press and M. Biran. Leiden, 2005; Beyond the Legacy of Genghis Khan. Ed. by L. Komaroff. Leiden, 2006 etc.

⁸³ Franke H. From Tribal Chieftain to Universal Emperor and God; *Idem*. The Role of the state as a structural element in polyethnic societies; etc.

⁸⁴ Franke H. China under Mongol Rule. Aldershot, 1994.

⁸⁵ In the Service of the Khan: Eminent Personalities of the early Mongol-Yuan Period (1200—1300). Ed. by I. de Rachewiltz, Chan Hok-lam, Hsiao Ch'i-ch'ing, and P.W. Geier. Wiesbaden, 1993. Хорошим источниковедческим дополнением к этой работе является труд Ф. Рыбацки: Rybatzki V. Die Personennamen und Titel der Mittelmongolischen Dokumente: Eine lexikalische Untersuchung. Helsinki, 2006.

⁸⁶ Endicott-West E. Mongolian Rule in China. Local Administration in the Yuan Dynasty. Cambridge, 1989; Farquar D. The government of China under Mongolian Rule. A reference guide. Stuttgart, 1990.

⁸⁷ Ch'en Heng-chao P. Chinese Legal Tradition under the Mongols, the Code of 1291 as Reconstructed. Princeton, N.J., 1979.

Непревзойденным образцом исторической биографии остается книга М. Россابي о Хубилае. Автор использовал разнообразный круг источников, вследствие чего ему удалось преодолеть сухость китайских династийных хроник и нарисовать живой образ императора. В интерпретации Россابي Хубилай предстает не только как завоеватель, но и мудрый правитель, покровитель торговли, наук и искусств. Большое внимание уделено описанию процессов аккультурации номадов в Китае, выявлению ошибок монголов в управлении Поднебесной⁸⁸.

Спорной остается оценка монгольского присутствия в Китае. Одни авторы склонны характеризовать правление Юаней как период ужесточения, в сравнении с автохтонными династиями. Даже расцвет китайской национальной культуры объясняется тем, что завоеватели неохотно привлекали конфуцианцев к управлению. По этой причине многие из представителей китайской интеллектуальной элиты обратились к литературе, искусству, наукам. По мнению других, ситуация не была столь однозначна. Несмотря на сокращение численности населения, успешно развивалась экономика, императоры покровительствовали литературе и живописи⁸⁹.

Монголы в силу своей малочисленности не смогли противодействовать аккультурационным процессам. Армия теряла свою боеспособность из-за необходимости вести оседлый образ жизни. Воины активно брали в жены китаянок, развивался бикультурализм. Численность монголов вместе с сэму в официальных учреждениях никогда не составляла более трети. Квоты поддерживались искусственно. Когда была реанимирована система экзаменов на должность, для монголов и сэму также были введены облегченные испытания. Некоторые китайцы в ответ овладевали языком завоевателей и принимали монгольские имена⁹⁰.

В определенной степени итог изучения деятельности монголов на Ближнем Востоке был подведен в «Кембриджской истории Ирана»⁹¹. Однако в последние десятилетия были выполнены новые исследования. Большое внимание монгольским завоеваниям и их политике в Иране было

⁸⁸ *Rossabi M. Khubilai Khan. His Life and Times. Berkeley etc., 1988.*

⁸⁹ *China under Mongol Rule. Ed. by J.D. Langlois. Princeton, 1981.*

⁹⁰ *Dardess J. Conquerors and Confucians: Aspects of Political Change in Late Yüan China. New York and London, 1973.*

⁹¹ *The Cambridge History of Iran. Vol. 5. The Saljuq and Mongol periods. Ed. J.A. Boyle. Cambridge, 1968.* Не так давно в 2009 г. вышла новая обобщающая книга — «Кембриджская история Внутренней Азии. Время Чингизидов».

уделено в книге Д. Моргана «Средневековая Персия»⁹². Исследования показывают более сложные оценки монгольского завоевания. Несмотря на жестокость монголов в Средней Азии и на Ближнем Востоке, степень разрушительности их завоеваний оказалась несколько преувеличенной. Быстро восстановились городская жизнь, торговля. Развивались виноградарство, шелководство, ткачество. Наличие больших степных пространств позволило сохранить кочевой образ жизни. Завоеватели со временем приняли ислам, диванную систему управления и вписались в традиционную для этих регионов модель взаимоотношений «номады — земледельцы», а время правления ильханов некоторыми авторами расценивается как «персидский Ренессанс»⁹³. Последнему периоду государства ильханов посвящена книга Ч. Мелвила⁹⁴. Разноязычные источники позволили М. Биран дать превосходный анализ режиму Чагатаидов при внуке Чингис-хана Хайду — времени, когда улус стал фактически независимым от метрополии степной империи⁹⁵.

Особое место занимает вопрос о монгольских завоеваниях на Руси. Ч. Гальперин убедительно показал, что политика монголов в древнерусских княжествах принципиально отличалась от их отношений с народами Средней Азии и Ближнего Востока. Монголы кочевали по левобережью Волги. Это позволяло ханам Золотой Орды контролировать ситуацию на Руси, не прибегая к необходимости размещения больших гарнизонов в покоренной стране. Поскольку основные геополитические интересы джучидов были сосредоточены вокруг так называемого северного шелкового пути (Хорезм, Поволжье, Причерноморье), их устраивала политика косвенного управления через институт ярлыков⁹⁶.

Гораздо труднее было с осознанием факта политического господства монголов. В Китае они вписались в классическую схему смены династий

⁹² Morgan D. *Medieval Persia 1040—1797*. London, 1988.

⁹³ Lambton A.K.S. *Continuity and Change in Medieval Persia: Aspects of Administrative, Economic and Social History, 11th—14th Century*. New York and London, 1988; The Court of the Il-Khans, 1290—1340. Eds. Julian Raby and T. Fitzherbert. Oxford, 1996; L'Iran face à la domination mongole. Ed. Denise Aigle. Tehran, 1997; Lane G. *Early Mongol rule in thirteenth-century Iran: a Persian renaissance*. London, 2003; Broadbridge A. *Kingship and Ideology in the Islamic and Mongol Worlds*. Cambridge, 2008.

⁹⁴ Melville Ch. *The fall of Amir Chupan and the decline of the Ilkhanate, 1327—37. A decade of discord in Mongol Iran*. Bloomington, IN, 1999.

⁹⁵ Biran M. *Qaidu and the Rise of the Independent Mongol State in Central Asia*. Richmond, 1997.

⁹⁶ Halperin Ch. *Russia and the Mongol Empire in comparative perspective* // *Harvard Journal of Asiatic Studies*. 1983. Vol. 43. N 1—2; *Idem*. *Russia and the Golden Horde*. Bloomington, 1985.

вследствие нарушения предыдущим императором Мандата Неба, а в мусульманском мире — в традиционную исламскую модель государственности. В православной концепции Мироздания не нашлось места для обоснования подчинения славян «нехристям» монголам. Признавался факт военного поражения, но отрицалось завоевание и включение русских княжеств в состав Монгольской империи⁹⁷. Косвенное отражение этого можно найти в нездоровом ажиотаже вокруг полемики о «татаро-монгольском иге» в современной российской историографии и даже в школьных и вузовских учебниках⁹⁸. В других исследованиях прослеживается влияние монголов на Русь. Номады заложили основу для последующего возвышения Московского царства, которое выступало как преемник Золотой Орды. Можно проследить заимствование канцелярии, дипломатического и придворного этикета, ямской службы, некоторых административных и военных институтов. Русские князья использовали принципы военного строительства, стратегию и тактику степняков вплоть до появления огнестрельного оружия. В целом, монгольское влияние оказалось большим, чем воздействие кочевников на китайскую или мусульманскую культуру⁹⁹.

Ряд работ посвящен монгольским походам в Европу и отношениям с Западом¹⁰⁰. Особенное внимание заслуживает недавно вышедшая работа П. Джексона. Работа основана на широком комплексе разноязычных источников и вторичной литературы. В книге подробно рассматриваются монгольские походы на Запад, описание путешествий миссионеров в степь, представления европейцев о монголах и их империи¹⁰¹.

⁹⁷ Halperin Ch. Russia and the Golden Horde P. 65—74.

⁹⁸ Halperin Ch. Omissions of national memory: Russian historiography on the Golden Horde as Politics of Inclusion and Exclusion // Ab Imperio. 2004. N 3.

⁹⁹ Halperin Ch. The Tatar yoke. Columbus, OH, 1986; Dewey H.W. Russia's debt to the Mongols in suretyship and collective responsibility // Comparative studies in society and history. 1988. Vol. 30. N 2; de Hartog L. Russia and the Mongol yoke 1221—1502. London, 1996; Ostrowski D. Muscovy and the Mongols: cross-cultural influences on the steppe frontier, 1304—1589. Cambridge, 1998.

¹⁰⁰ Bezzola A.G. Die Mongolen in abendländischer Sicht (1220—1270). Ein Beitrag zur Frage der Völkerbegegnungen. Bern und Bunchen, 1974; Klopprogge A. Ursprung und Ausprägung des abendländischen Mongolenbildes im 13. Jahrhundert. Ein Versuch zur Ideengeschichte des Mittelalters. Wiesbaden, 1993; Ruotsala A. The Crusaders and the Mongols. The Case of the First Crusade of Louis IX (1248—1254) // Medieval History Writing and Crusading Ideology. Helsinki, 2005; etc.

¹⁰¹ Jackson P. The Mongols and the West. Harlow, 2005.

Монгольская глобализация и влияние монголов на историю

Большое внимание в исследованиях последней четверти XX в. и в начале миллениума было уделено оценке влияния монголов на исторический процесс. В 1989 г. Ж. Абу-Луход выпустила книгу «До европейской гегемонии», в которой была сформулирована идея о появлении первой «мир-системы» в XIII в.¹⁰², задолго до того, как складывается «мир-система» капитализма¹⁰³. Значимость этой работы заключается в том, что Абу-Луход первой обосновала тезис о единстве мира до эпохи гегемонии культурных и торговых обменов. В течение короткого времени это сломало барьер между странами и цивилизациями и открыло путь мощи капитализма. По ее мнению, главный вклад монголов в мировую историю заключается в том, что они создали среду, благоприятную для развития потоков товаров и идей¹⁰⁴. Позднее роль кочевников и особенно монголов стала подчеркиваться в других крупных исследованиях по теории мир-системного анализа¹⁰⁵. Т. Холл недавно посвятил этой теме специальную обзорную работу¹⁰⁶.

Постепенно в лексиконе исследователей закрепился термин *Pax Mongolica*. Если еще полвека назад Г. Франке сомневался в научности использования этого понятия¹⁰⁷, то в настоящее время это уже не метафора, а устоявшаяся дефиниция¹⁰⁸.

¹⁰² Abu-Lughod J. Before European hegemony: The World-System A. D. 1250—1350. New York, 1989.

¹⁰³ Подробнее о мир-системном подходе на рус. яз. см.: Валлерстайн И. Миросистемный анализ // Время мира. Вып. 1. Новосибирск, 1998; он же. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб., 2001; он же.: Миросистемный анализ: Введение. М., 2006.

¹⁰⁴ Справедливости ради, следует отметить, что схожие подходы были высказаны еще в 1963 г. У. Мак-Нилом. McNeil W. The Rise of the West. Chicago, 1963; рус. пер. Мак-Нил У. Восхождение Запада: История человеческого сообщества. Киев; Москва, 2004.

¹⁰⁵ Hall T. The Role of Nomads in Core/Periphery Relations // Core/Periphery Relations In Precapitalist Worlds. Boulder, 1991; Chase-Dunn Ch., Hall T. Rise and Demise: Comparing World-Systems Boulder, 1997.

¹⁰⁶ Холл Т. Монголы в мир-системной истории // Монгольская империя и кочевой мир. Вып. 1. Улан-Удэ, 2004; Hall T. Mongols in World-System History // Social Evolution & History. Vol. 4. 2005. N 2.

¹⁰⁷ Franke H. Sino-Western Contacts under the Mongol Empire // Journal of the Royal Asiatic Society (Hong Kong Branch). 1966. Vol. 6. P. 50.

¹⁰⁸ Haase C.-P. Von der 'Pax Mongolica' zum Timuridenreich // Die Mongolen in Asien und Europa. Frankfurt am Main, 1997. S. 139—160; Ostrowski D. Muscovy and the Mongols: Cross-cultural influences on the steppe frontier, 1304—1589. Cambridge, 1998. P. 131, 149; Kim Hodong. The Unity of the Mongol Empire and Continental Exchanges over Eurasia // Journal of Central Eurasian Studies. Vol. 1. P. 15—16.

В работах исторического характера показана конкретная динамика контактов между разными частями Евразии в монгольскую эпоху. Многие из этих выводов уже стали хрестоматийными и вошли в учебную литературу¹⁰⁹. При этом важно избавиться от западноцентристских стереотипов. Всем хорошо известно о поездках семьи Поло и папских посланниках на Восток. Однако перемещения были двусторонними. Известны случаи посещения Европы выходцами из Внутренней Азии¹¹⁰. Даже несмотря на периодические конфликты между Чингизидами, торговцы и миссионеры достаточно легко перемещались по территории монгольских ханств и всегда могли найти покровительство со стороны властей и более или менее комфортные условия пребывания¹¹¹.

Важный вклад в осмысление этих процессов внес Т. Олсон — один из наиболее авторитетных исследователей монгольской медиевистики последних нескольких десятилетий. В небольшой по объему, но весьма содержательной книге он показал, что не следует эти потоки рассматривать как улицу с односторонним движением. Китайские техники и инженеры сопровождали монгольские армии, вторгавшиеся в страны ислама. Значительные группы населения с территории империи Цзинь были переселены в Мерв и Тебриз для занятия ремеслом и сельским хозяйством. По приказанию Хулагу были построены буддистские храмы на территории Хорасана, Армении и Азербайджана. Археологическими исследованиями изучены остатки одного такого храма неподалеку от Мерва. Конструкция объединяет местные и дальневосточные строительные традиции. В среднеазиатских городах существовали китайские кварталы¹¹².

Все это создавало возможности для расширения все новых и новых связей, формирования новых мод и вкусов. Однако не нужно забывать, что монголы не ставили своей целью создать сеть глобальных информационных коммуникаций. Они были одержимы идеей покорения мира и, следовательно, многие результаты их контактов с другими культурами и цивилизациями оказались непреднамеренными. «Транзиты высоких технологий» в большей степени были следствием деятельности политической воли правителей Монгольской империи, нежели внутреннего развития экономики и торговли. В результате сформировались обширные и постоянные сети куль-

¹⁰⁹ Rossabi M. *The Mongols and Global History*. New York, 2010.

¹¹⁰ Rossabi M. *Voyager from Xanadu: Rabban Sauma and the First Journey from China to the West*. Tokyo, 1992.

¹¹¹ Kim Hodong. *The Unity of the Mongol Empire and Continental Exchanges over Eurasia*. P. 30.

¹¹² Allsen T. *Culture and Conquest in Mongol Eurasia*. Cambridge, 2001.

турных и технологических контактов между ремесленниками, инженерами, художниками и другими представителями интеллектуального труда разных народов и государств. Все это стало основой для плодотворного технологического и культурного обмена, способствовало претворению в жизнь новых возможностей и уникальных открытий, которым через несколько столетий было суждено перевернуть весь мир¹¹³.

В другой работе Т. Олсон показал, как создание монгольской державы способствовало развитию текстильной отрасли. Парча являлась важным предметом престижного потребления в кочевых обществах. С давних времен в культурном мире степняков маркерами высокого статуса выступали лошадь, пояс, оружие, парчовый халат и головной убор. Это обстоятельство стимулировало текстильное производство в Западной Азии и поступление тканей в Монголию и Китай¹¹⁴.

Монгольские завоевания способствовали началу масштабных миграционных процессов, новых культурных контактов, зарождению новых вкусов и моды, формированию космополитизма. Монгольские императоры были покровителями китайских искусств. Юаньский двор был центром сосредоточения культуры различных цивилизаций. Элементы китайской живописи и декоративного искусства вошли в среднеазиатское искусство, также как среднеазиатская парча попала на Дальний Восток¹¹⁵. Национальные кухни многих стран обогатились блюдами и кулинарными рецептами других народов. В Китае при династии Юань элита стала активным потребителем блюд из баранины, а рис был оттеснен на второй план¹¹⁶. Из Ближнего Востока лапша попала в Китай и Италию, где стала одним из основных национальных блюд¹¹⁷.

¹¹³ Ibid. P. 27–28.

¹¹⁴ Allsen T. *Commodity and Exchange in the Mongol Empire: a Cultural History of Islamic Textiles*. Cambridge, 1997.

¹¹⁵ Timur and Princely Vision. Eds. T. Lentz and G. Lowry. Washington, D.C., 1989; Weidner M. Yuan Dynasty Collection of Chinese Paintings // *Central and Inner Asian Studies*. Vol. 2. 1988. P. 1–40; Vol.3. 1989. P. 83–104; Jing A. The Portraits of Khubilai Khan and Chabi Anige (1254–1306), A Nepal Artist at the Yuan Court // *Artist Asiatique*. Vol. 54. 1994. P. 40–86; Carswell J. *Blue and White: Chinese Porcelain around the World*. Chicago, 2000.

¹¹⁶ Anderson E.N. *Lamb, Rice and Hegemonic Decline: The Mongol Empire in the Fourteenth Century* // *The Historical Evolution of World-Systems*. N.Y. etc., 2005.

¹¹⁷ Smith J.M.Jr. *Mongol Campaign Rations: Milk, Marmots and Blood* // *Turks, Hungarians and Kipchaks. A Festschrift in Honor of T. Halasi-Kun*. Washington, D.C., 1984; Idem. *Dietary Decadence and Dynastic Decline in the Mongol Empire* // *Journal of Asian History*. Vol. 34. 2000. N 1; Buell P. *Food, Medicine and the Silk Road: The Mongol-era Exchanges* // *The Silk Road*. Vol. 5. 2007. N 1. P. 22–35; Idem. *Mongol Empire and Turkicization: The Evidence of Food and Foodways* // *The Mongol Empire and its Legacy*. P. 200–223; Buell P., Anderson E., Perry Ch. *A Soup for the Qan: Chinese Dietary Medicine of the Mongol Era as Seen in Hu Szu-hui's Yin-shan Cheng-yao*. London, 2000.

Европейцы познакомились с технологией перегонки спирта, не говоря уже о таких принципиальных для Запада открытиях, как компас, порох и книгопечатание. Влияние монгольского мира прослеживается в военном деле¹¹⁸ и даже в одежде. В Европе вошло в моду так называемое «татарское платье». Монголы стимулировали распространение медицинских идей по территории Евразии¹¹⁹. Они также оказали влияние на распространение различных религий, способствовали развитию картографии, изучению языков и составлению словарей¹²⁰.

Наглядным воплощением смешения культур и народов стал Каракорум — столичный город Монгольской державы. Город стал активно строиться начиная с 1235 г. Столица была разделена на несколько участков. В одной зоне располагались усадьбы аристократии и хаганский дворец, в другой — были расселены чжурчжэньские и китайские ремесленники, третья — была занята мусульманскими купцами. В городе существовало не менее четырех рынков, церкви и кумирни различных конфессий. В 1948–1949 гг. там проводил раскопки выдающийся советский археолог С.В. Киселев. В конце XX в. японские археологи сняли новый более точный план археологического памятника, уточнили территорию заселения в различные периоды существования города¹²¹. Начиная с 2000 г. на памятнике ведутся раскопки совместной германо-монгольской экспедицией¹²². Исследования велись двумя отрядами. Первый отряд под руководством Х.-Г. Хюттеля занимался изучением дворца, раскопанного С.В. Киселевым. Хюттель пришел к выводу, что данное сооружение было храмом, но не дворцом Угедей-хагана. Дворец, по его мнению, должен был располагаться в районе современного монастыря Эрдэни-дзуу. Там при исследо-

¹¹⁸ *Allsen T.* The circulation of military technology in the Mongolian Empire // *Warfare in Inner Asian History (500–1800)*. Leiden, 2002.

¹¹⁹ *Rall J.* Die vier grossen Medizinschulen der Mongolenzeit. Wiesbaden, 1970; *Medizine im mittelalterlichen Abendland*. Hrsg. G. Baader, G. Keil. Darmstadt, 1982; *Approaches to Traditional Chinese Medical Literature, Proceedings of an International Symposium*. London etc., 1989; *Anderson E.N.* Food and Health at the Mongol Court // *Opuscula Altaica. Essays Presented in Honor of H. Schwarz*. Bellingham, Wash., 1994 etc.

¹²⁰ *Larner J.* Marco Polo and the Discovery of the World. New Haven, 1999; *Allsen T.* Culture and Conquest. P. 103–104; *Гёкеньян Х.* Западные сообщения по истории Золотой Орды и Поволжья 1223–1556 // *Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой орды). От Калки до Астрахани. 1223–1556*. Казань, 2002. С. 96–97; *Biran M.* The Mongol Transformation: From the Steppe to Eurasian Empire // *Eurasian Transformations, Tenth to Thirteenth Centuries*. Leiden, 2004. P. 352.

¹²¹ *Kato Simpei.* Ancient City of Karakorum. Beijing, 1997; *Shiraishi N.* Chingisu-kan no Kōkōgaku [Archaeology of Chinggis Khan]. Tokyo, 2001.

¹²² *Bonn Contributions to Asian Archaeology. Vol 1. Qara Qorum City (Mongolia)* I. Bonn, 2002.

вании культурных отложений в районе стены храма были обнаружены остатки стены средневекового времени¹²³. Кроме того, неподалеку от раскопок С.В. Киселева были обнаружены гончарные печи¹²⁴. Второй отряд проводил исследования в районе перекрестка главных улиц. Была уточнена стратиграфия, обнаружены жилища с канами, большое количество самых разнообразных находок, которые свидетельствовали о смешении различных культурных стилей и традиций¹²⁵. Все эти находки демонстрировались на специальной выставке, к которой был выпущен специальный каталог, снабженный статьями специалистов по археологии древней и средневековой Монголии (на выставке были представлены материалы и более раннего времени)¹²⁶.

После монгольских завоеваний принципиальным образом изменилась геополитическая расстановка сил в Старом Свете. В восточной части исламского мира центр сместился от Багдада к Тебризу, в Средней Азии — от Баласагуна к Алмалыку, в Восточной Европе — от Киева к Сараю и затем к Москве, в Китае — от Кайфына к Пекину. Центральные позиции Москвы и Пекина остаются до сих пор. Монголы снова объединили весь Китай в единое государство и их административное деление сохраняется до сих пор. Более того, они заложили фундамент для создания китайской государственности в современных границах — включая Тибет, Синьцзян, Внутреннюю Монголию и Маньчжурию. Сегодня китайская историография настойчиво подчеркивает многоэтничный характер юаньского общества как важнейший вклад в национальное строительство КНР¹²⁷.

Сейчас стало понятно, что так называемая средневековая глобализация погубила мир-систему XIII–XIV вв. Монгольские завоевания привели к созданию крупномасштабной сети человеческих коммуникаций. Гонцы, воины, торговцы, дипломаты перемещались от одного конца этой сети к другому, связывали между собой Китай и Каракорум, Среднюю Азию и Ирак, торговые фактории Причерноморья и католическую Европу. С эпидемиологической точки зрения, как показал У. Мак-Нил в книге «Чума и народы», это имело роковое последствие. В 1252 г. монголы

¹²³ Hüttel H.-G. Der Palast des Ögedei Khan — Die Ausgrabungen des Deutschen Archäologischen Instituts im Palastbezirk von Karakorum // Dschingis Khan und seine Erben: Das Weltreich der Mongolen. München, 2005.

¹²⁴ Franken C. Die Brenöfen im Palastbezirk von Karakorum // Ibid.

¹²⁵ Erdenbat U., Pohl E. Aus Die Mitte der Hauptstadt — Die Ausgrabungen der Universität Bonn im Zentrum von Karakorum // Ibid.

¹²⁶ Dschingis Khan und seine Erben: Das Weltreich der Mongolen. Hrsg. C. Müller. München, 2005.

¹²⁷ Biran M. The Mongol Transformation. P. 354–355.

столкнулись с чумой, источник которой находился, возможно, в Гималаях. Через Бирму бацилла попала в Южный Китай, но первоначально источник заражения удалось изолировать. Однако спустя столетие, начиная с 1331 г. очаг инфекции активизировался и болезнь стала стремительно распространяться.

Через 15 лет болезнь достигла территории Дешт-и-Кыпчака и Причерноморья. Из Кафы чума распространилась в Венецию, Геную, Константинополь, а также в другие портовые города Средиземноморья. Второй путь распространения болезни осуществлялся морем. Из Южного Китая чума достигла Ближнего Востока где-то между 1331 и 1356 гг.¹²⁸ Последствия были просто чудовищными. Города, которые являлись центрами международной торговли, за несколько лет потеряли 30–50% населения. В результате произошло перемещение торговых потоков. В Европе коммуникации переместились из Италии на Север, в бывшие периферийные зоны (Англия). Многие крупные экономические центры Среднего Востока так и не смогли восстановиться¹²⁹.

Заключение.

Чингис-хан и его оценка

В последние десятилетия фиксируется взлет интереса к личности Чингис-хана и истории средневековых монголов. Его имя помнят не только историки. Оно не сходит со страниц газет. Генетики объявили об открытии «гена Чингис-хана», который, по их подсчетам, присутствует примерно у 16 млн жителей Азии¹³⁰. Имя создателя империи монголов постоянно эксплуатируется в политическом дискурсе. Для монголов империя Чингис-хана — это мощный историко-идеологический потенциал для укрепления собствен-

¹²⁸ McNeill W. *Plagues and Peoples*. New York, 1976; Ell S.R. Immunity as a Factor in the Epidemiology of Medieval Plague // *Reviews of Infectious Diseases*. Vol. 6. 1984. N 6; *Idem*. Plague and Leprosy in the Middle Ages: A Paradoxical Cross-Immunity // *International Journal of Leprosy and other Mycobacterial Diseases*. Vol. 55. 1987. N 2; Gottfried R.S. *The Black Death, Natural and Human Disaster in Medieval Europe*. New York, 1983; McEvedy C. *The Bubonic Plague* // *Scientific American*. Vol. 258. 1988. N 2; Scott S., Duncan Ch.J. *Biology of Plagues: Evidence from Historical Populations*. Cambridge, 2001.

¹²⁹ Abu-Lughod J. *Restructuring the Premodern World-System* // *Rewiev*. Vol. XIII. 1990. N 2; Абу-Луход Ж. *Переструктурируя миросистему, предшествующую новому времени* // *Время мира*. Вып. 2. Новосибирск, 2001.

¹³⁰ Zerjal T., Yali Xue, Bertorelle G. *et al.* The Genetic Legacy of the Mongols // *American Journal of Human Genetics*. Vol. 72. 2003. P. 717–721.

ной национальной идентичности. Однако не только в Монголии, но и на постсоветском пространстве и даже в Китае (во Внутренней Монголии) его образ используется для схожих задач. Может даже дойти до курьеза, когда в связи с одними и теми же историческими событиями его имя может быть интерпретировано диаметрально противоположно. Примером этого является факт нападения США на Ирак, когда американскими массмедиа проводились позитивные исторические параллели со взятием Багдада в 1258 г. и, наоборот, сравнение американских войск с полчищами Чингис-хана в иракских СМИ¹³¹.

Подобное внимание к личности Чингис-хана вызвано как исключительно конъюнктурными факторами (от всплеска активности в связи с 800-летним юбилеем создания его империи до экзотики ориентального туризма), так и постепенным ростом интереса к данной тематике на Западе. Если в XVII–XIX вв. Чингис-хан воспринимался исключительно как кровавый завоеватель и коварный восточный деспот, то с течением времени представления о нем и его деяниях постепенно изменяются. Это было обусловлено как переводом на европейские языки главных источников по истории средневековых монголов, так и переоценкой их деятельности в мировой истории.

Большой вклад в развенчание мифа о монголах как о диких разрушителях цивилизаций внесли последователи такого научного направления, как евразийство. Впоследствии эти идеи были развиты в целой серии научных работ на Западе, особенно в период очищения от колониального наследия, когда «Ориентализм» Э. Саида стал библией целого поколения гуманитариев. Пришло время показать, что кочевники не являлись только безжалостными агрессорами. Их вклад в мировую историю оказался куда более многогранным, чем роль «санитаров истории». Эти важные публикации обсуждены в последнем разделе данной работы. Однако с сожалением можно констатировать, что маятник качнулся в другую сторону. Для многих, особенно для популяризаторов и дилетантов, этот вклад перевешивает всё другое. Весьма симптоматично, что газета «Вашингтон пост» признала не Леонардо да Винчи или Христофора Колумба, а именно Чингис-хана человеком второго тысячелетия. В предисловии к русскому изданию своей книги о Хубилае М. Россаби посетовал, что ему стоило бы уделить «больше внимания неприглядным сторонам монгольского владычества». Когда он писал свою книгу, то видел важную задачу в том, чтобы показать в противовес общепринятым установкам, что монголы

¹³¹ Lane G. Genghis Khan and Mongol rule. P. 81; Biran M. Chinggis Khan. P. 1.

не являлись дикими варварами. «Однако популяризаторы и дилетанты вышли далеко за пределы рамок, очерченных нашим сбалансированным подходом, и начали публиковать книги, выставяющие Чингис-хана демократом и основоположником современного мироустройства, а монголов — благодетелями и покровителями цивилизации»¹³². Именно об этом — исторической объективности и сбалансированной оценке деяний Чингис-хана и его последователей — необходимо не забывать профессиональным исследователям, берущимся за раскрытие по-прежнему актуальной и востребованной научной темы.

¹³² *Россаби М.* Золотой век империи монголов. СПб., 2009. С. 10–11.

Ключевые слова:

Монгольская империя, Чингис-хан, завоевания, зарубежная историография.

Nikolai N. Kradin

RELEVANT PROBLEMS OF THE HISTORY OF THE MONGOL EMPIRE

The article analyses modern western historiography on the Mongol Empire. The article reviews a number of general works, publications of the original texts and research studies focused on the uprise of the Empire, the Mongolian conquests, the nature of Mongolian state institutions, the impact of the Mongol Empire expansion on the world history and the personality of the Empire's founder Genghis Khan.

 Крадин Николай Николаевич

доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН,
заведующий Центром политической антропологии Института истории,
археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН

Ч.Дж. Гальперин

«ИХ ЖЕ ДОБРЪ НИКТО НЕ ВЪСТЬ, КТО СУТЬ»: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РУСИ С МОНГОЛАМИ¹

1223 году, когда русские впервые столкнулись с монгольской² разведкой боем в западных степях, возглавляемой Джебе и Субудаем, после того как она прошла на север через Кавказ, русские, конечно, не знали, кто такие монголы. Но они осознавали, какого рода это люди: того же, что половцы³. С десятого по начало тринадцатого столетия, в так называемый киевский период, Русь имела обширные возможности для знакомства с центральноазиатскими кочевниками-скотоводами, от хазар до печенегов и половцев (кипчаков)⁴. И русские знали, что монголы не являлись православными.

¹ Англоязычную версию статьи см.: *Halperin Ch.J. «No one knew who they were»: Rus' interaction with the Mongols // The Steppe lands and the World beyond them: A collection in honor of V. Spinei on his 70th birthday. Iasi, 2013.*

² Средневековые русские источники называют монголов исключительно «татарами» (в отличие от принятой в Западной Европе латинской формы *Tartari*), но в настоящей статье я буду применять только название «монголы», отстраняясь от полной тюркизации монгольских войск, лишь немногие из воинов которых были этническими монголами.

³ *Halperin Ch.J. The Tatar Yoke: the image of the Mongols in Medieval Russia. Bloomington, 2009. P. 23–30.*

⁴ *Halperin Ch.J. Russia and the Golden Horde: the Mongol impact on Medieval Russian history. Bloomington, 1985. P. 10–20.*

Битва на Калке. *Лицевой летописный свод. XVI в.*

ми христианами, они были «погаными». После монгольской победы на реке Калке русские были рады видеть, что они ушли, хотя летописец признавался, что не знает куда, и выражал надежду, что они никогда не вернуться⁵.

Но монголы, разумеется, вернулись и между 1237 и 1240 гг. завоевали всю лесную зону Руси. Русь оказалась подчинена монгольской власти, сначала в лице Великой Монгольской империи со столицей в Каракоруме, позже — улуса Джучи на Средней Волге. Термин «Золотая Орда», ныне общеупотребительное обозначение улуса Джучи, является ретроспективным русским изобретением XVI в., которое никогда не встречается в средневековых источ-

⁵ Под 1223 г. летописец отметил, что некоторые считают, будто монголы — это народы Гог и Магог, упоминаемые в Апокалипсисе, но это представление исчезло, когда монголы вернулись, а конца света не произошло. Апокалиптические ожидания также возникли (и были затем отвергнуты) у армян; см.: Pogossian Z. Armenians, Mongols and the end of times: an overview of the 13th century sources // *Caucasus during the Mongol period / Der Kaukasus in der Mongolenzeit*. Wiesbaden, 2012. P. 169–198. Болгарская рукопись XIII в. тоже трактует появление татар как конец света; см.: Pesenson M. The Sibylline tradition in medieval and early modern culture // *Old Testament Apocrypha in the Slavonic tradition*. Tübingen, 2011. P. 353–372, особенно 356 и 360. Благодарю профессора Погосян за предоставление мне копии ее статьи.

никах⁶; термин «Кипчакское ханство» — современное научное изобретение, экстраполяция географического понятия «Кипчакская степь» для описания главной части Джучиева улуса⁷. Средневековые русские авторы чаще всего употребляют термин «Орда» или, позже, «Волжская Орда». Ликвидация монгольской власти традиционно связывается со «Стоянием на реке Угре» в 1480 г., но это событие не приобретало такого значения в глазах русских людей ранее середины XVI столетия⁸. Предшествующий период традиционно определяется как эпоха «татарского ига», термином, который был изобретен в XVI в. не русскими, а европейцами, и не проникал в русские тексты до второй половины XVII в.⁹ Следовательно, современный научный словарь относительно монгольского периода русской истории далеко ушел от того, что имеет место в средневековых русских источниках; и такая анахроничная терминология ведет к искажению средневековых русских представлений о монголах.

Очевидно, что в отношении более двух с половиной столетий монгольской власти невозможно однозначное суждение, было монгольское влияние «хорошим» или «плохим», хотя историки, конечно, не переставали пытаться сделать это. Монгольское завоевание входит в число наиболее спорных вопросов русской историографии¹⁰. Одни авторы считают, что монголы не оказали воздействия, большинство полагает, что оно было исключительно негативным, стало причиной русской отсталости и даже варварства¹¹, а по мнению абсолютного меньшинства, монгольская власть имела, по крайней мере некоторые, выго-

⁶ Halperin Ch.J. *Stepennaia kniga* on the reign of Ivan IV: omissions from degree 17 // Slavonic and East European review. 2011. Vol. 89. P. 58—59.

⁷ Этот термин популяризирован в работе: Ostrowski D. *Muscovy and the Mongols: Cross-cultural influences on the steppe frontier, 1304—1547*. Cambridge, 1998.

⁸ Halperin Ch.J. *The Tatar Yoke*. P. 171—190.

⁹ Halperin Ch.J. *The Tatar Yoke and tatar oppression* // *Russia Mediaevalis*. T. 5. München, 1984. P. 20—39 (переиздано в: Halperin Ch.J. *Russia and the Mongols. Slavs and the Steppe in Medieval and early modern Russia*. Bucharest, 2007. P. 168—181); Ostrowski D. *Muscovy and the Mongols*. P. 244—245; Keenan E.L. *Ivan III, Nikolai Karamzin, and the legend of 'casting off the Tatar yoke' (1480)* // *The new Muscovite cultural history: A collection in honor of D.B. Rowland*. Bloomington, 2009. P. 241; Halperin Ch.J. *Stepennaia kniga*. P. 59.

¹⁰ Halperin Ch.J. *Soviet historiography on Russia and the Mongols* // *Russian review*. V. 41. 1982. P. 306—322 (переиздано в: Halperin Ch.J. *Russia and the Mongols*. P. 62—76); *idem*. *The six-hundredth anniversary of the battle of Kulikovo field, 1380—1980, in Soviet historiography* // *Canadian-American Slavic studies*. V. 18. 1984. P. 298—310 (переиздано в: Halperin Ch.J. *Russia and the Mongols*. P. 156—167); *idem*. *Kliuchevskii and the Tatar Yoke* // *Canadian-American Slavic studies*. V. 34. 2000. P. 385—408 (переиздано в: Halperin Ch.J. *Russia and the Mongols*. P. 239—263); *idem*. *Omissions of national memory: Russian historiography on the Golden Horde as politics of inclusion and exclusion* // *Ab imperio*. N 4. M., 2004. P. 131—144 (переиздано в: Halperin Ch.J. *Russia and the Mongols*. P. 306—317).

¹¹ Историки других земледельческих стран, завоеванных монголами, высказывают сходные суждения.

ные последствия. Отводя такие упрощающие подходы, мы можем отметить, что взаимодействие Руси с монголами не было неизменным во времени, пространстве и по отношению к разным общественным слоям, но представляло собой постоянно меняющийся калейдоскоп противоречивых элементов, что было свойственно для всех частей Монгольской империи. Современная русская враждебность к монголам есть часто смесь средневековой и восходящей к раннему Новому времени религиозной антипатии с современными национальными, европейскими, расовыми и культурными предрассудками. В наши дни не только русские интеллектуалы, но большинство русских явно стесняются мысли, что «нецивилизованные» средневековые кочевники завоевали «цивилизованную» Русь. Исторические теории, которые пытаются обойти это «пятно на русской чести» путем более позитивного взгляда на монгольскую власть, такие как геополитическая теория евразийства, обычно становятся оправданием российского империализма и имеют небольшую научную ценность¹².

Интеллектуальное, социальное и культурное взаимодействие монголов и оседлых народов на периферии Монгольской империи может быть лучше понято в рамках русско-монгольских политических и экономических отношений. Как и в некоторых других странах, монголы оставили нетронутой политическую структуру Руси, предпочтя манипулировать русской княжеской династией, а не сместить ее¹³. Даже если монголы не держали гарнизонов в русских городах, а оставались главным образом в степи, монгольские администраторы оказывали значительное влияние на события в лесной зоне. Неудивительно, что русские, как многие оседлые народы, завоеванные монголами, позаимствовали немало военных, фискальных и административных институтов у монголов, из которых легче всего распознать знаменитую монгольскую почтовую службу, *ям*¹⁴. Монгольские дипломати-

¹² О евразийстве см.: *Halperin Ch.J.* George Vernadsky, Eurasinism, the Mongols, and Russia // *Slavic review*. V. 41. 1982. P. 477–493 (переиздано в: *Halperin Ch.J.* Russia and the Mongols. P. 25–45); *idem.* Russia and the Steppe: George Vernadsky and Eurasinism // *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte*. Bd. 36. 1985. S. 55–194; *Laruelle M.* L'idéologie eurasiste russe ou comment penser l'empire. Paris, 1999; *eadem.* Russian Eurasinism: An ideology of empire. Washington, 2008. О т.н. «новой хронологии» см.: *Sheiko K., Brown S.* Nationalist imaginings of the Russian past. Anatolii Fomenko and the rise of alternative history in post-Communist Russia. Stuttgart, 2009; *Halperin Ch.J.* False identity and multiple identities in Russian history: the Mongol empire and Ivan the Terrible. Piittsburgh, 2011.

¹³ *Селезнев Ю.В.* «А переменит Бог Орду...» (Русско-ордынские отношения в конце XIV — первой трети XV в.). Воронеж, 2006.

¹⁴ *Halperin Ch.J.* Russia in the Mongol empire in comparative perspective // *Harvard journal of Asiatic studies*. V. 43. 1983. P. 239–261 (переиздано в: *Halperin Ch.J.* Russia and the Mongols. P. 114–131); *idem.* Russia and the Golden Horde. P. 21–60; *idem.* The place of Rus' in

ческие обычаи были усвоены, но применялись после свержения монгольской власти Московией, русским государством раннего Нового времени, только в отношениях с «восточными» народами, хорошо знакомыми с «восточными» нравами, а не в контактах с европейцами¹⁵. Само монгольское завоевание было, конечно, предельно разорительным. Понадобилось столетие, чтобы экономика восстановилась, но восстановление произошло, о чем свидетельствует возобновление выпуска серебряных монет и строительства каменных зданий, в первую очередь церковей. Присоединение Руси к евразийскому Шелковому пути облегчило выгодную международную торговлю в городах, связанных с рекой Волгой¹⁶.

Средневековая Русь была «рукописной» цивилизацией; книгопечатание не существовало на Руси до второй половины XVI столетия, а серьезную роль приобрело только столетием позже. Русь также испытывала недостаток интеллектуального наследства, обычно ассоциирующегося у европейцев с античной интеллектуальной традицией (классическим древнегреческим и древнеримским наследием), университетами, римским правом и Ренессансом. На Руси были интеллектуалы, преимущественно из духовенства, образованные и сведущие в Священном Писании и патристике, но они не проявляли склонности к политической теории или каким-либо обобщениям и были много менее космополитичны, чем средневековые армянские

the Golden Horde // *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. V. 14. 2005. P. 21–30 (переиздано в: *Halperin Ch.J. Russia and the Mongols*. P. 318–328); по поводу утверждений Д. Островского о более широком заимствовании московских институтов у монголов см.: *Halperin Ch.J. Muscovite political institutions in the fourteenth century* // *Kritika*. V. 1. 2000. P. 237–257 (переиздано в: *Halperin Ch.J. Russia and the Mongols*. P. 219–238); *idem*. Simeon Bekbulatovich and the Mongol influence on Ivan IV's Muscovy // *Russian history*. V. 39. 2012. P. 306–330. К. Вудворт (*Woodworth C.K. Muscovy as a clan-based state* // *Dubitando. Studies in history & culture in honor of D. Ostrowski*. Bloomington, 2012. P. 445–447, 456–459) принимает утверждения Островского. Ср. сомнения по поводу утверждений о московских заимствованиях институтов у монголов: *Langer L. The 'strangeness' of Rus' in the Mongol era: problems of comparative history* // *Russian history*. V. 8. 2001. P. 289–291.

¹⁵ *Croskey R. Muscovite diplomatic practice in the reign of Ivan III*. N.Y., 1987.

¹⁶ *Halperin Ch.J. Russia and the Golden Horde*. P. 78–86; *Miller D.B. Monumental building as an indicator of economic trends in Northern Rus' in the late Kievan and Mongol periods, 1138–1462* // *American historical review*. V. 94. 1989. P. 360–390; *idem*. Monumental building and its patrons as indicators of economic and political trends in Rus', 900–1462 // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. Bd. 38. 1990. P. 321–355; *Ostrowski D. Muscovy and the Mongols*. P. 108–132. Ср. возрождение традиционного взгляда, выдвигающего на передний план отрицательное воздействие монголов: *Langer L. War and peace: Rus' and the Mongols in the thirteenth and fourteenth century* // *Everyday life in Russian history: Quotidian studies in honor of D. Kaiser*. Bloomington, 2010. P. 187–201; *idem*. For want of coin: some remarks on the Mongol tribute and the problem of the circulation of silver // *Dubitando. Studies in history & culture in honor of D. Ostrowski*. Bloomington, 2012. P. 85–101.

хроники. Эта масса культурных «недостатков» окрашивает любые попытки выявить влияние монголов на духовную культуру Руси. Вообще данные о социальной и культурной истории немногочисленны. Монгольское влияние на «более высокую» русскую культуру, которая была исключительно православной христианской, в сфере литературы и искусства отсутствовало (за исключением налогового иммунитета для Русской православной церкви, который лежал в основании ее финансовой возможности спонсировать церковное строительство, иконописание и летописание). По иронии, Русь не могла подвергнуться влиянию летописной традиции Джучиева улуса, поскольку последний таковой не имел¹⁷.

Непрямой характер монгольского политического господства давал русским возможность трактовать свое подчинение монголам уникальным для истории Монгольской империи образом¹⁸. В общем и целом, с оговоркой о свойственных децентрализованной рукописной культуре непоследовательностях, русские избегали признавать, что они были завоеваны. Летописи описывали реалии монгольской власти — русские князья ездили на поклон к монгольским ханам в Каракорум и Сарай, монгольские должностные лица проводили переписи и собирали подати в русских княжествах и городах-государствах, монгольские карательные экспедиции подавляли политическое сопротивление, но летописцы чаще говорили, что монголы «взяли» или «разграбили» города Руси, чем использовали терминологию, указывающую на потерю суверенитета, на завоевание. Действительно, русские авторы иногда определяли Русь как улус хана, но не соотносили это представление с повествованиями о монгольских кампаниях 1237–1238 и 1239–1240 гг.¹⁹ Поскольку русские избегали определенного признания монгольского суверенитета, понятно, что средневековые русские источники никогда не отмечали какое-либо «освобождение» от «татарского ига», тем более что последнего термина тогда еще не существовало. «Интеллектуальная уступка» зависимости от иноземной власти, выраженная в идее, что русские были «в воле» монголов, была усложнена постоянным признанием на Руси легитимности династии Чингисидов. Только законные ханы

¹⁷ Halperin Ch.J. The missing Golden Horde chronicles and historiography in the Mongol empire // *Mongolian studies*. V. 23. 2000. P. 1–15 (переиздано в: Halperin Ch.J. *Russia and the Mongols*. P. 264–276).

¹⁸ Halperin Ch.J. *Russia and the golden Horde*. P. 61–74; *idem*. *The Tatar Yoke*; *idem*. *The East Slavic response to the Mongol conquest* // *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. V. 10. 1998–1999. P. 98–117 (переиздано в: Halperin Ch.J. *Russia and the Mongols*. P. 201–218).

¹⁹ Halperin Ch.J. *Tsarev ulus: Russia in the Golden Horde* // *Cahiers du monde russe et soviétique*. V. 23. 1982. P. 257–263 (переиздано в: Halperin Ch.J. *Russia and the Mongols*. P. 77–83).

именовались «царями», их сыновья (по-тюркски «султаны») «царевичами», их жены (*ханиши*) «царицами». Когда это было политически целесообразно, русские использовали чингисидскую легитимность против не принадлежащих к династии «делателей ханов» в улусе Джучи, таких как Мамай и Едигей, и даже против великого среднеазиатского завоевателя Тимура, обвиняя их в, быть может, единственном политическом преступлении, в котором они были неповинны, — в узурпации титула «хан» или совершении государственной измены²⁰. Даже после распада Джучиева улуса Россия продолжала признавать достоинство Чингисидов (в отношении таких государств-наследников улуса Джучи, как Казанское и Крымское ханства, возглавляемых Чингисидами, выбора не было), и одновременно изобретались (в XVI в.) исторические схемы, в которых утверждалась идея о непрерывной преемственности между Киевским государством и Москвией, как если бы монгольского завоевания никогда не было²¹.

В период монгольской власти и даже позже у Руси было мало альтернатив тесным социальным контактам с монголами²². Русские князья, знать, представители духовенства, купцы, ремесленники и холопы посещали ханов улуса Джучи в Сарае или кочующей Орде, монгольские должностные лица пребывали в лесной зоне, а монгольские вельможи, купцы, должностные лица и послы часто посещали русские города. Русь знала монгольское общество изнутри и извне²³. До принятия в улусе Джучи ислама было заключено несколько династических браков между Русью и монголами (жены-монголки принимали при этом православие). После принятия ислама и позднейших политических потрясений в Джучиевом улусе в середине и конце XIV столетия монгольские иммигранты в лесной зоне иногда переходили в христианство. Но несмотря на знание русскими монгольских обычаев в Орде и у себя дома, они не заимствовали монгольские социальные

²⁰ Halperin Ch.J. The Russian land and the Russian tsar: the emergence of Muscovite ideology, 1380–1480 // *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte*. Bd. 23. 1976. P. 7–103; *idem*. The Tatar Yoke. P. 103–156. А.А. Горский (*Горский А.А.* Москва и Орда. М., 2000) полагает, что московское почтение к Чингисидам было искренним, а неспособность князей противостоять законным ханам оценивает как «комплекс».

²¹ Halperin Ch.J. The Tatar Yoke. P. 191–200; *idem*. Rewriting history: the Nikon chronicle on Rus' and Horde // *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. V. 17. 2010. P. 11–26.

²² Halperin Ch.J. Russia and the Golden Horde. P. 104–119.

²³ Halperin Ch.J. A Chingissid saint of the Russian Orthodox church: the Life of Peter, *tsarevich* of the Horde // *Canadian-American Slavic studies*. V. 9. 1975. P. 323–335 (переиздано в: Halperin Ch.J. Russia and the Mongols. P. 11–24); *idem*. Know the enemy: medieval Russian familiarity with the Mongols of the Golden Horde // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. Bd. 30. 1982. S. 161–175 (переиздано в: Halperin Ch.J. Russia and the Mongols. P. 43–61).

Бегство Мамая с Куликова поля. «Сказание о Мамеевом побоище». XVI в.

практики²⁴, а монголы, в отличие от некоторых других регионов, таких как Китай, не пытались внедрить свои социальные обычаи. Правителей Руси не поднимали на войлоке при возведении на престол. Русское неприятие рукопожатия через порог не идентично монгольскому запрету наступать на порог жилища. Свойственное русской элите затворничество женщин в теремах не имеет монгольского происхождения²⁵. Насколько мне известно, русские никогда не разделяли монгольские обычаи по части правильного способа забоя скота, неправильного использования пролитой воды или очищающей функции огня.

Показывая свою приверженность культурной стратегии, широко распространенной в Средневековье на религиозном пограничье, которую я назвал «идеологией молчания», русские источники игнорировали или оставляли небольшое пространство невраждебным контактам между Русью и монголами, в лучшем случае отмечая их лаконично и без комментария, в то же время не жалея слов в обличении монголов как неверных, варварских слуг сатаны, за их набеги и поборы²⁶. Если

²⁴ О любопытном исключении см.: Grinberg L. From Mongol prince to Russian saint: a neglected fifteenth-century source on Mongol land consecration ritual // *Kritika*. V. 12. 2011. P. 647–673.

²⁵ Halperin Ch.J. Russia and the Golden Horde. P. 116; Ostrowski D. Muscovy and the Mongols. P. 64–84.

²⁶ Halperin Ch.J. The ideology of silence: prejudice and pragmatism on the medieval religious frontier // *Comparative studies of society and history*. V. 26. 1984. P. 442–466 (переиздано в: Halperin Ch.J. Russia and the Mongols. P. 114–131).

русский князь, пользовавшийся расположением летописца, обращался к хану за политической поддержкой или получал монгольскую военную помощь в междукняжеских конфликтах, летописец отмечал этот факт и двигался дальше. Если, с другой стороны, русский князь, враждебный летописцу, действовал таким же образом, он оказывался виновным в предательстве и ответственным за пролитую неверными безвинную христианскую кровь ради своих эгоистических политических интриг. Русские летописцы изображали русско-монгольские отношения сквозь призму языка и идей Священного Писания; действительно, некоторое число русских рассказов о событиях может быть вымышленными проекциями религиозных образов²⁷. Религиозный в основе негативный образ монголов в русских источниках был постоянным в течение всего периода монгольской власти, хотя во второй половине XV столетия распад Джучиева улуса так ослабил монгольскую мощь, что некоторые авторы характеризовали даже ханов в неуважительном и сатирическом духе²⁸.

Этот интеллектуальный фильтр приводил к самоцензуре значительной части знаний русских о монголах в русских источниках. Русские паломники оставили детальные описания Константинополя, превозносили его христианские памятники, прославляли его храмы, иконы, фрески и чудеса. Вероятно, оба Сарая посетило большее число русских, чем когда-либо видело Святую Софию, но русские впечатления от сарайских дворцов, акведуков, мечетей и мусульманских образовательных учреждений никогда не были записаны²⁹. Армянские авторы оставили описания этнографических особенностей монголов, русские — нет.

Русские признали, что монголы обратились в ислам, начав использовать негативные термины, прилагаемые к мусульманам, и оскорбления при изображении их, но мало интересовались самим исламом. Даже в

²⁷ Рудаков В.Н. Монголо-татары глазами древнерусских книжников середины XIII—XV в. М., 2009.

²⁸ Halperin Ch.J. The defeat and death of Batu // Russian history. V. 10. 1983. P. 50—65 (переиздано в: Halperin Ch.J. Russia and the Mongols. P. 99—113). Д. Островски предлагает другую периодизацию, которая критикуется в работе: Halperin Ch.J. Paradigms of the image of the Mongols in medieval Russia // Early Mongols: language, culture and history. Tümen nasulatugai. Studies in honor Igor de Rachewiltz on the occasion of his 80th birthday. Bloomington, 2009. P. 53—62.

²⁹ В. Сандерленд (Sunderland W. Taming the Wild Field. Colonization and empire on the Russian steppe. Ithaca, 2004. P. 18—19) замечает, что даже в XVII в. русские не беспокоились описаниями причерноморских и прикаспийских степей, потому что они были слишком хорошо им знакомы, чтобы считаться «экзотикой», как это было свойственно европейцам.

Полководец Субедей. Древний китайский рисунок

середине XVI в. русский автор изображал картину полного вооружения светских и духовных лиц в Казанском ханстве³⁰. Тем не менее русские не вступали в интеллектуальные оценки ислама и религиозные диспуты³¹. Русский купец XV в. знал достаточно об исламе, чтобы притвориться мусульманином с целью вести дела в Индии, но никто из русских не осмеливался описать подобный опыт³². Доминирование религиозных оценок монголов в русских источниках объясняет относительную редкость упоминаний о них как о «кочевниках», о их «кочевании» или «кочевнических стоянках». Русские знали (у русских князей здесь не было выбора) точные маршруты монгольских перекочевок, где находилась кочевая Волжская Орда в каждый сезон, но легкая пригодность религиозных инвектив делала для книжников излишним изображение монгольского образа жизни. Сходным образом, по-видимому, этнические негативные характеристики монголов как хитрых, склонных к обману, злобных или

³⁰ Halperin Ch.J. The Muscovite attitude toward the outside world during the reign of Ivan IV: *Stepennaiakniga* // Актуальные проблемы истории и культуры татарского народа. Материалы к учебным курсам: в честь юбилея академика АН РТ М.А. Усманова. Казань, 2010. С. 188–201.

³¹ Bushkovitch P. Orthodoxy and islam in Russia 988–1725 // *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte*. Bd. 76. 2010. S. 117–143.

³² Halperin Ch.J. Russia and the Golden Horde. P. 118–119. О русской восточной торговле сохранилось, к сожалению, мало данных в источниках, и о ее влиянии можно говорить лишь предположительно.

жестоких только внешне имеют сходство с современными расовыми стереотипами, ибо в глазах средневековых русских монголы олицетворяли эти пороки *потому, что* они не были православными христианами, а не потому, что они были монголами; стереотипы носили религиозный характер.

Хотя русские знали монголов «изнутри», последние были для русских «внешней» силой, чужими. Конечно, социальная дистанция между русскими и монголами могла быть сглажена на время в интересах правящих или аристократических кругов и социальной иерархии, как когда русские обменивались с ногайскими *мирзами* или крымскими ханами дарами из птиц или собак для придворной забавы или охоты, но такие дипломатические вежливости не могли преодолеть фундаментального религиозного барьера. С монгольскими иммигрантами, Чингисидами или представителями знати на великокняжеской службе, обращались с должным вниманием и уважением, но они не могли «присоединиться» к русскому обществу, если не принимали православие. Очевидно, они не могли вступать в браки с представительницами русских княжеских и аристократических семей, если оставались мусульманами. «Стекланный потолок» для монголов в России раннего Нового времени был религиозным.

Утверждения, будто Россия была государством-наследником улуса Джучи или даже Монгольской империи, колеблются с изменением оценок природы монгольской политики. Во время холодной войны Россию демонизировали как продолжение античеловечного варварского тоталитарного монгольского восточного деспотизма³³. Новейшие исследования делают акцент на коллегиальных элементах монгольской политической структуры, сопровождаясь утверждениями, что русские заимствовали такие монгольские институты, как *курултай*, или такие джучидские институты, как *диван* или четыре *карачи-бека*, утверждениями, которые я не нахожу убедительными³⁴. Современные сторонники теории, что Россия была государством-наследником Орды³⁵, делают ударение на русских институциональных заимствованиях из Орды, присутствии большого количества татар

³³ Halperin Ch.J. Russia and the Golden Horde. P. 87–103; Ostrowski D. Muscovy and the Mongols. P. 85–107.

³⁴ Halperin Ch.J. Muscovite political institutions in the fourteenth century. Ср. даже более амбициозные утверждения о монгольском влиянии на московское общество: Woodworth C.K. Muscovy as a clan-based state. P. 443–460.

³⁵ Эта идея стала общим местом: Sunderland W. Ermak Timofeevich (1530s/40s–1585) // Russia's people of empire. Life stories from Eurasia, 1500 to the present. Bloomington, 2012. P. 20.

на русской службе³⁶, интеграции иммигрантов из Орды в русскую аристократию (представления о чем часто основаны на легендарных генеалогиях, призванных определить этническое происхождение знатных родов), определениях русского царя как «белого (т.е. западного) хана», и даже как Чингиса (Иван IV Грозный) и присоединении к России Казанского (в 1552 г.) и Астраханского (в 1556 г.) ханств, приведшего к добавлениям «царь казанский» и «царь астраханский» к уже и так пространному титулу Ивана IV. Хотя данные, положенные в основу этой теории, в основном достоверны, я полагаю, что вывод неверен.

Русские заимствования монгольских институтов, монгольская иммиграция и знание русскими монголов не делали Московию государством-наследником улуса Джучи, а тем более Монгольской империи. Россия позволяла своим степным соседям обращаться к московскому правителю как к «белому хану», и несомненно русские дипломаты понимали значение этого термина. При этом русские никогда не употребляли его сами; в московском придворном самосознании Московия не управлялась «белым ханом». Ее правящие круги воспользовались этой лестью для продвижения собственных претензий на власть над степью³⁷. Иван IV приобрел титулы «казанский» и «астраханский», но не Джучиева улуса. Он не пытался воссоздать его рубежи³⁸. Иван никогда не претендовал на титул «хана улуса Джучи», а тем более великого монгольского хана. Россия была славянским, оседлым, православным христианским государством; ее придворная элита не идентифицировала себя с Монгольской империей или улусом Джучи. Русские посольские документы XVI в. используют гораздо более «восточную» терминологию, чем аналогичная русская терминология, при описании Стамбула, при этом не применяя английскую или шведскую терминологию более, чем русскую при описании Лондона или Стокгольма. Подтекстом этого примера является то, что Россия была ближе к Ан-

³⁶ *Martin J.* Novokshcheny of Novgorod: assimilation in the sixteenth century // *Central Asian survey*. V. 9. 1990. P. 13–38; *eadem*. Multi-ethnicity in Muscovy: a consideration of Christian and Muslim Tatars in the 1530s–1580s // *Journal of Early modern history*. V. 5. 2001. P. 1–23; *eadem*. Tatars in the Muscovite army during the Livonian war // *Military and society in Russia 1450–1917*. Leiden, 2002. P. 365–367; *eadem*. Tatar pomeshchiki in Muscovy (1560s–70s) // *Место России в Евразии / The place of Russia in Eurasia*. Budapest, 2001. P. 114–120.

³⁷ *Halperin Ch.J.* Ivan IV and Chinggis Khan // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. Bd. 51. 2003. S. 481–497 (переиздано в: *Halperin Ch.J.* Russia and the Mongols. P. 277–297); *idem*. Muscovy as a successor state of the Juchid ulus // *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. V. 18. 2011. P. 5–20.

³⁸ *Sunderland W.* Taming the Wild Field. P. 16 (несмотря на его взгляд на Московию как на государство-наследник Золотой Орды, см. выше примеч. 37).

глии или Швеции, чем к Османской империи: неуловимая, но осязаемая рефлексия русского самовосприятия своей «европейской», христианской идентичности³⁹.

Монгольское влияние на Русь включало некоторые элементы, характерные и для других периферийных оседлых обществ, оказавшихся под властью Монгольской империи, но в то же время и такие, которые являлись уникальными⁴⁰. Анализ этого влияния в общемонгольском контексте продолжает проливать новый свет на русское восприятие монголов⁴¹. Масштаб монгольского воздействия на Россию нуждается в дальнейшем исследовании в рамках вопросов, при каких обстоятельствах монголы выбирали управление завоеванными регионами непосредственно, а когда оставляли у власти местные династии, какие монгольские политические, административные или экономические институты были заимствованы теми или иными оседлыми обществами, завоеванными монголами, как монгольское влияние на завоеванные народы изменялось под воздействием такого культурного фактора, как религия. Идея о некогда завоеванных оседлых государствах как «государствах-наследниках» монгольских государств нуждается в дальнейшем анализе.

³⁹ *Halperin Ch.J.* Russia between East and West: diplomatic reports during the reign of Ivan IV // *Saluting Aaron Gurevich: essays in history, literature and other subjects*. Leiden, 2010. P. 81–103.

⁴⁰ *Halperin Ch.J.* Russo-Tatar relations in Mongol context: two notes // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungarica*. V. 51. 1998. P. 321–339 (переиздано в: *Halperin Ch.J.* Russia and the Mongols. P. 182–200); *он же*. Кипчакский фактор: ильханы, мамлюки и Айн-Джалут // *Степи Евразии в эпоху Средневековья. Золотоордынское время*. Донецк, 2008. С. 385–400.

⁴¹ *Allsen T.T.* Technologies of governance in the Mongolian empire: a geographic review // *Imperial statecraft: Political forms and techniques of governance in Inner Asia, sixth to twentieth centuries*. Bellingham, 2006. P. 117–140.

Ключевые слова:

Русь, Монгольская империя, улус Джучи, взаимодействие, историографические подходы.

Dr. Charles J. Halperin

«NO ONE KNEW WHO THEY WERE»: RUS' INTERACTION WITH THE MONGOLS

he article analyses the influence of the Mongol conquest and two hundred years of the Golden Horde rule on the medieval Rus'. Various aspects of this interaction are considered: political, social, cultural. The author concludes that the widespread belief in historiography that the Moscow Rus' was a successor state to the Mongol Empire and Jochid ulus has no real grounds in the history.

 Гальперин Чарльз

научный сотрудник Индианского университета в г. Блумингтон (США)

А.А. Горский

УТВЕРЖДЕНИЕ ВЛАСТИ МОНГОЛЬСКОЙ ИМПЕРИИ НАД РУСЬЮ: РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

огласно устоявшемуся представлению, Русь после монгольского завоевания не подверглась оккупации и сохранила своих правителей в первую очередь потому, что ее территория была непригодна для ведения кочевого скотоводства.

Это суждение нуждается, однако, в уточнениях. Например, на большей части территорий Китая и Ирана условий для кочевого скотоводства тоже не было, тем не менее там монгольские завоеватели правили непосредственно. Кроме того, зависимость стран, где сохранялись местная знать и общественная структура, могла принимать серьезно различающиеся формы. Так, практически одновременно с Русью монголами были покорены страны Закавказья и Малой Азии. При этом в Грузинском царстве (в состав которого входила Великая Армения) была проведена перепись населения и установлена податная система, включавшая в себя большое количество повинностей; Киликийская Армения (армянское независимое государство на северо-восточной оконечности Средиземного моря), добровольно признавшая власть завоевателей, избежала разорения, и ее зависимость выражалась в выплате одной ежегодной дани и в обязанности участвовать в военных походах монголов, монгольской администрации в Киликии не было; наконец, в сельджукском Румском султанате (сильнейшем государстве Малой

Азии) часть территории перешла под непосредственную власть монголов, а на остальной местные султаны правили под контролем назначаемых ханами должностных лиц, выплачивая значительную по размерам дань¹.

На Руси в течение всего времени ордынского господства жили опасения, что правители Орды от взимания дани с сохранением русских князей у власти перейдут к непосредственному управлению. Это представление отражено в повестях о восстании в Твери 1327 г., где утверждается, будто посол Шевкал собирался истребить русских князей и сам сесть в Твери, а другие города раздать иным татарским князьям²; в летописном рассказе об ослеплении Василия II, согласно которому Дмитрий Шемяка обвинял великого князя в том, что он обязался уступить Москву и другие русские города хану Улуг-Мухаммеду³; отголосок таких представлений присутствует и в написанном в начале XVI в., т.е. уже после падения ордынской власти, «Сказании о Мамаевом побоище», где говорится о желании Мамай осесть на Руси⁴. Откуда взялись подобные настроения (ведь в XIV–XV вв. у ордынских правителей планов оккупации Руси несомненно не было)? Скорее всего, здесь сыграли роль обстоятельства первых лет после нашествия Батыя. Тогда прогнозировать дальнейшее развитие событий современники могли исходя из реалий своего времени. Однако страны, которые завоевывались монголами до Руси, подвергались непосредственной оккупации. Так было в Северном Китае, Средней Азии, Иране, Волжской Булгарии, Половецкой степи — везде местные династии лишались власти, она переходила к представителям Чингисханова рода. Другая модель отношений с завоеванными странами — управление через посредство местных правителей — стала осуществляться в ряде регионов (Закавказье, Малая Азия, Дунайская Болгария, Корея) одновременно с покорением Руси или несколько позже. То есть перед глазами современников был только вариант непосредственной оккупации. Вполне естественно, что на Руси должны были опасаться того же. И некоторые действия монголов после походов Батыя должны были создать впечатление, что данный путь начинает реализовываться. В 1240-е гг.

¹ См.: *Melville Ch.* Anatolia under the Mongols // Cambridge history of Turkey. Vol. 1. Byzantium to Turkey. 1071–1453. Cambridge, 2009; *Dashdondog B.* The Mongols and the Armenians (1220–1335). Leiden; Boston, 2011. P. 71–120.

² Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). Т. 6. Вып. 1 (Софийская первая летопись старшего извода). Стб. 400; Т. 4. Ч. 1. Вып. 1 (Новгородская Четвертая летопись). Пг., 1915. С. 261; Т. 42 (Новгородская Карамзинская летопись). СПб., 2002. С. 124; Т. 15. Вып. 1 (Рогожский летописец). Пг., 1922. Стб. 41–42; Т. 15 (Тверской сборник). М., 1965. Стб. 415; Псковские летописи. Вып. 1. М.; Л., 1941. С. 16; Вып. 2. М.; Л., 1955. С. 90.

³ ПСРЛ. Т. 25 (Московский летописный свод конца XV века). М.; Л., 1949. С. 264.

⁴ Сказания и Повести о Куликовской битве. Л., 1982. С. 26; Памятники Куликовского цикла. СПб., 1998. С. 138, 226.

под непосредственной властью монгольской администрации находилась южная часть Киевской земли: посол римского папы к монгольскому великому хану францисканец Платон Карпини в повествовании о своем путешествии (1245–1247 гг.) отмечает, что расположенный на Днепре ниже Киева Канев был «под непосредственной властью татар»⁵. В аналогичном положении был и Переяславль-Русский (в домонгольский период — столица одной из русских земель): волынский и галицкий князь Даниил Романович, едучи в 1245 г. к Батыею через Киев и Переяславль, встретил в последнем татар, князя здесь в то время не было⁶. В 1245 г. полководец Батый Моули, ведавший западной окраиной улуса Джучи, обратился к князю Даниилу Романовичу с требованием: «Даи Галичь»⁷. Речь шла явно о передаче стольного города под непосредственное управление монголов: Даниилу пришлось ехать к Батыею отстаивать свое право на галицкое княжение⁸. Возможно, и Киев, номинальная столица всей Руси, с момента взятия монголами в конце 1240 г. и до передачи его Батыею владимирскому великому князю Ярославу Всеволодичу (1243 г.)⁹ управлялся монгольским наместником: не исключено, что именно этим объясняется тот факт, что в 1241 г. Михаил Всеволодич Черниговский (княживший в Киеве перед нашествием монголов), вернувшись туда после ухода завоевателей из Руси, жил не в городе, а «подъ Киевомъ во островъ»¹⁰. Таким образом, в период сразу после нашествия Батыя и обоснования правителя улуса Джучи в Поволжье имели место реальные случаи как непосредственного владения монголами русскими городами, в том числе стольными, так и претензий на такое владение. В этих условиях не мог не появиться страх, что вслед за Батыевым погромом 1237–1241 гг. завоеватели перейдут к непосредственному владычеству над всеми русскими землями. Возможность такого хода событий показывали и случаи с правителями некоторых других завоеванных монголами

⁵ *Giovanni di Pian di Carpine. Storia dei Mongoli*. Spoleto, 1989. P. 305; Путешествия в восточные страны Платона Карпини и Рубрика. М., 1957. С. 67–68.

⁶ ПСРЛ. Т. 2 (Ипатьевская летопись). М., 2001. Стб. 806; см. также: Егоров В.А. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 1985. С. 38; Коринный Н.Н. Переяславская земля: X — первая половина XIII века. Киев, 1992. С. 67–68.

⁷ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 805. В издании Ипатьевской летописи в ПСРЛ слово «даи» разделено на два — «да и». Верное деление на слова см. в издании: Галицко-Волинський літопис. Київ, 2002. С. 109.

⁸ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 806.

⁹ В 1245 г., когда Даниил проезжал Киев на пути в Орду, «обдержашу Киеву Ярославу бояриномъ своимъ Еиковичемъ Дмитромъ» (Там же. Стб. 806). Очевидно, передача великому князю Суздальской земли номинальной столицы Руси имела место в 1243 г., когда Батый признал приехавшего к нему Ярослава «старейшим» среди всех русских князей (ПСРЛ. Т. 1 (Лаврентьевская летопись). М., 1997. Стб. 470).

¹⁰ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 789.

Князь Михаил Всеволодич
Черниговский.
Икона 1688 г.

ми стран, свидетелями которых были русские люди, пребывавшие в Монгольской империи. Плано Карпини рассказывает о случившемся во время нахождения его миссии в ставке великого монгольского хана близ Каракорума с одним из правителей «солангов» (корейцев): «И если отец или брат умирает без наследника, то они никогда не отпускают сына или брата; мало того, они забирают себе всецело его государство, как, мы видели, было сделано с одним вождем солангов»¹¹. Этот факт несомненно был известен и людям великого князя Ярослава Всеволодича, пребывавшим одновременно с францисканцами в ставке правителя Монгольской империи¹². Очевидно, монголы использовали в качестве средства давления шантаж признавших их власть правителей угрозой лишения их владений и перехода к непосредственной оккупации¹³.

¹¹ *Giovanni di Pian di Carpine. Storia dei Mongoli*. P. 286–287; Путешествия... С. 56.

¹² См.: *Giovanni di Pian di Carpine. Storia dei Mongoli*. P. 323–325, 331; Путешествия... С. 77–79, 82.

¹³ Об этой угрозе в отношении русских князей говорит и рассказанный Плано Карпини эпизод с князем из Черниговской земли Андреем: после его казни Батыем «младший брат его прибыл с женою убитого к вышеупомянутому князю Бату с намерением упросить его не отнимать у них земли» (*Giovanni di Pian di Carpine. Storia dei Mongoli*. P. 238–239; Путешествия... С. 29–30).

И иногда, как показывает корейский пример, такие угрозы не были пустыми. Соответственно, опасение, что завоеватели перейдут к непосредственной оккупации и управлению, казалось вполне реальным. Отсюда, по-видимому, происходит переданное Плано Карпини убеждение (несомненно, высказанное людьми Ярослава Всеволодича, с которыми он тесно общался), что Ярослав был отравлен монголами с целью «свободно и окончательно завладеть его землею» (*ut suam terram libere et plenarie possiderent*)¹⁴. Скорее всего, люди Ярослава после кончины князя высказывали в общении с францисканцами опасение, что теперь монголы станут непосредственно управлять Суздальской землей¹⁵.

Решение сохранить на Руси местных правителей вряд ли было заложено в планы завоевателей изначально. Вероятно, оно было принято в конкретной ситуации 1240-х гг. Войско Монгольской империи под командованием Батыя повоевало огромную территорию Восточной и Центральной Европы. Удерживать ее всю под непосредственной властью сил было недостаточно. И были применены три разных подхода. Наиболее западные из разоренных в ходе военных действий 1236–1242 гг. стран — Венгрия и Польша — были на время оставлены в покое (хотя в ходе нашествия они были разгромлены так же, как и русские земли, и в этом смысле, скажем, Бела IV и Даниил Романович были в равной степени побежденными и бежавшими правителями). Половецкая земля, а также Волжская Булгария (где, как и на Руси, жило оседлое население) перешли под непосредственную власть монголов. В русских же землях был применен промежуточный вариант: обращение местных правителей в зависимых. Со временем такое положение дел стало традицией. Но на Руси долго сохранялось опасение, что в Орде решат от нее отойти.

Длительное сохранение зависимости русских земель от Орды во многом связано было с перенесением на ее правителя титула *царь*, который был выше титулов правителей Руси, в силу чего подчинение «царю» стало традицией, которую очень сложно было сломать, его власть рассматривалась как в определенной мере легитимная¹⁶. В то же время вероятно, что играл роль и другой фактор: принципиально иной в сравнении с большинством завоеванных монголами стран, опосредованный характер власти над Русью, по-видимому, расценивался как меньшее из возможных зол, которое лучше терпеть,

¹⁴ Giovanni di Pian di Carpine. Storia dei Mongoli. P. 323.

¹⁵ Подробно см.: Горский А.А. Об обстоятельствах гибели великого князя Ярослава Всеволодича // «По любви, в правду, безо всякие хитрости»: от друзей и коллег В.А. Кучкину к 80-летию. М., 2014.

¹⁶ См. об этом: Горский А.А. «Всего еси исполнена земля Русская...»: Личности и ментальность русского Средневековья. М., 2001. С. 134–159.

Князь Ярослав
Всеволодич у Батия.
*Лицевой летописный
свод. XVI в.*

дабы оно не переросло в зло несравненно худшее — непосредственное владычество ордынских ханов и их администрации в русских городах.

Но какой вариант «опосредованного» властвования был установлен на русских землях? (Выше говорилось, что на другом, южном фланге монгольского наступления на Запад — на Ближнем Востоке — их просматривается минимум три.) И не отличались ли, а если отличались, то в какой мере, системы управления для разных земель? Для ответа на эти вопросы необходимо рассмотреть сведения о мероприятиях завоевателей, проведенных на территории Руси с целью утверждения их власти.

Самыми ранними из них были действия, упоминаемые Плано Карпини в главе 7 его «Истории монголов»:

«...в бытность нашу в Руссии был прислан сюда один Саррацин, как говорили, из партии Куйюк-хана и Бату, и этот наместник (*prefectus*) у всякого человека, имевшего трех сыновей, брал одного, как нам говорили впоследствии; вместе с тем он уводил всех мужчин, не имевших жен, и точно так же поступал с женщинами, не имевшими законных мужей, а равным образом выселял он и бедных, которые снискивали себе пропитание нищенством. Остальных же, согласно своему обычаю, пересчитал, приказывая, чтобы каждый, как малый, так и большой, даже однодневный младенец, или бедный, или богатый, платил такую дань, именно, чтобы он давал одну шкуру белого медведя, одного черного бобра, одного черного соболя, одну черную шкуру некоего животного, имеющего пристанище в той земле, название которого мы не умеем передать по-латыни, и по-немецки оно называется ильтис, поляки же и русские называют этого зверя дохорь, и одну черную

лисью шкуру. И всякий, кто не даст этого, должен быть отведен к Татарам и обращен в их раба»¹⁷.

Плано Карпини и его спутники посетили Южную Русь, а именно Галицко-Волынскую и Киевскую земли, зимой 1245/46 г. по пути во владения монголов и летом 1247 г. по дороге обратно. Перепись населения, описанная в сочинении папского посла, явно не коснулась Галицко-Волынской земли: ее история этого времени подробно излагается в т.н. Галицко-Волынской летописи, и никаких намеков на подобное мероприятие там нет. Следовательно, перепись была проведена в Киевской земле¹⁸. Наиболее вероятно, что она состоялась в конце 1245-го — начале 1246 г.¹⁹ В этом случае слова, что перепись проходила в период пребывания францисканцев на Руси, и что о сопровождавших ее действиях они слышали «впоследствии» (*ut postea nobis decebatur*), следует понимать так, что «наместник» бесчинствовал в Киевской земле в то время, когда Плано Карпини и его спутники пребывали на Волыни, а по приезде в Киев они узнали о подробностях происходившего; между тем, если бы францисканцы застали проведение переписи по приезде в Киев на обратном пути, они вряд ли смогли бы после ее окончания слышать рассказы очевидцев о ней, поскольку двинулись далее на запад, в Галицко-Волынскую землю, где переписи не было²⁰. Вероятно, о том же самом мероприятии упоминается в Житии князя Михаила Всеволодича Черниговского (убитого в ставке Батыя 20 сентября 1246 г.), после рассказа о нашествии Батыя: «А инии же кряхуся в горахъ и в пещерахъ и в пропастьехъ и в лѣсѣхъ, мало от тѣхъ остася. Тѣхъ же нѣ по колицѣхъ времянѣхъ осадиша въ градѣхъ, изочтоша я в число и начаша на них дань имати татарове»²¹.

¹⁷ *Giovanni di Pian di Carpine. Storia dei Mongoli*. Р. 285; Путешествия... С. 55 (пер. А.И. Малеина). «Саррацин» в данном случае означает мусульманин (см.: Путешествия... С. 195, примеч. 6).

¹⁸ Ср.: Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М.; Л., 1950. С. 218; Павлов П.Н. К вопросу о русской дани в Золотую Орду // Ученые записки Красноярского гос. пед. ин-та. Т. 13. Сер. историко-филологическая. Вып. 2. Красноярск, 1958. С. 79.

¹⁹ Отметим, что позднейшие переписи — в Суздальской, Муромской и Рязанской землях в 1257 г. и в Новгороде в 1259 г. — также проходили зимой (ПСРА. Т. 1. Стб. 474–475; Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 82). В других странах монголы проводили переписи тоже в зимнее время (см.: *Allsen T. Mongol imperialism: The policies of the Grand Qan Möngke in China, Russia, and Islamic lands, 1251–1259*. Berkeley, 1987. Р. 143).

²⁰ Практически невозможно, чтобы в рассказе Плано Карпини подразумевалось, что францисканцы застали перепись во время обратного пути на территории Руси до приезда в Киев, а в Киеве узнали о ее подробностях, поскольку до Киева «от последней заставы татар» они ехали всего шесть дней (*Giovanni di Pian di Carpine. Storia dei Mongoli*. Р. 330; Путешествия... С. 81).

²¹ *Серебрянский Н.И. Древнерусские княжеские жития*. М., 1915. Тексты. С. 55; ср.: Там же. С. 63–64.

Нашествие Батыя.
Лицевой летописный
свод. XVI в.

Известие Плано Карпини (как и Житие Михаила) прямо связывает перепись с установлением дани. Указание, что учитывались даже младенцы, дает основания полагать, что переписывалось все мужское население независимо от возраста. Такой вариант переписи зафиксирован в Великой Армении в 1314 г. (причем в записях о ней также содержится указание на учет монголами — администрацией ильхана Улджаиту — даже младенцев)²². Осуществляя перепись в Киевской земле наместник — *prefectus*. Ниже в главе 7 словом *prefectos* Плано Карпини переводит приведенный им в латинской транскрипции тюркский термин *bascaki* — баскаки²³. По-видимому, и в главе 7 речь идет о баскаке²⁴, и в сочинении Плано Карпини фиксируется, таким образом, возникновение киевского баскачества. Оно имело длительную последующую историю — киевский баскак упоминается еще в 1331 г.²⁵ В функции баскаков входил контроль за сбором дани и лояльностью местных правителей²⁶.

В 1257 г. (точнее — зимой 1257/58 г.) состоялась перепись в Суздальской земле (Северо-Восточной Руси), а также в Рязанской и Муромской землях: «Тое же зимы приехаша численици, исщетоша всю землю Сузаль-

²² См.: Бабаян Л.О. Социально-экономическая и политическая история Армении XIII–XIV веков. М., 1969. С. 241; Dashdondog B. Op. cit. P. 110, 208.

²³ Giovanni di Pian di Carpine. Storia dei Mongoli. P. 287.

²⁴ Ср.: Ibid. P. 465 (n. 2); Martin J. Medieval Russia. 980–1584. Cambridge, 2007. P. 166.

²⁵ Новгородская первая летопись... С. 344.

²⁶ Об институте баскачества на Руси см.: Маслова С.А. Баскаческая организация на Руси: время существования и функции // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2013. № 1.

скую, и Рязаньскую, и Мюромьскую, и ставиша десятники, и сотники, и тысящники, и темники, и идоша в Ворду; толико не чтоша игуменовъ, чернцовъ, поповъ, крилошанъ, кто зрить на святую Богородицю и на владыку»²⁷. В 1270-е гг. была проведена еще одна перепись: «Бысть число 2-е изъ Орды отъ царя»²⁸.

Перепись 1257 г. была составной частью такого рода мероприятий, проведенных в 1250-х гг. по всей Монгольской империи — от Дальнего Востока до Передней Азии и Восточной Европы, с целью упорядочения сбора податей²⁹. Историки разошлись во мнениях в отношении того, кем были упомянутые в известии 1257 г. представители администрации — темники («десятитысячники»), тысячники, сотники и десятники — монголами³⁰ или русскими³¹. При этом практически все исходило из того, что названные должностные лица действовали на Руси. Однако есть основания в этом усомниться. В главе 9 сочинения Платона Карпини упоминается «киевский сотник»: «apud Corenzam invenimus Nongrot centurionem Kiovie et socios eius, qui etiam nos per quamdam partem vie duxerunt» (у Коренцы мы нашли Киевского сотника Нонггота и его товарищей, которые провожали нас некоторую часть дороги)³². Имя *Nongrot* не поддается интерпретации, поэтому

²⁷ ПСРА. Т. 1. Стб. 474–475, под 6765 мартовским годом.

²⁸ Т. 4. Ч. 1. Вып. 1. С. 243 (под 6781–1273 г.); ср.: Т. 16 (Летопись Авраамки). СПб., 1889. С. 55 (под 6781 г.); Т. 10 (Никоновская летопись). М., 1965. С. 152 (под 6783–1275 г.). Новгородская четвертая летопись и Летопись Авраамки не содержат указаний на региональный охват переписи, а поздняя (начала XVI в.) Никоновская говорит о «Руси и Новгороде». Во всяком случае несомненно, что перепись охватила Северо-Восточную Русь: указание на то, что эта перепись вторая, под первой явно подразумевает перепись 1257 г.

²⁹ См.: Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. Монголы и Русь. СПб., 2002. С. 223–224 (первое издание книги А.Н. Насонова «Монголы и Русь» вышло в 1940 г.); Allsen T. Mongol imperialism. P. 116–143.

³⁰ Насонов А.Н. Указ. соч. С. 225–227.

³¹ Феннел Дж. Кризис средневековой Руси. 1200–1304. М., 1989. С. 158; Егоров В.А. Александр Невский и Чингизиды // Отечественная история. 1997. № 2. С. 53–54; Кривошеев Ю.В. Русь и монголы. СПб., 2003. С. 175–177; Григорьев А.П. Сборник ханских ярлыков русским митрополитам. СПб., 2004. С. 27; Темушев С. Трансформация налогового-даннической системы древнерусских земель после монгольского нашествия // Rus' during the epoch of Mongol invasions (1223–1480). Krakow, 2013. P. 57–59.

³² Giovanni di Pian di Carpine. Storia dei Mongoli. P. 331. В переводе А.И. Малеина 1911 г. имя сотника передано как «Монгрот» (Путешествия... С. 82), поскольку перевод делался с издания «Истории монголов» по Лейденскому списку, бывшему первоначально единственным известным пространной редакцией сочинения Платона Карпини. Но это чтение ошибочное: в более ранних с текстологической точки зрения списках — Кембриджском и Вольфенбюттельском — присутствуют чтения этого имени с начальным N — *Nongrot* и *Nongreth* (см.: Giovanni di Pian di Carpine. Storia dei Mongoli. P. 186, 204, 331).

вероятной является конъектура, предложенная П. Пелльо — *Hongrot*. В этом случае перед нами имя, соответствующее монгольскому родоплеменному названию *конграт/хонкират*³³.

Но если данное лицо являлось монголом, встает вопрос, почему *Хонгрот* определен как *киевский сотник*³⁴. Из текста следует, что он пребывал не в Киеве, а в улусе Коренцы (Куремсы) — ближайшей к Киеву монгольской административной единице. Рассказывая выше в главе 9 о пребывании у Куремсы, Плато Карпини пишет, что там «нам дали лошадей и трех татар, которые были десятниками, а один — человек Бату», которые сопровождали францисканцев до ставки Батые³⁵. В перечне же свидетелей как спутники францисканцев по пути от Куремсы к Батюю называются сотник Хонгрот и его товарищи. Очевидно, что речь идет об одних и тех же лицах: десятники подчинены сотнику, который и есть «человек Бату». Таким образом, киевский сотник находится в ближайшем к Киеву степном улусе и подчинен непосредственно Батюю. Поскольку выше (в главе 7) Плато Карпини упоминает о проведенной в Киевской земле переписи, ясно, что названные им в главе 9 имеющие отношение к Киеву сотники и десятники — это поставленные в ходе нее монгольские чиновники, отвечающие за сбор дани³⁶. Но постоянно находились они не на Руси, а в ближайшей к Киевской земле монгольской административной единице (из которой можно было в короткий срок добираться до подведомственной территории для осуществления своих функций). Разумеется, сотник Хонгрот был не главным и не единственным чиновником, ответственным за Киев и его округу, а только одним из многих. Поскольку Плато Карпини и его спутники приехали к Куремсе из Киева, ему было приказано их сопроводить на дальнейшем пути.

Аналогично и в десятниках, сотниках, тысячниках и темниках, «поставленных» в 1257 г. в Суздальской земле, следует видеть монгольских³⁷ чинов-

³³ Pelliot P. Recherches sur les Chrétiens d'Asie Centrale et d'Extrême Orient. P., 1973. P. 68–69; Giovanni di Pian di Carpine. Storia dei Mongoli. P. 331, 494, n. 72.

³⁴ Выше в тексте Плато Карпини упоминается киевский «тысячник» (*millenarius*), но там речь идет явно о русском должностном лице (т.е. о *тысяцком*), т.к. он вместе с другими представителями киевской знати советует францисканцам, как вести себя у татар (Giovanni di Pian di Carpine. Storia dei Mongoli. P. 304–305; Путешествия... С. 67).

³⁵ Giovanni di Pian di Carpine. Storia dei Mongoli. P. 309; Путешествия... С. 69.

³⁶ В главе 7 перед рассказом о переписи Плато Карпини говорит об обычае монголов в отношении покоренных народов: их «считают и распределяют (*ordinant*) согласно своему обычаю» (Giovanni di Pian di Carpine. Storia dei Mongoli. P. 285; Путешествия... С. 55). Под «распределением» как раз и имеется в виду учреждение ответственных за сбор дани по десятичной системе должностных лиц.

³⁷ «Монгольских», разумеется, в том смысле, что они являлись служилыми людьми Чингизидов; их этническое происхождение могло быть различным (так, в той же

ников, ответственных за сбор дани с территории, подвергшейся переписи³⁸. Они, скорее всего, постоянно пребывали в ближайшем к Северо-Восточной Руси улусе — Булгаре.

Кого учитывали в Северо-Восточной Руси переписи конца 1250-х и середины 1270-х гг.? В Киевской земле в середине 1240-х гг. переписывалось все мужское население, но из истории других стран известно, что монголы практиковали и иные подходы — учет только работоспособных мужчин (от 11 или 15 лет до 60 лет)³⁹ и учет не населения, а хозяйств (дворов)⁴⁰. Данный вопрос, на который в историографии отвечали по-разному⁴¹, может быть прояснен при учете известий о «тьмах» — наиболее крупных единицах десятичного деления податного населения, установленных переписью 1257 г.⁴² Самое раннее упоминание «тем» относится к много более позднему времени, когда функция сбора дани давно перешла к русским князьям, но поскольку после 1270-х гг. монгольские переписи в Северо-Восточной Руси не проводились, оно скорее всего отображает деление на податные округа, установленное в XIII столетии. Относится это сообщение к событиям 1360 г. Тогда хан Орды Навруз дал князю Андрею Константиновичу Нижегородскому «княжение великое 15 темь»⁴³. «Тьма» — 10 000, следовательно, 15 тем — это 150 000. Но чего? Всего мужского населения, только мужчин работоспособного воз-

главе 9 сочинения Платона Карпини упоминается алан Михай, управлявший в качестве монгольского наместника поселением на пути из Киева в улус Куремсы: *Giovanni di Pian di Carpine. Storia dei Mongoli*. Р. 305; Путешествия... С. 68).

³⁸ В ярлыке хана Менгу-Тимура русскому духовенству (1267 г.) эти категории, по-видимому, объединены под понятием «данщики» (Памятники русского права. Вып. 3. М., 1955. С. 467).

³⁹ Таков был принцип переписи в Великой Армении в 1254 г. (см.: *Бабаян А.О.* Указ. соч. С. 239–240, 256–257; *Dashdondog B.* *Op. cit.* Р. 108).

⁴⁰ В Китае (см.: *Allsen T.* *Mongol imperialism*. Р. 119, 125–130).

⁴¹ К.А. Неволин, А.Н. Насонов и Т. Олсен полагали, что в ходе переписи 1257 г. в Северо-Восточной Руси переписывались дворы (*Неволин К.А.* Полн. собр. соч. Т. 6. СПб., 1859. С. 448; *Насонов А.Н.* Указ. соч. С. 224–226; *Allsen T.* *Mongol census taking in Rus'. 1245–1275* // *Harvard Ukrainian Studies*. 1981. Vol. 5. N 1. Р. 49). Н.Д. Чечулин считал, что переписывали население (без уточнения, все или нет; см.: *Чечулин Н.Д.* Начало в России переписей и ход их до конца XVI в. СПб., 1889. С. 5–6).

⁴² Деление на «тумены» (в русской передаче — «тьмы») восходило к делению монгольского войска («тумен» — десятитысячный корпус). Оно было принято в разных регионах, на которые распространилась власть монголов (см.: *Насонов А.Н.* Указ. соч. С. 294; *Dashdondog B.* *Op. cit.* Р. 102). В приложении к оседлым народам тумены-«тьмы» неизбежно приобретали характер территориальных округов.

⁴³ ПСРА. Т. 15. Вып. 1 (Рогожский летописец). Стб. 68. Рогожский летописец, сохранившийся в списке 1440-х гг., содержит текст летописания Северо-Восточной Руси XIV столетия (см.: *Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вторая половина XIV–XVI в. Вып. 2.* Л., 1989. С. 22–23), поэтому достоверность известия о «тьмах» сомнений не вызывает.

Разграбление
Суздаля Батыем.
*Лицевой летописный
свод. XVI в.*

раста или дворов-хозяйств? Помочь ответить на этот вопрос могут данные о размерах дани с «великого княжения».

В 1380-е гг. годовой ордынский «выход» с великого княжения составлял 5000 рублей⁴⁴, причем в эту цифру входила дань с собственно Московского княжества (объединившегося к этому времени с «великим княжением»⁴⁵), равная около 1200–1250 рублей⁴⁶. Таким образом, с 15 «тем» собственно великого княжения в границах 1360 г. шло около 3750–3800 рублей. Следовательно, с каждой «тмы» в конце XIV в. платилось в среднем около 250 рублей. Соответственно, «тысяча» должна была платить 25 рублей, «сотня» — 2,5 рубля, «десяток» — четверть рубля, а одна податная единица — 0,025 рубля. С этой цифрой можно сопоставить известие о взимании дани в 1384 г., после того, как великий князь Дмитрий Иванович заключил мир с ханом Тохтамышем, получил от него ярлык на «великое княжение» и возобновил выплату дани, прекращенную в 1374 г. в результате конфликта с прежним правителем Орды — Мамаем⁴⁷:

⁴⁴ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. (далее — ДДГ). М.; Л., 1950. № 11. С. 31 (договор Дмитрия Донского с Владимиром Андреевичем Серпуховским, 1389 г.).

⁴⁵ См.: Горский А.А. От земель к великим княжениям: «примыслы» русских князей второй половины XIII–XV в. М., 2010. С. 110–113.

⁴⁶ ДДГ. № 11. С. 31; ДДГ. № 12. С. 35–36 (духовная грамота Дмитрия Донского, 1389 г.). Из сложения 320 рублей дани с удела Владимира Андреевича и 960 рублей с остальной территории Московского княжества получается цифра 1280, но дань в 111 рублей с удела сына Дмитрия Донского Петра включала выплаты с волостей бывшего Дмитровского княжества, которое в 1360 г. должно было считаться частью «великого княжения».

⁴⁷ Об этих событиях см.: Горский А.А. Москва и Орда. М., 2000. С. 86–113.

«Тое же весны бысть великая дань тяжелая по всему княженью великому, всякому безъ отдатка, со всякие деревни по полтине»⁴⁸.

«Деревней» в XIV веке именовалось, как правило, однодворное поселение⁴⁹. Сумма дани с деревни — «полтина» (0,5 рубля) — оказывается кратна той, что должна была взиматься в конце XIV в. с искомой «переписной единицы» — десяти тысячной части «тмы»: она больше ровно в 20 раз. Между тем долг по выплате дани накопился за 10 лет — со времени «розмирья» с Ордой в 1374 г. Если податной единицей был двор, увеличение дани сверх десяти раз еще в два раза труднообъяснимо. Если облагались данью все мужчины независимо от возраста, ожидать следовало увеличения суммы более чем в два раза, так как на двор в среднем приходилось вместе с детьми более двух лиц мужского пола⁵⁰. Естественнее всего полагать, что податными единицами считались взрослые работоспособные мужчины, поскольку на двор в среднем приходилось два работника⁵¹: умножение 0,025 рубля на двух работников и на 10 лет дает полтину⁵².

⁴⁸ Приселков М.Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. С. 427–428 и примеч. 1; ср.: ПСРА. Т. 15. Вып. 1. Стб. 149.

⁴⁹ См.: Дегтярев А.Я. Русская деревня в XV–XVII веках. Очерки истории сельского расселения. Л., 1980; История крестьянства СССР. Т. 3. М., 1990. С. 482–483. Само слово *деревня* первоначально обозначало пашню, затем крестьянский двор с земельными угодьями (см.: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 1. М., 1964. С. 501–502).

⁵⁰ См.: Кучкин В.А. Население Руси в канун Батыева нашествия // Образы аграрной России IX–XVIII вв. Памяти Н.А. Горской. М., 2013. С. 85–86; Степанова Л.Г. Демографические характеристики крестьянского двора в XV–XVI вв. // Там же. С. 126–127.

⁵¹ По данным писцовых книг конца XV — начала XVI в. на двор приходилось в среднем около 1,5 взрослых женатых мужчин (см.: Степанова Л.Г. Указ. соч.). При учете того, что работниками нередко могли быть и подростки, но еще неженатые сыновья дворовладельца, среднее число работоспособных мужчин во дворе должно было быть как раз около двух.

⁵² Иногда известие 1384 г. воспринимается как сообщающее о размере *годовой* дани и ставится в один ряд с упоминанием в послании правителя Орды Едигея великому князю московскому Василию Дмитриевичу (1408 г.) сбора Василием дани в размере «с двою сохъ рубль» и с текстом «Истории Российской» В.Н. Татищева под 1275 г., где говорится о дани в Орду «по полугривне с сохи» (см.: Капитанов С.М. Финансы средневековой Руси. М., 1988. С. 44; Langer L. Muscovite taxation and the problem of Mongol rule in Rus' // Russian history. 2007. Vol. 34. N 1–4. P. 117, 127, n. 136). Однако в письме Едигея речь идет о размере дани, собранной великим князем для себя (и неизвестно, за какой срок), из которой он не произвел выплаты в Орду (ПСРА. Т. 42. С. 172–173). Что касается татищевского известия, то оно читается в явно беллетризованном рассказе о беседе великого князя Василия Ярославича с ханом, призванном обосновать необходимость второй переписи, упоминаемой под 1275 г. в главном источнике Татищева по данному периоду — Никоновской летописи (Татищев В.Н. История Российская. Т. 5. М., 1965; ср.: ПСРА. Т. 10. С. 152). В той же Никоновской летописи присутствуют послание Едигея с упоминанием дани в рубль с двух сох и упоминание о дани с Новгорода Ивану III «с сохи

Таким образом, можно полагать, что в ходе переписи 1257 г. в Северо-Восточной Руси, установившей систему «тем», учитывалось, скорее всего, мужское население работоспособного возраста.

Как и в Киевской земле, помимо переписи в Северо-Восточной Руси была учреждена система баскачества. Под 1269 г. упоминается «баскакъ великъ володимирьскыи, именемъ Амрагантъ», приходивший вместе с великим князем Ярославом Ярославичем в Новгород в связи с готовящимся походом в Ливонию⁵³. Определение «великий» для баскака, сидевшего в стольном городе «великого княжения», подразумевает наличие «простых» баскаков в других княжествах. Один из них упоминается под 1305 г.: «того же лѣта преставися баскакъ Кутлубугъ»⁵⁴.

В новгородском летописании рассказывается об административных мероприятиях монголов в Новгородской земле в конце 1250-х гг. В 1257 г. «приде вѣсть изъ Руси зла, яко хотятъ татарове тамгы и десятины на Новѣгородѣ»; приехавшие затем, зимой 1257/58 г. с князем Александром Нев-

по полугривне» (ПСРЛ. Т. 11. М., 1965. С. 210; Т. 12. М., 1965. С. 184), из чего историк XVIII столетия и мог вывести «полугривну с сохи». Что касается известия 1384 г., то в нем совершенно явно подразумевается не обычный годовой, а экстраординарный размер выплат (дань названа «великой» и «тяжелой») (ср.: *Фетищев С.А.* «Дань великая тяжкая...» // *Русское средневековье: Сборник статей в честь профессора Ю.Г.Алексеева.* М., 2012). Имеющиеся данные о выплатах дани московским князьям с новгородских волостей дают цифры, сопоставимые с выведенным на основании деления общей суммы дани с «великого княжения» на количество «тем» размером годовой дани в Орду в конце XIV столетия — в среднем около 0,025 рубля с работника. Грамота 1461 г. о предоставлении Новгородом великому князю Василию Васильевичу «черного бора» (дани, прежде предназначавшейся для Орды) с новоторжских волостей говорит о сборе «съ сохи по гривнѣ по новои» (Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949. № 21. С. 39; о «черном боре» и о датировке грамоты см.: *Янин В.А.* О «черном боре» в Новгороде в XIV—XV вв. // *Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины.* М., 1983). «Соха» соответствовала двум или трем работникам с тремя лошадьми (Грамоты Великого Новгорода и Пскова. № 21. С. 39; ПСРЛ. Т. 25. С. 319—320), новгородская «новая гривна» середины XV в. — 1/5 новгородского рубля (близкого по весу московскому конца XIV в.) (см.: *Янин В.А.* Денежно-весовые системы домонгольской Руси и очерки истории денежной системы средневекового Новгорода. М., 2009. С. 277—282, 346—347); таким образом, с работника должно было взиматься от 0,067 до 0,1 рубля. В 1478 г. новгородцы договорились с Иваном III о выплате «съ сохи по полугривнѣ по 7 денег» (ПСРЛ. Т. 25. С. 319—320); полугривна или 7 денег равны 0,032 новгородского рубля (см.: *Янин В.А.* Денежно-весовые системы... С. 298), что в пересчете на работника дает от 0,011 до 0,016 рубля.

⁵³ Новгородская первая летопись... С. 88. Появление «великого баскака» так испугало ливонских немцев, что они поспешили согласиться на мирный договор на условиях русской стороны.

⁵⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 528 (Московская Академическая летопись). Поскольку известие относится к ростовскому летописанию, вероятнее всего, этот баскак сидел в Ростовском княжестве.

ским «послы татарьскыи» «почаша просити... десятины, тамгы, и не яшася новгородцы по то, даша дары цесареви, и отпустиша я с миромь»⁵⁵. В конце 1259 г. «приѣха Михаило Пинежничъ из Низу со лживымъ посольствомъ, река тако: “аже не иметеса по число, то уже полкы на Низовьской земли»; и яшася новгородцы по число. Тои же зимы приѣхаша оканьнии татарове сырядцы Беркаи и Касачикъ с женами своими, и инѣхъ много; и бысть мятежь великъ в Новѣгородѣ, и по волости много зла учиниша, беруче туску оканьнымъ татаромъ”. Новгородцы едва не подняли восстание, но в конце концов «яшася по число... И почаша ѣздити оканьнии по улицамъ, пишюче дома христьяньскыя... и отѣхаша оканьнии, взявше число»⁵⁶.

Иногда предполагается (исходя из того несомненного факта, что послы 1257 г. приехали из Северо-Восточной Руси, где тогда проходила перепись), что зимой 1257/58 г. имела место попытка проведения переписи в Новгороде, неудавшаяся из-за сопротивления новгородцев⁵⁷. Однако оснований для такого заключения нет, поскольку в статье 1259 г., рассказывающей о переписи, последняя именуется «числом», в то время как требования монголов в 1257 г. сформулированы иначе — они требуют не «числа», а «тамгы» и «десятины». «Десятина» упоминается ранее в новгородском летописании в связи с нашествием Батыя: подойдя в конце 1237 г. к границам Рязанской земли, монголы потребовали от местных князей «десятины во всемъ: и в людехъ, и въ князехъ, и въ конихъ, во всякомъ десятое»⁵⁸. Но в 1257 г. речь вряд ли шла о десятине в таком же смысле, поскольку если требуется десятая часть от всего, нет смысла упоминать рядом особо отдельную пошлину — тамгу. Между тем *и* между словами «тамгы» и «десятины» может быть не соединительным союзом (обозначающим, что речь идет о двух разных податях), а уточняющей частицей⁵⁹. К тому же при втором упоминании этих терминов в Новгородской первой летописи старшего извода союз отсутствует, и без вводимой в текст современными издателями запятой в нем читается «и почаша просити

⁵⁵ Новгородская первая летопись... С. 82.

⁵⁶ Там же. С. 82–83. «Туска» (*тузгу*, *тзгу*) — побор на содержание монгольских должностных лиц, посещающих подвластную территорию (см.: Вернадский Г.В. Монголы и Русь. Тверь, 1997. С. 227; Бабаян А.О. Указ. соч. С. 263–267; Добродомов И.Г. Туска (об одном гапаксе Новгородской первой летописи) // 90 лет Н.А. Баскакову. М., 1996).

⁵⁷ Чечулин Н.Д. Указ. соч. С. 6; Насонов А.Н. Указ. соч. С. 225, примеч. 7; Феннел Дж. Указ. соч. С. 158.

⁵⁸ Новгородская первая летопись... С. 74.

⁵⁹ О таком значении *и* — как частицы, поясняющей (при отсутствии знаков препинания) предыдущее слово, см.: Янин В.А., Зализняк А.А. Берестяные грамоты из новгородских раскопок 1997 г. // Вопросы языкознания. 1998. № 3. С. 30; Горский А.А. Москва и Орда. С. 166, примеч. 78.

Осада Москвы
Тохтамышем в 1382 г.
*Лицевой летописный
свод. XVI в.*

послы десятины тамгы»⁶⁰. Речь может, таким образом, идти об одной пода-ти — тамге в размере десятины. В пользу такой трактовки говорят данные о тамге в других странах, завоеванных монголами. Так называли налог на городское, торгово-ремесленное население; в государстве Хулагуидов он был равен 10% от стоимости торговых сделок, т.е. по своим размерам являлся десятиной⁶¹. Скорее всего, монгольские послы в 1257 г. требовали от новгородцев признания власти великого хана («цесаря»), выражением которой должна была стать уплата тамги величиной в 10% доходов населения Новгорода от ремесла и торговли⁶². Новгородцы не согласились на это, ограничившись дарами великому хану. Зимой 1259/60 г. монголы явились в Новгород с другой целью — провести перепись («число»). Указание, что переписчики ездили по городу, «пишюче домы христьяньския», возможно, говорит о подворном характере переписи⁶³. Во всяком случае нет данных для утверждения, что перепись охватила не только Новгород, но и всю обширную Новгородскую зем-

⁶⁰ См. фототипическое издание рукописи Новгородской первой летописи старшего извода (Синодального списка): Новгородская харатейная летопись. М., 1964. С. 277.

⁶¹ *Бабаян А.О.* Указ. соч. С. 267–268; *Петрушевский И.П.* Иран и Азербайджан под властью хулагуидов // *Татаро-монголы в Азии и Европе*. М., 1977. С. 245.

⁶² Требование признания власти, выдвигаемое прежде, чем поставить вопрос о переписи, могло быть связано с тем, что Новгород не подвергся завоеванию в ходе походов Батые. Видимо, монголы хорошо представляли особенности политического строя Новгородской земли: ограниченность княжеского суверенитета здесь делала недостаточным признание власти Монгольской империи князем (Александром Невским), нужно было отдельное признание ее новгородцами.

⁶³ Ср.: *Кривошеев Ю.В.* Указ. соч. С. 203.

лю. Позднейшие сведения о выплате новгородцами дани свидетельствуют, что собирали ее с самого начала князья, а не ордынские должностные лица. В 1270 г. новгородский тысяцкий Ратибор, отправленный великим князем Ярославом Ярославичем (чьим ставленником он являлся) в Орду, сказал хану: «новгородци тебе не слушают; мы дани прошали тобѣ, и они нас выгнали, а инѣхъ избили, а дома наша розграбили, а Ярослава беществовали»⁶⁴; раз дань для Орды у новгородцев запрашивали князь и его доверенные лица, значит, монгольские «данщики» Новгородскую землю не посещали. При этом сбор дани происходил нерегулярно и осуществлялся (по крайней мере, преимущественно) с одной только части Новгородской земли — Новоторжской волости⁶⁵. Таким образом, даннический режим Новгородской земли был явно мягче, чем для земли Суздальской — Северо-Восточной Руси.

О наличии в Новгородской земле баскаков сведений нет.

В отношении особенностей монгольской власти над другими крупными русскими землями данных крайне мало.

В Любецком синодике, содержащем перечень князей Черниговской земли, про правившего в конце XIII в. в Брянске и Чернигове князя Олега Романовича сказано: «князя Олга Романовича, великаго князя черниговскаго, Леонтия, оставившаго дванадесять темъ людей и приемшаго агтелский образъ»⁶⁶. Упоминание «тем» свидетельствует, что в Черниговской земле была проведена перепись. Неясно, идет ли речь о двенадцати «тьмах» плательщиков дани со всей Черниговской земли или только из Брянского и Черниговского княжеств⁶⁷. Что касается объектов переписи, то можно полагать, что ими были, как в Суздальской земле, мужчины работоспособного возраста: в этом случае общее количество населения равнялось около 360 000 (если считать, что дети и старики составляли около трети мужского населения), в то время как при допущении, что учитывалось все мужское население — только 240 000, что представляется слишком малой цифрой (даже если речь идет лишь о Брянском и Черниговском княжествах).

Как и в других землях, где проводилась повсеместная перепись населения — Киевской и Суздальской, в Черниговской земле фиксируется институт баскачества: летописание Северо-Восточной Руси донесло подробный

⁶⁴ Новгородская первая летопись... С. 89.

⁶⁵ См.: Янин В.А. О «черном боре» в Новгороде в XIV—XV вв.

⁶⁶ Зотов Р.В. О черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время. СПб., 1892. С. 26.

⁶⁷ Собственно Черниговское княжество в Черниговской земле во второй половине XIII в. было аналогом «великого княжения» в Северо-Восточной Руси — «центральный» политическим образованием, которым владели по ханскому ярлыку князья более мелких княжеств.

рассказ о деятельности баскака Ахмата в одном из княжеств Черниговской земли — Курском — в 1280-е гг.⁶⁸

В отличие от Черниговской земли, летописание которой ордынской эпохи не сохранилось, для земли Галицко-Волынской имеется летописный памятник, подробно описывающий события, происходившие на Юго-Западе Руси, — Галицко-Волынская летопись, доведенная до 1290-х гг. В ней однажды упоминается дань в Орду — в приведенном летописью тексте завещания владими́ро-волы́нского князя Владимира Васильковича (1287 г.): «аже боудеть князю городъ роубити, и они («людь» — А.Г.) к городоу, а поборомъ и татарычиною ко князю»⁶⁹. Таким образом, собиралась «татарщина» князем, а не ордынскими «данщиками»⁷⁰. О мероприятиях, в результате которых она была установлена, как и о размерах выплат, ничего не говорится⁷¹. Полагать, что летописцы умолчали о переписи населения, оснований нет, поскольку они не были склонны скрывать проявления гнета со стороны монголов: в Галицко-Волынской летописи подробно описаны унижения, через которые при-

⁶⁸ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 481–482; Т. 18 (Симеоновская летопись). СПб., 1913. С. 79–81; Кучкин В.А. Летописные рассказы о слободах баскака Ахмата // Средневековая Русь. Вып. 1. М., 1996.

⁶⁹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 904.

⁷⁰ Ср.: Zdan M. The dependence of Halych-Volyn' Rus' on the Golden Horde // The Slavonic and East European review. Vol. 35. N 87. L., 1957. P. 511.

⁷¹ Правда, в двух документах XVI в., связанных с отношениями Великого княжества Литовского с Крымским ханством — ярлыке Менгли-Гирея Сигизмунду I (1507 г.) и грамоте Сигизмунда II Сахиб-Гирею с условиями мирного договора (1541 г.) — на территории бывшей Галицко-Волынской Руси упоминаются «тьмы» — Владимирская (Владими́ра-Во́лынского), Луцкая, Подольская, Каменецкая и Сокальская (*Kołodziejczyk D. The Crimean Khanate and Poland-Lithuania: International diplomacy on the European periphery (15th–18th centuries). A study of peace treaties followed by annotated documents. Leiden-Boston, 2011. Doc. 8. P. 555–560; Doc. 29. P. 722–723*), но реалиям XIII в. эти данные вряд ли соответствуют. В наиболее ранних ярлыках крымских ханов великим князьям литовским на русские земли — Хаджи-Гирея и Менгли-Гирея Казимиру IV (1461 и 1472 гг.) — «тьмы» при наименованиях жалуемых городов не упоминаются (*Ibid.* Doc. 1. P. 529–530; Doc. 4. P. 539–541); что касается ярлыка Менгли-Гирея Сигизмунду I и грамоты Сигизмунда II Сахиб-Гирею, то если в первом при названиях городов фигурируют «тьмы» в единственном числе, то во второй перечень «тем» несколько отличается (совпадают 8, отсутствуют 3 названные в ярлыке и появляются 3 новых), кроме того, некоторым городам (не всегда наиболее крупным) приписаны «тьмы» во множественном числе; к Черниговской земле могут быть отнесены 4 «тьмы» из ярлыка и грамоты (Черниговская, Брянская, Курская и Любутская), в то время как в конце XIII в. в ней было не менее 12 «тем»; упоминаемая в обоих документах «Яголдаева тьма» сложилась на пограничье Северской земли со степью не ранее второй половины XIV в. (см.: Русина Е.В. Яголдай, Яголдаевичи, Яголдаева «тьма» // Славяне и их соседи. Вып. 10: Славяне и кочевой мир. М., 2001). Очевидно, ярлык Менгли-Гирея 1507 г. и грамота Сигизмунда II 1541 г. отражают представления о делении русских земель Великого княжества Литовского в податном отношении, актуальные для эпохи конца XV — первой половины XVI в. (ср.: Zdan M. *Op. cit.* P. 505–510).

шлоось пройти Даниилу Романовичу во время поездки к Батью в 1245 г., последующее окончательное подчинение Даниила и его брата Василька власти Орды в 1258–1259 гг., сопровождавшееся уничтожением укреплений в ряде городов, позднейшее участие князей Галицко-Волынской Руси в ордынских походах на Литву, Венгрию и Польшу; к завоевателям местные летописцы относились с осуждением⁷². Поэтому представляется, что переписи населения, по крайней мере всеобщей, в Галицко-Волынской земле не произошло⁷³. Тогда ее зависимость оказывается похожа на «киликский вариант»: выплата фиксированной дани и участие в военных походах монголов. Положение Галицко-Волынской Руси по отношению к Орде и католическим и языческим (Литва) соседям было очень сходно с положением Киликийской Армении, которая также находилась на западной оконечности монгольских владений и в непосредственном соседстве с иноверными (в ее случае мусульманскими) соседями. В этой ситуации монголы предпочитали относительно необременительную данническую зависимость, зато по максимуму использовали зависимое государство в качестве вспомогательной военной силы (а в отношении Галицко-Волынской земли — и тыловой базы в походах); так, только в XIII в. через галицко-волынскую территорию и с участием местных князей проходили ордынские походы в Литву в 1258, 1274 и 1277 гг., Польшу в 1259, 1280 и 1287 гг., Венгрию в 1285 г.⁷⁴

Относительная легкость зависимости Галицко-Волынской Руси проявилась и в отсутствии на ее территории баскаков⁷⁵.

⁷² См. об этом: Кучкин В.А. Монголо-татарское иго в освещении древнерусских книжников (XIII — первая четверть XIV в.) // Русская культура в условиях иноземных нашествий и войн. X — начало XX в. М., 1990. С. 17–22.

⁷³ Мнение Г.В. Вернадского, что в 1260 г. в Галицко-Волынской земле была проведена перепись (*Вернадский Г.В.* Указ. соч. С. 222), опоры в источниках не имеет (ср.: *Zdan M.* Op. cit. P. 505–512; *Allsen T.* Mongol census taking in Rus'. P. 42). Также ничем не подкреплено его утверждение, что в 1274–1275 гг. перепись прошла в Смоленской земле (*Вернадский Г.В.* Указ. соч. С. 147). О системе власти Орды над Смоленской землей данных нет (кроме упоминания «Смоленской тьмы» в названных выше документах литовско-крымских сношений XVI в., которое, как и в случае с «тьмами» Галицко-Волынской Руси, вряд ли отображает реалии XIII столетия).

⁷⁴ ПСРА. Т. 2. Стб. 846–847, 849–855, 871–874, 876–878, 881–882, 888–895, 897–900. Для сравнения: князья Северо-Восточной Руси за это время участвовали только в военных предприятиях Орды на Северном Кавказе в 1277–1278 гг. (См.: *Приселков М.Д.* Троицкая летопись. Реконструкция текста. С. 334–335).

⁷⁵ Баскак упоминается на окраине галицкой территории, в Бакоте, в середине 1250-х гг., когда Даниил Романович еще не подчинился окончательно власти монголов и оборонял свою землю от войск полководца Куремсы (ПСРА. Т. 2. Стб. 828–829; этот баскак был пленен Даниилом). Позже баскаки не известны ни в окраинных, ни в стольных городах Галицко-Волынской земли.

Таким образом, в первые десятилетия монгольского господства в Восточной Европе, до наступившего в 1260-е гг. фактического распада Монгольской империи на крупные самостоятельные улусы, зависимость русских земель устанавливалась в разных формах. В первые годы после Батыевых походов завоеватели допускали прямое управление для некоторых территорий, но к середине 1240-х гг. склонились к контролю без оккупации. При этом имеющиеся данные говорят о четырех вариантах осуществления властвования.

1. Киевская земля. Здесь все мужское население независимо от возраста было подвергнуто переписи⁷⁶. Взимание дани было возложено на десятников, сотников, тысячников и темников, пребывавших в ближайшем к Киеву степном улусе, а контроль за сбором дани и лояльностью местной знати возлагался на баскаков, сидевших в Киеве⁷⁷.

2. Северо-Восточная Русь (Суздальская земля) и Черниговская земля⁷⁸. Здесь переписывались только мужчины работоспособного возраста. Сбор дани возлагался также на десятников, сотников, тысячников и темников, находившихся в соседнем ордынском улусе, а контролирующая функция — на баскаков, главным из которых в Северо-Восточной Руси был «великий баскак владимирский»⁷⁹.

⁷⁶ Разумеется, во всех случаях не учитывалось при переписи и освобождалось от податей духовенство: это было принято монголами во всех покоренных ими странах, независимо от конфессиональной принадлежности их населения (см.: *Allsen T. Mongol imperialism*. P. 121).

⁷⁷ Особенно жесткий режим в отношении к Киевской земле был, скорее всего, связан со статусом Киева как номинальной общерусской столицы (о сохранении Киевом этой роли до второй половины XIII в. см.: *Горский А.А. Русские земли в XIII–XIV вв.: пути политического развития*. М., 1996. С. 28–29). До какого времени он действовал — сказать невозможно за отсутствием данных, но баскак в Киеве присутствовал еще в 1330-е гг.

⁷⁸ Очень вероятно, что такой же, как в Суздальской земле, режим был установлен в Рязанской и Муромской землях, о переписи в которых сообщается в том же летописном известии, где говорится о проведении этого мероприятия в Северо-Восточной Руси.

⁷⁹ Остается не вполне ясным, когда и как долго функционировала такая система. Летописный рассказ о восстании против сборщиков дани в Северо-Восточной Руси в 1262 г. (ПСРА. Т. 1. Стб. 476) свидетельствует, что дань там собирали откупщики-«бесермене» (мусульмане). В то же время в принадлежащем тому же летописному своду (см. о нем: *Насонов А.Н. История русского летописания XI — начала XVIII века*. М., 1969. С. 191–201) сообщении о смерти хана Берке (1266 г.) говорится, что после этого «бысть ослаба Руси отъ насилья бесермень» (*Приселков М.Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста*. С. 329 и примеч. 2): очевидно, имеются в виду те же откупщики. А в ярлыке сменившего Берке Менгу-Тимура русскому духовенству 1267 г. упоминаются «данщики» (Памятники русского права. Вып. 3. С. 467). Возможно, в правление Берке преобладала менее хлопотная для монгольской стороны система откупов, и только при Менгу-Тимуре подати стали постоянно собирать должностные лица, за которыми данная обязанность была закреплена переписью (ср.: *Назипов И.И. Основные формы*

3. Новгородская земля. Здесь перепись носила частичный характер, дань собиралась великим князем и, по-видимому, взималась не ежегодно. Баскаков в Новгородской земле не было.

4. Галицко-Волынская земля. Перепись здесь не проводилась, институт баскачества не утверждался⁸⁰, дань собиралась местными князьями. При этом правители Галицко-Волынской земли активнее, чем князья других земель, использовали как вспомогательная воинская сила в походах на страны, не подчиненные монголам.

воздействия Орды на русские земли: дань, политическое господство, набеги, помощь от агрессии с Запада. Пермь, 2009. С. 29–32). Ликвидация же этой системы произошла в Северо-Восточной Руси, скорее всего, в конце XIII — начале XIV в., когда функция сбора дани перешла к русским князьям, и прекратил существовать институт баскачества (см.: Насонов А.Н. Указ. соч. С. 276; Горский А.А. Москва и Орда. С. 28). Ярлыки ханов русским митрополитам XIV в. уже не упоминают «данщиков» (Памятники русского права. Вып. 3. С. 465–470). Впрочем, вопрос об эволюции системы сбора податей в период существования улуса Джучи как самостоятельного государства требует специального рассмотрения.

⁸⁰ Его наличие или отсутствие явно коррелирует с системой сбора дани (ср.: Halperin Ch.J. *Russia and the Golden Horde: the Mongol impact on Medieval Russian history*. Bloomington, 1985. P. 35): где проводилась перепись населения по всей земле и устанавливалась регулярная дань по десятичной системе, собираемая монгольскими «данщиками» (Киевская, Черниговская, Суздальская земли), там вводился и институт баскаков; где переписи не было или она проводилась выборочно, а дань собирали русские князья (Новгородская, Галицко-Волынская земли), баскачество не учреждалось.

Ключевые слова:

Русские земли, Монгольская империя, способы властвования, переписи, дань, баскачество.

Anton A. Gorsky

THE ESTABLISHMENT OF THE MONGOL EMPIRE'S RULE OVER RUS': REGIONAL SPECIFICS

The article analyses the available data on the Mongol's ruling system over the Russian lands during the first decades after the Batu's invasion. The author concludes that different approaches were used in various Russian principalities. Outlined are the four basic approaches which were used in the Kievan, Suzdal, Novgorod and Galicia-Volyn lands.

 Горский Антон Анатольевич

профессор исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова,
ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН

С.А. Маслова

МОНГОЛЬСКАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ НА ЗАВОЕВАННЫХ ЗЕМЛЯХ: ДАРУГИ И БАСКАКИ

результате завоевательных походов Чингисхана и его преемников под властью монголов оказались обширные территории с многочисленным населением, как кочевым, так и оседлым. В процессе завоевания перед монголами встала задача организации эффективного управления покоренными странами. Особое место в системе власти кочевников принадлежало баскакам и даругам. Эти чиновники являлись первыми представителями монгольской администрации на завоеванных землях.

Термин «даруга» или «даругачи» (мн. ч. «даруги» и «даругачин») монгольского происхождения: от корня *daru-* в значении «давить», «подчинять», «ставить штамп», «ставить оттиск печати»¹. Термин «баскак» произошел от тюркского корня *bas-* с тем же значением².

Историческая наука не выработала единый взгляд на проблему соотношения должностей баскаков и даруг. Существует мнение о тождестве

¹ Cleaves F.W. *Daruya and gerege* // Harvard journal of Asiatic studies. 1953. № 16. P. 237–259.

² Pelliot P. *Notes sur l'histoire de la Horde D'or*. Paris, 1949. P. 72–73, n.1.

этих двух институтов³, но высказывалась и противоположная позиция⁴. Исследователи склонны сравнивать институты даруг и баскаков как явления цельные, не обращая внимания на особенности их функционирования в конкретном регионе в конкретное время. Мало внимания уделяется специфике употребления терминов «баскак» и «даруга» различными источниками китайского, персидского, армянского, русского происхождения. Присутствие баскаков и даруг фиксируется во многих уголках обширной Монгольской империи, а после ее распада — на территории независимых улусов. Важно определить сферу их деятельности и на этом основании делать выводы о тождестве или различии должностей баскаков и даруг.

Первые сведения о монгольской администрации в завоеванных землях относятся к территории современного Китая. В 1215 г., после взятия столицы Джунду (совр. Пекин), Чингисхан назначил даругачи в Северном Китае. Выходец из Средней Азии Джафар «был оставлен охранять Джунду вместе со всеми полководцами»⁵. Он получил должность «главного даругачи Империи от севера Желтой реки до юга Тъэ-меня»⁶ — земель от севера р. Хуанхэ до юга перевала Темэнь, недалеко от Пекина⁷.

³ *Ratchnevsky P.* Un Code des Yuan. Paris, 1937. P. 32, n. 3; *Pelliot P.* Notes ... P. 72–73, n. 1; The History of the World-Conqueror. Transl. by J.A. Boyle. Vol. I-II. Manchester University press, 1958. Vol. I. P. 105, n. 24; Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М.; Л., 1950. С. 130; Григорьев А.П. Обращение в золотоордынских ярлыках XIII–XIV вв. // Ученые записки ЛГУ. № 403. Серия востоковедческих наук. Вып. 23. Востоковедение. [Вып.] 7. Филологические исследования. Л., 1980. С. 156–157; Григорьев А.П. Сборник ханских ярлыков русским митрополитам. СПб., 2004. С. 24; Почекаев Р.Ю. Право Золотой Орды. Казань, 2009. С. 105–106; Трепавлов В.В. Золотая Орда в XIV столетии. М., 2010. С. 23.

⁴ Березин И.Н. Очерк внутреннего устройства Улуса Джучиева // Труды восточного отделения императорского археологического общества. Ч. 8. СПб., 1864. С. 452–453; Саблуков Г.С. Очерк внутреннего состояния Кипчакского царства. Казань, 1895. С. 8; Насонов А.Н. Монголы и Русь. История татарской политики на Руси. М.; Л., 1940. С. 104–105; Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973. С. 30–31; Halperin Ch. J. Russia and the Golden Horde: The Mongol Impact on Medieval Russian History. Indiana University Press, 1985. P. 33–43. Ostrowski D. Muscovy and the Mongols: Cross-cultural influences on the steppe frontier, 1304–1589. Cambridge University Press, 1998. P. 36–44; Сабитов Ж.М. Политическая система Золотой Орды: генезис основных политических институтов // Золотоордынская цивилизация. Вып. 5. Казань, 2012. С. 269–275.

⁵ Мункуев Н.Ц. Мэн-да бэй-лу — важный источник по истории древних монголов // Мэн-да бэй-лу. «Полное описание монголо-татар». М., 1975. С. 36.

⁶ Endicott-West E. Mongolian rule in China. Local administration in the Yuan Dynasty. Cambridge, Massachusetts, 1989. P. 26; 146–147, n. 3–5.

⁷ Пекин после завоевания был подчинен администрации района Яньцзин. Управляющим Яньцзином стал кидань Ши-мо Мин-ань. Его должность называлась «син-шэн». Этот термин означает «управляющий», «губернатор», когда употребляется в качестве названия должности конкретного лица, а также «правительство» определенного района.

Известна дальнейшая карьера Джафара. Чжао Хун, побывавший в Яньцзине в 1221 г., упоминает Джафара среди высокопоставленных чиновников региона. Он «совместно [с Ши-мо Сянь-дэ-бу] также ведает делами в Яньцзине»⁸. В 1224–1225 гг. он по-прежнему находился в Пекине, исполняя административные обязанности. Джафар выступил посланником Чингисхана, передав даосскому монаху Чан Чуню разрешение поселиться где тому будет угодно, а также совместно с Ши-мо Сянь-дэ-бу даровал Чан Чуню участок земли для поселения даосов⁹.

Во время военной кампании в Хонане Чингисхан назначил уйгура Юй-линь Темура на должность «военно-гражданского главного даругачи Хонана и других областей»¹⁰.

В Китае во времена Чингисхана известны даругачи, назначенные его сподвижником, главнокомандующим войсками в Китае, Мухали. В 1214 г., во время подготовки военного похода, Мухали назначил монгола Амбагая из клана Баргудай даругачи катапультных рабочих всех округов¹¹.

Год спустя, в марте 1215 г., после взятия северной столицы династии Цзинь, города Пей-цзин, Мухали, руководивший осадой, назначил Ши-мо Ей-шиена даругачи Пей-цзина¹². Его сын, Ча-ла, в 1241 г. в награду за свои достижения был назначен даругачи двух округов — Чен-тин и Пей-цзин. После кончины Ча-лы в 1243 г. его сын Ку-лу-ман унаследовал обязанности отца¹³.

Даругачи, назначенные Мухали, имели более скромные полномочия, нежели Джафар и Юй-линь Темур. Один из них отвечал за отдельный город, другой за организацию некоторого количества людей. На разницу их положения указывает также именование Джафара и Юй-линь Темура «главными даругачи». Очевидно, что верховный правитель мог назначать должностных лиц любого ранга, а руководитель рангом ниже — только в рамках своей юрисдикции.

Должность Ши-мо Мин-аня унаследовал в 1216 г. его сын Ши-мо Сянь-дэ-бу (цз. 150). См. *Rachewiltz I. de. Personnel and Personalities in North China in the Early Mongol period // Journal of the Economic and Social History of the Orient. 1996. № 9. P. 115–116. Мункуев Н.Ц. Мэн-да бэй-лу — важный источник по истории древних монголов. С. 31–32.*

⁸ Мункуев Н.Ц. Мэн-да бэй-лу («Полное описание монголо-татар»). Пер. // Мэн-да бэй-лу ... С. 64.

⁹ Си ю цзи, или описание путешествия на запад // Труды членов Российской Духовной миссии в Пекине. Т. IV. СПб., 1866. С. 350, 351.

¹⁰ *Endicott-West E. Mongolian rule in China. P. 28; 148, n. 19.*

¹¹ *Ibid. P. 27; 147–148, n. 8–12. Осудьбе Амбагая см.: Школяр С.А. Китайская доогнестрельная артиллерия (материалы и исследования). М., 1980. С. 283–284.*

¹² *Endicott-West E. Mongolian rule in China. P. 27–28; 148, n. 13–16.*

¹³ *Ibid. P. 28; 148, n. 18.*

Монгольский правитель на троне. Иранская миниатюра XIV в.

Достаточно обширная информация о деятельности даругачи на территории Китая до провозглашения империи Юань содержится в эпитафии Мен-гу Па-эра, значительную часть которой перевела Элизабет Эндикот-Уэст¹⁴. Мен-гу Па-эр служил даругачи с 1236 по 1274 г. в четырех различных регионах. В 1236 г. он получил назначение в округ Чан-те, в 1263 г. его перевели на должность даругачи префектуры Чун-шан (в округе Чен-тин), в 1270 г. — префектуры Хо-чун (в том же округе), а в 1274 г., в награду за свою образцовую службу, он стал даругачи округа Хуай-мень. В том же году он скончался. Деятельность Мен-гу Па-эра в качестве даругачи Чан-те свидетельствует о широких полномочиях даруг. Он восстановил порядок в округе после военной разрухи, предотвратил голод из-за нашествия саранчи в 1239 г., как региональный чиновник обеспечивал в своем округе необходимую подготовку военного похода 1240–1243 гг., в составе вооруженного отряда неоднократно участвовал в подавлении восстаний и поимке бандитов. Из эпитафии следует, что даругачи были призваны установить порядок в послевоенном регионе, при этом они могли применять и силовые методы.

О некоторой ответственности даругачи за определенные мероприятия, имеющие отношение к военному делу, свидетельствует указ Угедая 1229 г., который передает Юань-ши: «О положении дел с призывом в войска в местностях, что приписаны к чжуванам — братьям [каана], ко всем

¹⁴ Ibid. P. 29–32.

их сыновьям, а также [что приписаны] к всевозможным чиновникам. Что касается случившихся беззаконий в исполнении обязанностей как ранее, так и ныне, то даругачи вместе с официальными лицами [указанных местностей] — все признаются виновными в этом. От каждого десятка [семей] в войска записывается один человек, такой, что находится [своими годами] в пределах — от 20 и старше, и до 30 лет включительно; после чего устанавливаются [им] начальники десятков, сотен и тысяч. Те, кто скрывает [сведения о подлежащих призыву], неискренен [в донесениях] и притом сознательно не выдает [их], а также укрывает людей, сбежавших от воинской повинности, — все подлежат смерти»¹⁵. Здесь речь идет не о полномочиях даругачи как военного деятеля, а об обязанности его как гражданского чиновника сохранять порядок в своем регионе.

Похожим образом сложилась карьера другого даругачи в Китае, Чунчи-хая. В 1233 г. он был назначен военно-гражданским даругачи регионального секретариата И-ту. В 1237 г. его перевели на должность главного даругачи регионального секретариата Чин-чао¹⁶.

В 1232 г. на должность даругачи Хуай-меня был назначен выходец из Центральной Азии Хэ-сэ-май-ли (И-су-май-ли) — Исмаил. В 1239 г. император Угедей приказал Исмаилу присоединиться к походу на запад и назначил его яргучи (судьей). Должность даругачи Хуай-меня занял старший сын Исмаила Не-чжи-би (Ний-чи-пи) — Начжиб. Второй сын Исмаила Ми-ли-цзи (Ми-ли-чи) — Мелик стал после отца битикчи (секретарем). Когда император назначил Исмаила яргучи западного региона, генерал Ча-хан и синшен Темудер просили оставить его на должности даругачи Хуай-меня. Так и было сделано. В 1240 г. Исмаил получил повышение — назначение на должность главного даругачи Хуай-меня и 28 крупных городов Хэнани (главного даругачи 28 местностей Хуай-меня и Хо-нана). Когда в 1255 г. Исмаил скончался, даругачи Хуай-меня стал его сын Мелик¹⁷. Исмаил совмещал несколько должностей — являлся одновременно битикчи и даругачи в Китае.

В Северном Китае первыми представителями монгольской администрации были даругачи. Согласно китайским источникам, первые монгольские чиновники Запада также назывались даругачи. Согласно Юань-ши, в 1223 г. завоеватели «установили порядок в разных городах Западного края и поставили там даругачи надзирать за ними»¹⁸.

¹⁵ Золотая Орда в источниках. М., 2009. Т. 3. С. 212–213.

¹⁶ *Endicott-West E. Mongolian rule in China*. P. 33; 150, n. 46–48.

¹⁷ Золотая Орда в источниках. Т. 3. С. 222–225; *Endicott-West E. Mongolian rule in China*. P. 35–36; 151–152, n. 54–66.

¹⁸ Золотая Орда в источниках. Т. 3. С. 159.

Угедей, третий сын Чингисхана и его преемник. Изображение XIV в. Китай

О завоевании западного края говорит Сокровенное сказание: «завершив покорение Сартаульского народа, Чингисхан приказал поставить дарукачин по различным городам. Двое сартаульцев из клана Курумши — отец и сын — по имени Ялавачи и Маскут, пришли из города Урунгтечи. Они рассказали Чингисхану о законах и обычаях городов; после чего, получив достаточно сведений об этих обычаях, назначил его сына Маскута Курумши, поставив его во главе, с нашими даругачин городов Букар, Семисген, Урунгтечи, Удан, Кискар, Уриянг, Гусен Дарил и других. Он взял обратно с собой Ялавачи и поставил его во главе китадского города Джунду. Потому как среди сартакского народа Ялавачи и Маскут были сведущи в законах и обычаях городов, Чингисхан назначил их с нашими дарукачин, поставил их во главе китатского народа» (§ 263)¹⁹. В этом пассаже говорится о завоевании государства Хорезмшахов. В завоеванные города были назначены особые чиновники, которых Сокровенное сказание называет «дарукачин». Среди них оказались известные администраторы, а некогда купцы, Махмуд Ялавач и его сын Маскут, родом из Ургенча. Сокровенное сказание перечисляет города, куда были назначены дарукачин. Это Букар, Семисген и Урунгтечи — Бухара, Самарканд и Ургенч²⁰ — важнейшие города Средней Азии. Бухара и Самарканд были захвачены в 1220 г., Ургенч — в 1221 г. Удан, Кискар, Уриянг и Гусен Дарил — Хотан, Кашгар, Ярканд и Куча — города каракитаев, узурпированные найманским князем Кучлугом. Эта территория отошла монголам после смерти Кучлука в 1218 г.²¹

¹⁹ The Secret History of the Mongols. A Mongolian epic chronicle of the thirteenth century. Transl. by I. de Rachewiltz. 2-nd imp. Vol. 1–2. Leiden, Boston, 2006. Vol. 1. P. 194–195.

²⁰ The Secret History of the Mongols. Vol. 2. P. 963; Cleaves F.W. Daruga and Gerege. P. 243.

²¹ The Secret History of the Mongols. Vol. 2. P. 963.

Следующее свидетельство Сокровенного сказания о даругачи на Западе — рассказ о впечатляющих военных успехах монголов: «Бату, Бури, Гуюк, Мунке и другие князья, выступившие в поход в поддержку Субетей Баатуру, подчинили народы Канглин, Кибчаут и Баджигит. Они перешли реки Эйджил и Джаяк, уничтожили город Мегет, убили Орусут и грабили их до тех пор, пока они не стали полностью сломлены. Они разгромили и подчинили народы Асут, Сесут, Болар, Манкерман Кива и другие города. Поставив дарукачин и таммачи они вернулись домой» (§ 274)²². В этой части речь идет о большом походе монголов на запад 1236–1242 гг. Канглин — народ, проживающий к северу от Аральского моря, Кибчаут — кипчаки, кочевавшие к северу от Каспия и Черного моря, половцы русских источников, Баджигит — башкиры²³. Реки Эйджил и Джаяк — Волга и Урал, город Мегет — Магас, столица алан, уничтоженная в 1239 г., Орусут — русские²⁴. Народ Асут — это аланы или осетины, Сесут — саксы Трансильвании или саксины Нижней Волги, Болар — волжские булгары, Манкерман Кива — г. Киев²⁵.

Сокровенное сказание не освещает подробности завоевательных походов монголов. Оно констатирует: в ряд завоеванных городов, среди которых перечислены города Средней Азии, были поставлены монгольские чиновники — даругачи.

Персидские авторы, говоря о монгольских чиновниках в завоеванных городах Средней Азии, используют другую терминологию.

Согласно рассказу Джувейни, в 1220 г. монгольский управитель был назначен в Бухару: «Чингисхан назначил Тауша Баскака распоряжаться и управлять районом Бухары. Он проследовал туда и город понемногу стал оживать»²⁶.

Каракитая Чин-Темур Джувейни называет первым эмиром, назначенным управлять Хорасаном и Мазандераном. Джучи назначил его баскаком Хорезма в то время, когда область была захвачена. Некоторые города он привел к повиновению добрым обращением, иные — силой оружия²⁷.

В рассказе Джувейни баскаки фигурируют как управляющие городами, а также в качестве должностных лиц при том или ином правителе. Сразу после взятия Бухары, в феврале 1220 г., к старейшинам города были при-

²² The History of the World-Conqueror. Vol. I. P. 205–206.

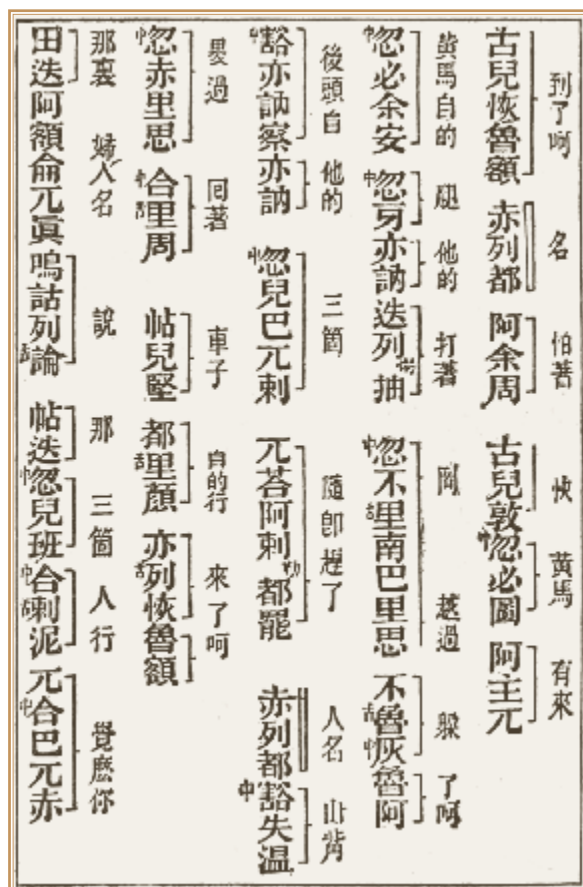
²³ The Secret History of the Mongols. Vol. II. P. 733, 853.

²⁴ Ibid. P. 989, 991, 959.

²⁵ Ibid. P. 959, 989.

²⁶ The History of the World-Conqueror. Vol. I. P. 107.

²⁷ The History of the World-Conqueror. Vol. II. P. 482–483.

Страница Сокровенного сказания монголов. В левых столбцах китайская транскрипция монгольского языка, в правых — перевод на китайский язык и глоссарий.
Издание 1908 г. Китай

ставлены баскаки: «к каждому из них он²⁸ назначил монгола или тюрка в качестве баскака для того, чтобы солдаты не досаждали им, и, хотя не подвергая их позору или унижению, они начали требовать деньги от этих людей»²⁹. Когда Мунке назначил Кутб-ад-Дина султаном Кермана, он отправил монгола сопровождать его в качестве баскака³⁰. При правителе земель Хорасана и Ирака Коргузе действовал эмир Аргун. Аргун «был назначен баскаком к нему и его нокером или сподвижником в управлении делами, так что Коргуз мог вершить дела, советуясь с ним и ничего не предпринимать без него»³¹. Впоследствии Аргун занял место Коргуза.

²⁸ То есть, Чингисхан.

²⁹ The History of the World-Conqueror. Vol. I. P. 105.

³⁰ The History of the World-Conqueror. Vol. II. P. 480.

³¹ Ibid. P. 506.

По свидетельству Джувейни, баскаки не всегда назначались ханом: Джучи назначил баскака Хорезма, во взятые города ставил баскаков командующий монгольской армией в Закавказье Чормаган, на время своего отъезда назначил баскака Аргун³².

Баскаки Средней Азии предстают как чиновники, назначенные в завоеванные города с целью восстановления мирной жизни. Мирные задачи баскаков подчеркиваются в повествовании о Рукн-ад-Дине. В случае его верности монголам Рукн-ад-Дину следовало предстать перед ханом и тогда «Тукел будет защищать страну в его отсутствие в качестве баскака»³³. Это последнее упоминание Джувейни о баскаках. Оно относится к событиям середины XIII в. О должности даруг как Джувейни, так и Рашид ад-Дин не говорят.

В рассказе о действиях монголов на территории Средней Азии до распада единой Монгольской империи китайские источники употребляют термин «даруга», персидские источники используют термин «баскак». Для монгольских наместников в городах покоренного государства Хорезмшахов предпочтителен именно этот термин. Джувейни был очевидцем монгольского завоевания. Он занимал видное положение в администрации монгольских правителей Средней Азии, совершил несколько путешествий в Каракорум. В силу своего служебного положения у него мог быть доступ к оригиналам монгольских документов. Эти обстоятельства определяют высокую достоверность сведений Джувейни в вопросе употребления административных терминов региона, к управлению которым он имел непосредственное отношение. Достоверность сведений Сокровенного сказания о назначении даругачи в Западном регионе вызывает сомнения. Они несут следы более позднего происхождения, когда детали событий уже забылись и перепутались. В тексте § 263 о завоевании среднеазиатских городов в первой четверти XIII в. сообщается о назначении Махмуда Ялавача администратором в Китай. Реально это назначение последовало позже — в 1241 г.³⁴ Неоднозначны сведения § 274, повествующего о походе 1236–1242 гг. Завершив рассказ о западном походе, Сокровенное сказание упоминает кампанию против Юго-Восточной Маньчжурии и Северной Кореи и направление ханом Угедеем Есудера Корчи на помощь Джалайртаю Корчи³⁵. Первые походы против Кореи датируются 1231 г., но Есудер Корчи прибыл туда в 1258 г.³⁶ Произошло это во время правления хана Менгу, но не

³² Ibid. P. 483, 508.

³³ Ibid. P. 714.

³⁴ The Secret History of the Mongols. Vol. 2. P. 964.

³⁵ The Secret History of the Mongols. Vol. 1. P. 206.

³⁶ The Secret History of the Mongols. Vol. 2. P. 1009–1011.

Чингисхан. Изображение XIV в. Китай

Угедя. Очевидно, перед нами более поздняя часть текста. Стоит отметить, что поход 1236–1242 гг. Сокровенное сказание не отличает от экспедиции Джебе и Субетая 1221–1223 гг. и дважды приводит сведения из § 274 там, где им не место — повествуя о более ранних событиях³⁷.

Похоже, составители китайских и монгольских источников были мало знакомы с административным устройством Западного края и называли монгольских представителей в завоеванном государстве Хорезмшахов привычным термином «даругачи». Нельзя сказать, что термин «баскак» был полностью незнаком китайским историкам, но его употребление чрезвычайно редко. Юань-ши в главе о даругачи Исмаиле говорит о его службе баскаком среднеазиатского города Касана, до того как город был захвачен монголами³⁸.

Сохранились немногочисленные сведения армянских источников о деятельности монгольского администратора Аргуна в Закавказье. Киракос Гандзакецци называет его «великим баскаком» или «великим правителем», а также просто правителем³⁹. Он был главным среди сборщиков податей, посланных Гуюком по восшествии на престол. Аргун «властвовал над все-

³⁷ The Secret History of the Mongols. Vol. 1. P. 194 (§ 262), p. 201–202 (§ 270); Vol. 2. P. 958–961, 989–992.

³⁸ Золотая Орда в источниках. Т. 3. С. 222.

³⁹ Патканов К.П. История монголов по армянским источникам. Вып. 1–2. СПб., 1873–1874. Вып. 2. С. 101; Киракос Гандзакецци. История Армении. / Пер. Л.А. Ханларян. М., 1976. (Памятники письменности Востока. Т. LIII). С. 234, 236, 237.

ми»⁴⁰. О нем говорит Стефан Орбелиан: «Собравшись вместе со своими единомышленниками в Тифлисе у Аргуна, баскака и визиря, которого великий хан назначил главным правителем нашей страны и начальником казенных податей и великого Дивана, того самого, который в 703–1254 г. произвел перепись во всех владениях (татар)...»⁴¹ В рассказе о переписи 1254 г. Киракос называет Аргуна востиканом, которого послали Мунке и Батый «провести перепись всех племен, находившихся под их властью»⁴². Востикан, очевидно, был связан со сбором податей. Повествуя о налоговом гнете завоевателей, Киракос говорит: «обобрав всех, повергнув страну в горе и бедствие, они оставили злобных востиканов в тех странах, чтобы они взыскивали то же самое ежегодно по тем же спискам и указам»⁴³. К.П. Патканов передает термин «востиканы» словом «сборщики»⁴⁴.

Аргун не только собирал подати, но также участвовал в политической борьбе в Армении. Он конфликтовал с ишханом Джалалом, в итоге добился его смерти, а земли его передал сыну Джалала Атабеку⁴⁵.

На территории Закавказья должность главного монгольского администратора обозначалась термином «баскак». Он считался правителем, отвечал за сбор податей и мог активно влиять на внутреннюю политику региона.

Первые представители монгольской власти на Руси также назывались баскаками. В 1245–1247 гг. по пути в Каракорум и обратно Южную Русь посетил посол папы римского Платон Карпини. Первых монгольских чиновников в завоеванных землях он называет «префектами» (*prefectos*) и «баскаками» (*bascakos*)⁴⁶. А.И. Малеин перевел термин «префект» как «наместник». «... в бытность нашу в Руссии был прислан сюда один Саррацин, как говорили, из партии Куйюк-кана и Бату, и этот наместник у всякого человека, имевшего трех сыновей, брал одного, как нам говорили впоследствии; вместе с тем он уводил всех мужчин, не имевших жен, и точно так же поступал с женщинами, не имевшими законных мужей, а равным образом выселял он и бедных, которые снискивали себе пропитание нищенством. Остальных же, согласно своему обычаю, пересчитал, приказывая, чтобы каждый, как малый, так и большой, даже однодневный младенец, или бедный, или богатый, платил такую дань, именно, чтобы он давал однушку»

⁴⁰ Киракос Гандзакец. История Армении. С. 193.

⁴¹ Патканов К.П. История монголов. Вып. 1. С. 41.

⁴² Киракос Гандзакец. История Армении. С. 221.

⁴³ Там же. С. 221.

⁴⁴ Патканов К.П. История монголов. Вып. 2. С. 79.

⁴⁵ Киракос Гандзакец. История Армении. С. 226, 234–235.

⁴⁶ Giovanni di Pian di Carpine. Storia dei Mongoli. Spoleto, 1989. P. 285, 287.

белого медведя, одного черного бобра, одного черного соболя, одну черную шкуру некоего животного, имеющего пристанище в той земле, название которого мы не умеем передать по-латыни, и по-немецки оно называется ильтис (*iltis*), поляки же и русские называют этого зверя дохорь (*dochori*), и одну черную лисью шкуру. И всякий, кто не даст этого, должен быть отведен к Татарам и обращен в их раба»⁴⁷. «Башафов (*Baschathos*), или наместников своих, они ставят в земле тех, кому позволяют вернуться; как вождям, так и другим подобает повиноваться их мановению, и если люди какого-нибудь города или земли не делают того, что они хотят, то эти башафы возражают им, что они неверны Татарам, и таким образом разрушают их город и землю, а людей, которые в ней находятся, убивают при помощи сильного отряда Татар, которые приходят без ведома жителей по приказу того правителя, которому повинуются упомянутая земля, и внезапно бросаются на них, как недавно случилось, еще в бытность нашу в земле Татар, с одним городом, который они сами поставили над Русскими в земле Команов»⁴⁸.

Плано Карпини первым мероприятием монгольской администрации на территории завоеванной Руси называет перепись. Она затронула далеко не все русские княжества. В Суздальской, Рязанской и Муромской землях перепись прошла в 1257 г., а два года спустя — в Новгороде. Первую, частичную, перепись на Руси провели ханские наместники — баскаки. Очевидно, это мероприятие затронуло только южные земли Руси. Первые сведения русских источников о деятельности баскаков также говорят о южных рубежах Руси. По рассказу Ипатьевской летописи за 1255 г., «приѣхаша Татарѣ ко Бакотѣ и приложися Милѣи к нимѣ, Данилови же пошедшу на воину на Литву, на Новѣгородокъ, бывшюу раскалью, посла сына си Лва на Бакоту, посла Левъ дворьского перед собою; изѣхавше яша Милѣя (и) баскака, и приведе Левъ Милѣя отцю си, и бысть паки Бакота королева отца его»⁴⁹.

В 1269 г. баскак Амраган присутствовал при сборе войск князем Ярославом Ярославичем: «Того же лѣта, на зиму, князь Ярославъ съ Новгородци сдумавъ, посла на Низовьскую землю Святъслава полков копить. И совкупи всѣхъ князи и полку бещисла и приде въ Новѣгородъ и бяше ту баскакъ великъ Володимерьскыи, именовъ Амраганъ и хотѣша ити къ Колываню»⁵⁰. Амраган назван «великим» баскаком, что свидетельствует о его высоком положении на Руси, а также дает указание на существование иерархии

⁴⁷ Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957. С. 55.

⁴⁸ Там же. С. 56.

⁴⁹ ПСРЛ. СПб., 1908. Т. 2. Стб. 828–829.

⁵⁰ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов (далее — НПЛ) / Под ред. и с предисл. А.Н. Насонова. М.; Л., 1950. С. 319.

баскаков. Очевидно, баскак, находившийся в столице Северо-Восточной Руси — Владимире, считался главным.

В 1289—1290 гг. развернулись кровавые события в Курском княжестве с участием баскака Ахмата⁵¹. Баскак Ахмат откупил право сбора дани и «тѣми даньми велику досаду творяше княземъ и чернымъ людемъ». Он организовал две слободы во владениях князя Рыльского и Воргольского Олега. Население этих слобод опустошило окрестности Рыльска и Воргола. Князь Олег «по думѣ и по слову» своего родственника Святослава, князя Липовичского, отправился к хану Телебуге с жалобой на действия Ахмата. Тот выделил Олегу своих приставов и приказал Ахматовы слободы разогнать. Олег и Святослав так и поступили, при этом часть людей пленив, а «свои люди выведе въ свою отчину». Ахмат в это время был у другого монгольского правителя — Ногай. Он вздумал оклеветать Олега, заявив, что «Олеги и Святослави не князи, но разбоиники, а тобѣ царю ратна еста». Ахмат посоветовал Ногаю отправить к Олегу сокольников ловить лебедей, а также передать Олегу приглашение приехать к хану. В случае отказа предполагалось, что князь замышляет что-то против Ногай и является врагом хана. Олег, считая себя правым, «не смѣ ѣхати къ Ногаю», а вот родственник его Святослав действительно напал ночью на одну из слобод. И «бысть о томъ распрѣ межи Олгомъ и Святославомъ». Сокольники тем временем вернулись к Ногаю и подтвердили слова Ахмата о враждебности Олега к хану. Ногай отдал приказ пленить князя, а княжение его «взяти все». Татарская рать подошла к Ворголу. Спасаясь, Олег убежал к Телебуге, а Святослав укрылся в Воронежских лесах. Половина татарской рати погналась за князьями, а другая половина разорила их земли. 13 бояр попало в плен. Погром продолжался 20 дней. Слободы Ахмата вновь наполнились людьми, скотом и другим добром разграбленных Воргольской, Рыльской и Липовичской земель. По возвращении татарской погони Ахмату были выданы пленные бояре. Бояр казнили, их тела повесили на деревья, отрубили им головы и правые руки. Привязав головы казненных к седлам, а руки сложив в сани, татары двинулись от Воргола к Турову, намереваясь послать головы и руки «по землямъ». Устрашающая акция не удалась, «ино нѣкуда послати зане вся волость изымана». Ахмат, так и не поймав ни одного князя, ушел «в Татары», а в слободах оставил двух своих братьев. Через некоторое время братья отправились из одной слободы в другую. Об этом узнал князь Святослав, подстерег на пути и напал на них. Братьям Ахмата удалось спастись. После Пасхи, в Фомину неделю, они двинулись к Курску, а в поне-

⁵¹ Кучкин В.А. Летописные рассказы о слободах баскака Ахмата // Средневековая Русь. 1996. Вып. 1. С. 5—57.

Князь Дмитрий Михайлович получает в Орде ярлык на великое княжение Владимирское.
Лицевой летописный свод. XVI в.

дельник «розбѣжася вся свобода та, такоже и другая». Через какое-то время от Телебуги вернулся князь Олег. Узнав о действиях Святослава, он обвинил Липовичского князя в разбое и нарушении их договора и предложил ему поехать «въ Орду отвеѣчай». Святослав не послушал; между русскими князьями произошел разрыв. По слову хана Олег убил Святослава, но и сам Олег с двумя своими сыновьями погиб от руки брата Святослава Александра⁵². Из рассказа следует, что баскак мог выступать откупщиком дани. Баскак Ахмат довольно вольготно вел себя на Руси. Он для собственной выгоды организовал поселения и сделал это явно не спрашивая разрешения местного князя.

В 1305 г. на территории Руси скончался баскак Кутлубуг⁵³. Резиденция баскака не обозначена в летописи, но на основании ее текста можно сделать вывод, что Кутлубуг скончался в Ростове. Статьи, предшествующие упоминанию о кончине баскака и следующие за ним, свидетельствуют о явном интересе летописца к ростовским событиям: назначение епископов в Ростов, присутствие татар в городе, непогода, крушение колоколов и разрушение ростовских церквей⁵⁴.

⁵² ПСРА. СПб., 1913. Т. 18. С. 79–81; ПСРА. Л., 1926–1928. Т. 1. Вып. 2. Стб. 474–475.

⁵³ ПСРА. Т. 1. Вып. 3. Стб. 528.

⁵⁴ Там же. Стб. 528.

В 1331 г. князь Федор Киевский в сопровождении баскака преследовал отряд новгородского архиепископа Василия Калики⁵⁵. «Поиха Василии владыка от митрополита; яко прииха под Черниговъ, и ту научением дияволимъ пригнася князь Федоръ Киевскыи со баскакомъ въ пятидесят человекъ розбоемъ, и новгородци остерегошася и стаща доспѣвъ противу себе, мало ся зло не учинило промежю ими; а князь восприимъ срамъ и отъиха, но от бога казни не убѣжа: помроша конѣ у его»⁵⁶. В 1330 г. Василий Калика был избран новгородским архиепископом, а в следующем году он поехал на поставление к митрополиту в Волынскую землю. С князем Федором его отряд столкнулся на обратном пути.

Баскаки упомянуты в адресате грамот русских митрополитов Феоноста и Алексея на Червленьый Яр⁵⁷ 1343–1352 и 1356 гг.⁵⁸, а также в адресате ярлыка хана Менгу-Гимура русскому духовенству 1267 г.⁵⁹

Последнее свидетельство русских источников о присутствии баскаков в русских землях — текст dokonчания великого князя Дмитрия Ивановича Донского с рязанским князем Олегом Ивановичем 1381 г.: «А что место кн(я)зя великог(о) Дмитрия Ивановича на Рязанской стороне, Тула, как было при ц(а)р(и)це при Тайдуле, и коли ее баскаци ведали, в то ся кн(я)зю великому Олгу не вступати, и кн(я)зю великому Дмитрию»⁶⁰. Русский город Тула назван владением Тайдулы. Городом управляли ставленники монгольской ханши — баскаки. По сообщению Рогожского летописца, Тайдула погибла в 1360 г.⁶¹, значит, баскаки находились в Туле, по крайней мере, до этого времени. О пребывании баскака в городе после 1360 г. сведений не сохранилось. В.А. Кучкин определил время «как было при ц(а)р(и)це при Тайдуле» началом 40-х — первой половиной 50-х гг. XIV в.⁶²

Деятельность баскаков на Руси была связана со сбором дани. Однако сами баскаки непосредственно сбором податей не занимались. Для этого существовали другие категории — таможенники, поплужники и прочие сборщики, перечисленные в адресате грамот ордынских ханов русским ми-

⁵⁵ НПЛ. С. 344; ПСРА. М., 2000. Т. 4. С. 263–265.

⁵⁶ НПЛ. С. 344.

⁵⁷ Червленьый Яр — район Среднего Подонья между реками Воронеж и Хопер. См. Шенников А.А. Червленьый Яр: исследование по истории и географии Среднего Подонья в XIV–XVI вв. Л., 1987. С. 10.

⁵⁸ АСЭИ. М., 1964. Т. 3. С. 341, 343.

⁵⁹ Памятники русского права (далее — ПРП). М., 1955. Вып. 3. С. 467–468.

⁶⁰ ДДГ. М., 1950. С. 29.

⁶¹ ПСРА. Пг., 1922. Т. 15. Вып. 1. Стб. 69.

⁶² Кучкин В.А. Договорные грамоты московских князей XIV в. Внешнеполитические договоры. М., 2003. С. 258.

Батый. Средневековый китайский рисунок

трополитам⁶³. Баскаки, по-видимому, были призваны обеспечить бесперебойные поставки дани. Источники свидетельствуют, что должность баскака была высокой — никаких посредников между ханом и баскаком не было. Баскаки имели дело непосредственно с князьями, являясь, по сути, чем-то вроде надзорного органа. Компетенция баскаков распространялась на целые области, а их резиденциями являлись крупные города — административные центры. Военная функция баскаков на Руси не прослеживается⁶⁴.

На южных землях Руси баскаки появились сразу после завоевания, как это было в городах Средней Азии. На северо-востоке Руси их деятельность фиксируется с конца 60-х гг. XIII в. до начала XIV в. Полномочия баскаков на Руси в целом совпадают с полномочиями баскаков в Армении и Средней Азии. Они — первые постоянные представители монгольской администрации в завоеванных городах. Деятельность баскаков была призвана обеспечить денежные выплаты в казну верховного правителя. Баскаки активно вмешивались во внутренние дела подвластной территории.

Деятельность баскаков на Руси и в Армении имела свою специфику. Армения и Русь не подверглись прямой оккупации, они сумели сохранить власть своих правителей. Если в городах Средней Азии баскаки были призваны наладить мирную жизнь после военных погромов, то на Руси и

⁶³ ПРП. Вып. 3. С. 465–471.

⁶⁴ Это убедительно показал В.В. Каргалов: *Каргалов В.В. Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. М., 1967. С. 155–160.*

в Армении этим занимались местные феодалы. На Руси и в Армении баскаки — контролирующий орган, их активность связана с их собственной инициативой. В Средней Азии власть Хорезмшахов была уничтожена. В этом регионе баскаки играли более заметную роль. Их деятельность была направлена прежде всего на восстановление мирной жизни региона. В Закавказье и на Руси, где действовали собственные князья, основная задача баскаков сводилась к сбору дани. Кроме того, баскаки могли быть связаны с проведением переписи.

На Руси фиксируется деятельность не только баскаков, но и дарут. Первые свидетельства русскоязычных источников о дарутах относятся к середине XIV в. Это адресаты ярлыков, выданных ордынскими правителями русским митрополитам. Ярлыки, выданные в качестве трех иммунитетных и одной проезжей грамоты русскому духовенству в 1351, 1354, 1357 и 1379 гг., перечисляют «дорог» среди других категорий должностных лиц монгольской администрации. Ярлык Тайдулы митрополиту Феогносту 1351 г.: «По Чанибекову ярлыку Таидулино слово татарьским улусным князем и волостным и городным и селным дорогам и таможником и побережником и мимохожим послом, или кто накакове дело придеть ко всем»⁶⁵. Ярлык Тайдулы митрополиту Алексею 1354 г.: «По Дченибекову ярлыку Таидулино слово к темным и к тысящным, князем, и сотником и десятником, и волостелем, и к городным дорогам, и князем, и к мимохожим послом, и ко многим людем и ко всем»⁶⁶. Ярлык Бердибека митрополиту Алексею 1357 г.: «Бердебеково слово татарьским улусным и ратным князем Муалбугиною мыслию волостным самим дорогам и князем, и писцем, и таможником, побережником и мимохожим послом и соколником, и пардусником, и бураложником, и заставщиком, и лодеищиком или кто на каково дело ни поидеть многим людем и ко всем»⁶⁷. И, наконец, ярлык Тюляка митрополиту Михаилу 1379 г.: «Тюляково слово Мамаевою дядиною мыслию, татарьским улусным и ратным князем, и волостным самым дорогам, и князем, писцем, таможником и пардусником и бураложником и заставщиком и лодеищиком или кто на каково дело, ни поидеть многим людем и ко всем»⁶⁸.

Адресат ярлыков перечисляет самые разнообразные категории должностных лиц, но ничего не говорит о их локализации. Хотя ярлыки упоминают дарут в качестве чиновников правителей Золотой Орды,

⁶⁵ ПРП. Вып. 3. С. 468.

⁶⁶ Там же. С. 470.

⁶⁷ Там же. С. 469.

⁶⁸ Там же. С. 465.

только на их основе нельзя отнести эту должность к территории Руси. Служащие ордынских правителей находились во всех частях Золотой Орды, им всем приписывалось не брать поборы с русского духовенства, о чем говорят завершающие слова адресата: «ко всем». О некоторой условности монгольских ярлыков свидетельствует их общий для всех регионов формуляр⁶⁹.

Достоверных свидетельств существования даруг на территории Руси во второй половине XIV в. нет. Тем не менее саму должность даруг на Руси уже знали. Ярлыки монгольских ханов русским митрополитам, в которых упомянуты даруги, датированы именно этим временем. Однако, как известно, оригинал ярлыков не сохранился. До нас дошел их перевод, выполненный в конце XIV — нач. XV в.⁷⁰ Значит, и начало бытования термина «дорога» на Руси следует отнести к этому времени. О деятельности даруг на территории Руси в период до конца XIV — нач. XV в. русские источники не говорят.

Сохранились сведения о существовании даруги, имевшего отношение к Руси еще во второй половине XIII в. Это свидетельство китайской летописи Юань-ши о том, что в 1257 г. Менгу «сделал Китая, сына зятя каана Лачина, даругачи по умиротворению и охране порядка у русских, в связи с чем пожаловал ему 300 коней и 5000 овец»⁷¹.

Как известно, в 1257 г. в рамках общеимперских мероприятий на покоренных землях в годы правления хана Менгу (1251–1259) прошла перепись на северо-востоке Руси: «Тое же зимы приехаша численици, исцетоша всю землю Сужальскую, и Рязаньскую, и Мюромьскую, и ставиша десятники, и сотники, и тысящники, и темники, и идоша в Ворду»⁷². На следующий год численники в сопровождении русских князей, Александра, Андрея и Бориса, отправились из Владимира в Новгород⁷³. Новгородская летопись

⁶⁹ См., например, ярлык ильхана Абаги 1267 или 1279 г.: *Mostaert A., Cleaves F.W.* Trois documents Mongols des Archives secretes Vaticanes // *HJAS*. 1952. № 15. P. 419–506; грамоты китайских правителей 1276–1321 гг.: *Понне Н.Н.* Квадратная письменность. М.; Л., 1941. С. 61, 65, 69, 73; ярлыки крымских правителей XV–XVI вв.: *Григорьев В.* [Ярцов Я.О.] Ярлыки Тохтамыша и Сеадет-Гирея // *ЗООИД*. Т. 1. Одесса, 1844. С. 340–346; *Березин И.* Тарханные ярлыки Тохтамыша, Тимур-Кутлука и Саадет-Гирея. Казань, 1851. С. 21; *Березин И.* Тарханные ярлыки крымских ханов // *ЗООИД*. Т. 8. Одесса, 1872. Прибавления. С. 1–9; ярлык казанского хана Сахиб-Гирея 1523 г.: *Вестник научного общества татароведения*. 1925. № 1–2. Январь–апрель. С. 29–37.

⁷⁰ ПРП. Вып. 3. С. 464.

⁷¹ Золотая Орда в источниках. Т. 3. С. 195 и на с. 208: «Китай, сына зятя каана Лачина, сделали даругачи, чтобы привести в повиновение и править [землями] русских и алан».

⁷² ПСРА. Т. 1. Стб. 474–475.

⁷³ Там же. Стб. 475.

называет численников послами и относит их появление к 1257 г.⁷⁴ Эти послы стали просить «десятины и тамгы». Новгородцы «не яшася по то», предпочтя откупиться дарами⁷⁵. По-видимому, численников это удовлетворило, и они вернулись во Владимир⁷⁶. В 1259 г. при активной поддержке Александра Невского монгольские представители, «оканнии сыроядци, внуци Агарины робы Авраамля, Берка и Касачикъ и с женами своими, и иных много», все-таки провели перепись в Новгороде. Под давлением великого князя новгородцы были вынуждены принять число, посетовав: «творяхут бо соб, бояр, легко, а меншимъ зло»⁷⁷. По сведениям русских источников ни баскаки, ни даруги не участвовали в переписи русского населения. Сбор ордынской дани на Руси обошелся без их участия, его осуществили «численники». Однако в далеком имперском центре, при дворе хана Менгу, вполне мог существовать чиновник, отвечающий за порядок на Руси, о котором русские летописи могли ничего не знать. С переписью устанавливался порядок сбора дани с покоренной территории. вполне естественно назначение административного лица, отвечающего за обеспечение интересов верховного правителя в конкретном регионе. Согласно китайским источникам (которые всех монгольских чиновников Запада называют даругачи), подобный чиновник, ответственный за Русь, назывался даругой. Он находился при дворе великого хана, не на территории Руси. С выходом же улуса Джучи из состава Монгольской империи чиновники на Русь назначались уже непосредственно Золотой Ордой.

Золотоордынские даруги, несомненно имевшие отношение к Руси, появляются достаточно поздно, в XV в. Известны московский даруга Минь-Булат и рязанский даруга Темир.

Минь-Булат фигурирует в летописных рассказах за 1432 г. Он сыграл активную роль в борьбе за власть между князьями Юрием Дмитриевичем и Василием Васильевичем: «князь Юрьи Дмитреевич на праздникъ рождества пречистыа богородици, бывъ на литургия у Пречистые на Сторожах, поиде за великим княземъ ко Орд, же. И яко же имъ пришедшимъ въ Орду и взят их к соб, въ улусъ дорога Московъскои Миньбулатъ. Князю же великому честь б, велика от него, а князю Юрью бесчестие, истома велика»⁷⁸. За князя Юрия вступился «князь великы Ординьскы Ширинъ Тегыня». Он силой забрал у Минь-Булата Юрия и пообещал ему великое княжение.

⁷⁴ НПА. С. 309.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ ПСРА. Т. 1. Стб. 475.

⁷⁷ НПА. С. 310–311.

⁷⁸ ПСРА. М.; Л., 1949. Т. 25. С. 249.

Чингисхан. Средневековый китайский рисунок

Они отправились зимовать в Крым, а в это время перед ордынскими чиновниками в ставке хана за великого князя хлопотал его боярин Иван Дмитриевич. Труды его увенчались успехом, и монгольские князья, а среди них и Минь-Булат, убедили хана решить вопрос в пользу Василия⁷⁹.

Деятельность рязанского даруги фиксируется в 70-е гг. XV в. В 1471 г. король Польши Казимир послал к Ахмату татарина Кирея Кривого, чтобы тот наветами склонил хана к военным действиям против московского великого князя совместно с Казимиром. «А князь Темиръ, дорога Рязанской, и прочии по короли же побараху на великаго князя подущающе царя, но не събытся мысль окаанныхъ, понеже бо съв, ету Божию челов, екъ споны учинити не можетъ»⁸⁰. Темир, названный Симеоновской летописью рязанским «дорогой», был высокопоставленным чиновником при дворе Ахмата. Он являлся беклярбеком (улу-беком), одним из высших сановников в администрации Золотой Орды. Несомненно, его авторитет в правительстве Ахмата был высок.

Сведения русских источников однозначно свидетельствуют о высоком положении даруг. В ханских ярлыках даруги всегда значатся в начале адресата, сразу после военных начальников. Следовательно, их деятельность входила в сферу гражданского администрирования. Тексты ярлыков указывают на некоторую причастность даруг к сбору податей с местного населения. Наверняка даруги, как и баскаки, сами дань не собирали. Как адми-

⁷⁹ ПСРА. Т. 25. С. 249.

⁸⁰ ПСРА. СПб., 1913. Т. 18. С. 224.

нистративные лица высокого ранга они следили за налогообложением подчиненных территорий. Летописные свидетельства явно указывают на то, что московский и рязанский «дороги» находились не на территории Руси, а в Орде, при дворе хана. Они занимали достаточно высокое положение. Как Темир, так и Минь-Булат названы князьями. «Дороги» играли активную политическую роль в борьбе русских князей за власть, хан прислушивался к их слову. У Минь-Булата в пределах кочевого государства была своя земля — «улус». Это свидетельствует о том, что «дороги» русских летописей не были рядовыми монгольскими чиновниками. Даруги могли быть связаны с выплатой дани, так как основной интерес монгольской власти на Руси представляла именно дань. Иное дело, что обеспечить регулярные выплаты ордынскому правительству становилось все труднее. Уже завещание Дмитрия Донского 1389 г. оговаривало возможность неуплаты выхода в случае, если «переменит Бог Орду». При Иване Васильевиче возможность неуплаты выхода связана уже не с «переменой» Орды, а с волей великого князя⁸¹. С 1472 г. Русь окончательно перестала платить дань Орде⁸².

Анализ должности даругачи в Китае до распада Монгольской империи и должности баскаков в Средней Азии, Закавказье и на Руси выявил значительное сходство этих институтов. Они — представители монгольской власти в завоеванных регионах. Их деятельность была направлена на обеспечение налоговых поступлений в казну хана. Сфера полномочий двух институтов распространялась на обширные области или конкретные города. Их назначение находилось в ведомстве высших должностных лиц. В отличие от даругачи Китая первых десятилетий монгольской власти (до провозглашения империи Юань) баскаки государства Хулагуидов и Золотой Орды военными полномочиями не обладали.

После распада единой Монгольской империи должность даругачи в империи Юань значительно изменилась. Даругачи империи Юань отвечали за должностную печать и были обязаны строго следить за ней. Им предписывалось посещать совещания чиновников всех уровней местной власти (но они нередко пренебрегали этим). В обязанности даругачи входило наблюдение за сельским хозяйством на подвластной территории. Также даругачи были призваны решать вопросы, связанные с рабами или скотом, оставшимся без хозяина. Кроме того, даругачи следили за отправкой лошадей через Китай для военных нужд, были связаны с организацией образования⁸³.

⁸¹ Горский А.А. Москва и Орда. М., 2003. С. 154.

⁸² Там же. С. 159.

⁸³ Endicott-West E. Mongolian rule in China. P. 46—63.

Возвращение князя Михаила Александровича Тверского из Орды с ярлыком на великое княжение. *Лицевой летописный свод*. XVI в.

Институт даругачи в Китае имеет длительную историю. В годы активных завоеваний даругачи назначались в только что завоеванные города и области Китая. Они отвечали за достаточно большие территории. Их деятельность была направлена на устроение мирной жизни в условиях военной разрухи — наведение порядка в регионе, подавление мятежей, поимка бандитов. Налицо некоторые военные полномочия должности, которые отразились в именовании иных даругачи — «военно-гражданский даругачи». С окончанием завоевательных войн на территории Китая, установлением порядка в городах должность даругачи переходит в сферу полностью гражданского управления. Хотя, по сообщению Юань-ши, в 1272 г. была впервые учреждена должность даругачи над батурами асов⁸⁴ (воинами из народа алан), их военные обязанности сомнительны. Даругачи был назначен скорее как административный начальник, чем как командир, имеющий отношение к военному делу.

Во времена империи Юань круг полномочий даругачи был широк. Даругачи как глава административной единицы принимал участие во всех аспектах ее функционирования. Уже во времена Чингисхана наблюдается некоторая градация должности — существовали «главные» даругачи.

⁸⁴ Золотая Орда в источниках. Т. 3. С. 215.

Возможность назначения даругачи не была прерогативой верховной власти. Существовали даругачи, назначенные командующим монгольскими войсками в Китае Мухали, а чуть позднее — ханскими родственниками. В 1236 г. Угедей выделил земли на территории Северного Китая родственникам хана и высокопоставленным чиновникам. Владельцы этих земель получили право назначать своего даругачи, против чего активно выступал советник великого хана Елюй Чу-цай⁸⁵.

Даругачи были представлены на всех уровнях региональной власти — округ или несколько округов, город, секретариат, префектура. Даже отдельное ведомство могло находиться под контролем даругачи — в 1260–1263 гг. Терэл, представитель найманского народа, был перемещен на должность даругачи конных и пеших ямов округа Пинъян[фу]⁸⁶. На местах должность даругачи считалась главной. По словам философа Чен Ю (1298–1358), позиции даругачи считались выше позиций префекта и его подчиненных⁸⁷. «Самым главным среди должностных лиц и их подчиненных» называет даругачи поэт Ян Вей-чен (1296–1370)⁸⁸.

Даругачи были мобильны — их часто переводили из региона в регион. Даругачи могли получать новое назначение в качестве вознаграждения. Так было с Ча-лой и Мен-гу Па-эром. Уже со времени правления Угедея должность даругачи часто наследовали сыновья, иногда внуки. Это было характерно не только для первых этапов монгольской власти, но для всего периода Юань⁸⁹. Даругачи могли совмещать несколько должностей, как Исмаил.

Не совсем ясно, насколько даругачи в Китае были вовлечены в сбор дани. Доступные главы китайской летописи Юань-ши не освещают этот аспект⁹⁰. Первый переводчик Сокровенного сказания архимандрит Палла-

⁸⁵ Золотая Орда в источниках. Т. 3. С. 173; Мункуев Н.Ц. Надгробная надпись на могиле Елюй Чу-цай — ценный источник по истории Монголии и Китая первой половины XIII в. // Мункуев Н.Ц. Китайский источник о первых монгольских ханах. Надгробная надпись на могиле Елюй Чу-цай. М., 1965. С. 47.

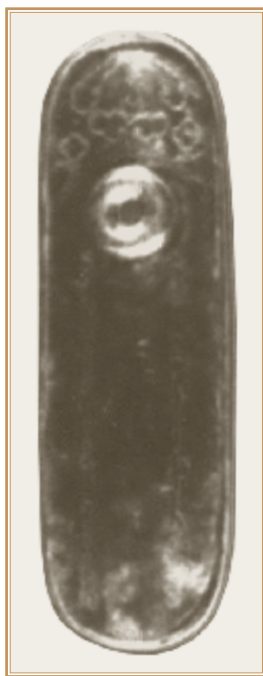
⁸⁶ Золотая Орда в источниках. Т. 3. С. 247.

⁸⁷ Endicott-West E. Mongolian rule in China. P. 53–54.

⁸⁸ Ibid. P. 54.

⁸⁹ Ibid. P. 34.

⁹⁰ Китайская летопись Юань-ши, официальная история династии Юань, не переведена на европейские языки. Существуют переводы отдельных частей Юань-ши и цитаты из летописи в исследованиях специалистов. Обширные выдержки Юань-ши по истории Китая содержит монография Э. Эндикотт-Уэст: Endicott-West E. Mongolian rule in China. Local administration in the Yuan Dynasty. Cambridge, Massachusetts, 1989. Наиболее обширный перевод Юань-ши на русский язык принадлежит Р.П. Храпачевскому. Он перевел 1–3 цзюани (главы) Юань-ши полностью, а также отдельные части цзюаней 5-153: Золотая Орда в источниках. Т. 3. М., 2009.

Пайцза. Знак власти ордынских правителей с надписью: «Выдана великим ханом от Вечного неба. Лишаются жизни люди, неверные монголам». XIV в.

дий перечисляет среди обязанностей даругачи сбор податей и доставление ко двору дани. В последнем случае он ссылается на даругачи в Аннаме как внешнем владении⁹¹. Э. Эндикот-Уэст склонна рассматривать это упоминание как относящееся к области более внешней политики, чем внутренней⁹². Она считает, что даругачи со времен Хубилая не были напрямую вовлечены в процесс сбора дани⁹³.

Даругачи в числе других административных лиц перечислены в адресатах ярлыков, выданных представителям духовенства в Китае в качестве иммунитетных грамот, освобождающих от выплаты налогов. Это документы 1276–1321 гг. Адресаты грамот говорят о военных командирах, войсковых людях, даругах городов и селений, нойонах, едущих и идущих посланцах⁹⁴. Им всем ставилось в известность, что держатель грамоты освобождался от податей. Очевидно, все эти должностные лица не занимались сбором налогов напрямую, однако могли пользоваться средствами региона: военные командиры — при подготовке похода, посланцы — требовать постои и т.д. Даругачи как контролирующий орган должны были следить за исполнением предписания. Некоторое отношение дару-

⁹¹ Старинное монгольское сказание о Чингисхане // Труды членов Российской Духовной миссии в Пекине. Т. IV. СПб., 1866. С. 255–256, прим. 646.

⁹² Endicott-West E. Mongolian rule in China. P. 145, n. 84.

⁹³ Ibid. P. 19.

⁹⁴ Понне Н.Н. Квадратная письменность. М.; Л., 1941. С. 61–73.

гачи к отчетности по финансовым делам в качестве начальника отметила Э. Эндикот-Уэст⁹⁵.

Баскаки западных земель предстают достаточно цельным институтом. Их обязанности на Руси, в Армении и в Средней Азии были в целом одинаковы, но имели свою региональную специфику. Даругачи Китая первых лет монгольской власти больше похожи на баскаков Запада, чем на даругачи империи Юань. Это их скорее можно назвать «баскаками», чем баскаков Запада «даругами». Даругачи Юань времен правления Хубилая и дальнейших правителей имеют мало общего с баскаками Руси, хотя они существовали в одно и то же время.

Должность даругачи Золотой Орды, напротив, несколько похожа на должность даругачи в империи Юань, но имеет мало общего с даругачи в Китае первых десятилетий монгольской власти. Как юаньские, так и золотоордынские даруги занимались гражданским управлением. Как представители верховной власти они могли иметь отношение к сбору налогов в качестве контролирующего органа. Даруги двух государств могли принадлежать администрации не только правителя, но также его родственников⁹⁶. Московский и рязанский даруги действовали в центре, при дворе золотоордынского хана. В этом их главное отличие от даруг империи Юань. Даруги Юань — представители местной власти. В отличие от «русских» даруг, они не сообщались с троном напрямую. Между тем Минь-Булат и Темир не просто занимали высокое положение в ставке золотоордынского хана, они имели дело непосредственно с правителем. Даругачи империи Юань — представители бюрократического аппарата. Московский и рязанский даруги — представители верхушки золотоордынского общества. Чиновниками, как в империи Юань, они не являлись.

На Руси баскаки и даруги — разные институты власти. Баскаки — гражданские управляющие, обеспечивавшие исправное поступление дани ко двору хана. Сами баскаки непосредственно сбором дани не занимались. Баскаки присутствовали на территории русских княжеств, их резиденцией являлись крупные города. Даруги находились при дворе хана. Они активно участвовали в политических столкновениях русских князей, но пределы Золотой Орды не покидали. Даруги, имевшие отноше-

⁹⁵ Endicott-West E. Mongolian rule in China. P. 56.

⁹⁶ Известно существование даруги ордынской ханши Тайдулы. Он фигурирует в документе 1359 г., опубликованном в издании: *Diplomatarium Veneto-Levantinum, sive Acta et Diplomata res Venetas, Graecas atque Levantis illustrantia*. Venetiis, 1899. Pars 2. A. 1351–1454. P. 53.

Путешествие властителя. У одного из его спутников на шее пайцза.
Миниатюра из Сборника летописей Рашид-ад-дина. XIV в.

ние к Руси, действовали в XV в. К этому времени на территории русских княжеств баскаки уже не функционировали. Общим между «русскими» баскаками и даругами было то, что те и другие являлись представителями хана, занимали высокое положение в администрации Золотой Орды и были связаны с обеспечением интересов завоевателей на покоренных землях. На Руси их обязанности сводились в основном к обеспечению регулярной выплаты дани.

Из всего сказанного можно заключить, что отождествление должностей баскаков и даруг как в одном каком-либо регионе, так и на всей подвластной монголам территории неправомерно. Вернее говорить об особенностях этих (разных) институтов в отдельных регионах и в конкретное время.

Образование великой Монгольской империи началось с завоевательных походов Чингисхана. В 1213 г. он начинает завоевание китайского государства Цзинь. В завоеванные города Китая были назначены даруги. Они отвечали за город или область. Их сфера — гражданское администрирование. Основная задача даруг — восстановление мирной жизни региона после военной разрухи. Это были региональные должностные лица, они находились на местах. Должность даруг была мобильна — их нередко переводили из одного города в другой. Иногда даруги могли совмещать несколько должностей, например, служить одновременно даругой и битикчи (секретарем). Внутри должности существовала некоторая

иерархия. Как управляющие, даруги были связаны и с финансами региона, но только в качестве контролирующего органа. Институт даругачи на территории бывшего государства Цзинь в первые десятилетия монгольской власти предстает как чрезвычайная должность, призванная решать задачи настоящего момента. Для этого у них были и некоторые военные полномочия. Даругачи Китая до правления Хубилая — полномочные представители хана.

Не закончив покорение Китая, Чингисхан направил свои войска на завоевание государства Хорезмшахов в Средней Азии. Монгольские управляющие этим регионом назвались баскаками. Они назначались в недавно завоеванные города и области для восстановления порядка на вверенной им территории. Военные полномочия баскаков не фиксируются. Баскаки действовали на местах, играли заметную политическую роль в своем регионе. В качестве высшей монгольской администрации на вверенной территории они отвечали за сбор дани, могли участвовать в организации переписи местного населения.

Территория Северного Китая и бывшего государства Хорезмшахов подверглась непосредственной оккупации. В этих регионах местная власть была уничтожена и заменена монгольскими представителями — баскаками.

В сороковые годы XIII в. под непосредственной властью завоевателей оказались южные земли Руси. Монгольскими представителями в этом регионе были баскаки. Так же была устроена система управления покоренным Закавказьем. И на территории Руси, и в Закавказье монгольская администрация провела перепись, которую осуществляли ханские наместники — баскаки. Баскаки действовали и на северо-востоке Руси. Здесь они появились в 60-е гг. XIII в.

Это время было кризисным для Монгольской империи. С кончиной в 1259 г. великого хана Менгу начинается борьба за трон между Хубилаем и Ариг-Бугой. Золотая Орда в этом конфликте поддержала каракорумского правителя Ариг-Бугу. В итоге Ариг-Буга был разбит. Верховным ханом в 1264 г. стал Хубилай. После окончательной победы Хубилая Золотая Орда вышла из состава Монгольской империи. Более того, правитель Золотой Орды Менгу-Тимур поддержал коалицию монгольских князей, которая в 1266 г. выступила против Хубилая⁹⁷. В итоге внутреннего кризиса Монгольская империя распалась на ряд независимых улусов — империю Юань, улус Джучи, государство Хулагуидов и Чагатайский улус.

⁹⁷ Мыськов Е.П. Политическая история Золотой Орды (1236–1313 гг.). Волгоград, 2003. С. 106.

Хубилай. Средневековый китайский рисунок

Возможно, появление баскаков на северо-востоке Руси было отчасти связано с изменением политической обстановки на Востоке. Получив фактически полную независимость от великого хана, правители Золотой Орды стремились укрепить свою власть на Руси и поставить там своих должностных лиц. Тем более что Золотая Орда в это время вела войну с государством Хулагуидов за спорные территории Закавказья. Стоит отметить, что общий курс налоговой политики монголов по отношению к Руси не изменился — сохранились система откупов, налоговые льготы русского духовенства. На северо-востоке Руси баскаки перепись не проводили. Их обязанностью являлось обеспечение своевременных выплат в пользу хана.

С воцарением Хубилая и окончанием войн на территории современного Китая изменилось положение китайских даругачи. Из чрезвычайной должности даругачи превратились в постоянный институт местной власти, полностью интегрированный в бюрократический аппарат империи Юань. Полномочия даругачи перестали определять обстоятельства военного времени. Сформировался и письменно оформился определенный круг обязанностей даругачи. Закрепился принцип наследования должности. Даругачи перестают быть представителями правителя и занимаются тем, что регулируют деятельность чиновников. Институт даругачи в Китае функционировал вплоть до падения империи Юань в 1368 г. В это время на южных окраинах Руси продолжали действовать баскаки, но на территории северо-восточных княжеств их уже не было.

Даруги Золотой Орды известны с середины XIV в. В это время даруги могли получить назначение в конкретные города, подчиненные хану. Так, в

1377 г. русские войска посадили даругу в г. Булгар⁹⁸. Даруги, связанные с Русью, функционировали в XV в.⁹⁹ Похоже, что они обеспечивали общий контроль над подвластной территорией и могли иметь отношение к сбору дани. С ходом времени возможности монгольских властей, а следовательно, их даруг ослабевали. В XV в. даруги находились на территории самой Золотой Орды¹⁰⁰.

⁹⁸ ПСРА. Т. 18. С. 118; Т. 15. Вып. 1. Пг., 1922. Стб. 116–117.

⁹⁹ Возможно, даруги, имевшие отношение к Руси, существовали и до распада Монгольской империи. Тогда это были даруги верховного правителя — великого хана. Они находились в имперском центре и не появлялись на территории Руси. Русские источники, малоосведомленные о положении дел в метрополии, их деятельность не фиксируют.

¹⁰⁰ Даруги известны и в более позднее время: в Крыму после распада Золотой Орды они функционировали в качестве должностных лиц местной династии Гиреев.

Ключевые слова:

Даруги, баскаки, монгольское управление, институты монгольской власти, Русь, Золотая Орда, Монгольская империя.

Svetlana A. Maslova

THE MONGOL ADMINISTRATION OF THE CONQUERED LANDS: DARUGAS AND BASQAQS

Studying the Mongolian state administration institutes, darugas and basqaqs, allowed the author to gain a better understanding of how these positions varied from region to region within the Mongol Empire. Despite some similarities, darugas and basqaqs were different state institutions. The authority of basqaqs in Rus' was generally the same as in the trans-Caucasus region and in the Middle Asia. The function of basqaqs in Rus' lands was very similar to the function of darugas in China prior to the collapse of the Mongol Empire, but at the same time completely different from the function of darugas in the Yuan Empire. There are similarities between the institution of darugas in the Golden Horde and in the Yuan Empire but there is not much in common between the darugas of the Golden Horde and those of China in the early decades of the Mongol rule. Thus it would be incorrect to equate basqaqs and darugas either in any separate region or in the entire territory ruled by the Mongols. Instead, we should only consider the specifics of these institutions for a particular region and period of time.

 Маслова Светлана Алексеевна

аспирант исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

А.В. Лаушкин

«ВИДЯ БЪДУ СТРАШЬНУ И ГРОЗНУ»: ЕЩЕ РАЗ О ДНЯХ ОТЪЕЗДА РУССКИХ КНЯЗЕЙ В ОРДУ

а протяжении двух столетий — с середины XIII по середину XV в. — поездки в Орду к ханскому двору были для русских князей унылой политической необходимостью. И для них самих, и для их окружения каждый такой визит становился серьезным испытанием. В степях князя подстерегали разнообразные затруднения, унижения и опасности, а исход путешествия был непредсказуем. Одни возвращались на Русь на коне и с пожалованием, другие — в деревянной колоде. Столь тяжелая миссия требовала серьезной подготовки, в том числе и духовной. Неудивительно, что отъезд в Орду едва ли не с самого начала стал приобретать характер церковной церемонии и назначался с оглядкой на церковный календарь.

Приуроченность княжеских отъездов в Орду к значимым для Рюриковичей церковным праздникам первым отметил Н.С. Борисов — при изучении пронизанной символизмом календарной практики московского двора XIV–XV вв. Он указал на то, что Симеон Гордый дважды, в 1340 и 1342 гг., отправился к хану 2 мая на память святых Бориса и Глеба — небесных покровителей русских князей¹, Дмитрий Иванович в 1371 г. выехал из Москвы

¹ Борисов Н.С. К изучению датированных летописных известий XIV–XV веков // История СССР. 1983. № 4. С. 130.

(по предположению ученого) в день святого Феодора Стратилата (8 июня), тем самым отдавая «себя под покровительство святого воина»², а князья-соперники Василий II и Юрий Звенигородский в 1431 г. пустились в путь соответственно на Успение и на Рождество Богородицы, следуя «давней семейной традиции», уповая «на помощь Богородицы» и веря «ей свою судьбу»³. Борисов подчеркнул, что выбор Василия II пришелся на престольный праздник Москвы, а Юрий, известный своим почтительным отношением к отцу, мог через обращение к празднику Рождества Богородицы лишний раз упомянуть родителя, одержавшего в этот день победу на Куликовом поле⁴.

Ю.В. Селезнев постарался выявить и прокомментировать все датированные с точностью до дня случаи княжеских отъездов в Орду. Таких случаев оказалось немного — всего девять. Кроме указанных Н.С. Борисовым это отъезды Даниила Галицкого в 1245 г., Ивана Тверского в 1407 и 1412 гг. и Василия I в 1412 г.⁵

В ряде эпизодов Ю.В. Селезнев склонен предполагать не столько изначальный выбор знаменательного дня, сколько его символическое осмысление задним числом. Так, в отъезде Даниила Галицкого на память святого Димитрия Солунского он увидел возможную переключку — в глазах летописцев — «судьбы Димитрия Солунского» «с поездкой князя Даниила ко двору Батия». Подобно тому как святой был назначен «наместником в город Солунь, чтобы... очистить город и всю Фессалонику от христиан», но вместо этого «начал распространять христианство и искоренять язычество», Даниил взял «на себя обязательство править... от имени языческого хана, однако сохранил православное благочестие и мог быть казнен за свою твердость, как Михаил Черниговский в Орде и Дмитрий Солунский в Риме [так в тексте. — А.Л.]»⁶. Не ясно, откуда исследователь взял подробность об обязанности святого Димитрия Солунского истреблять христиан, однако если бы она и присутствовала в житии великомученика⁷, ничего подобного от Даниила монголы не требовали. Не понятно, в чем проявилась и его «твердость», за

² Борисов Н.С. Дмитрий Донской. М., 2014. С. 187. Предположение о выезде Дмитрия из Москвы на Федоров день основано на расчете примерного времени пути до р. Оки, которую князь переехал 15 июня. (В процитированной выше работе 1983 г. Борисов вслед за Никоновской летописью связывал отправление князя в Орду с берега Оки с 15 июля — памятью святого князя Владимира.)

³ Борисов Н.С. К изучению... С. 130.

⁴ Борисов Н.С. Иван III. М., 2000. С. 27–28.

⁵ Селезнев Ю.В. Русские князья в составе правящей элиты Джучиева улуса в XIII–XV веках. Воронеж, 2013. С. 257–262.

⁶ Там же. С. 257–258.

⁷ См.: Библиотека литературы древней Руси (далее — БЛДР). СПб., 1999. Т. 2. С. 176–188.

которую он «мог быть казнен» — князь послушно выпил кумыс из рук хана⁸, нарушив тем самым канонические предписания Церкви в сфере пищевых запретов⁹, и вообще во время своего визита к Батыю ни в чем не противоречил «царю». Неубедительной представляется и попытка Селезнева связать внесение в летопись точной даты торжественных проводов Дмитрия Ивановича с берега Оки в 1371 г. — 15 июня, память пророка Амоса — с Куликовской битвой 1380 г., которая «создала в общественной мысли ожидание избавления от “ордынского плена”» и, по мнению исследователя, как бы актуализировала дату отъезда князя, поскольку она была связана с именем ветхозаветного пророка, говорившего о будущем пленении и избавлении своего народа¹⁰. Мысль об «ордынском плене» Руси как провиденциальном повторении «вавилонского плена» иудеев была, конечно, хорошо известна в русской книжности XIV в.¹¹, а победа над Мамаем сыграла важную роль в переосмыслении власти Орды над Русью. Однако трудно представить, что эта победа вызвала и такую замысловатую реакцию, как припоминание и включение в летопись дня, в который московский князь — недавний победитель Мамая — десятилетие назад отправился на поклон побежденному, «чтобы княжения не отъняли»¹². Если и предполагать, что современники улавливали какую-то символическую связь между обетованиями Божьими, данными через Амоса, и миссией Дмитрия 1371 г. (к сожалению, никаких свидетельств в пользу этого источники не сохранили), то, думается, логичнее связать это с выбором дня отправления посольства уже в том самом 1371 г. (Впрочем, и тут было бы хорошо начать с размышления о том, насколько Книга пророка Амоса была известна в среде московских книжников второй половины XIV в.) Еще один случай, когда «смысловое наделение числа отбытия князя в степь произошло после события», Селезнев видит в отправлении Ивана Тверского 20 июля 1407 г., т.е. на Ильин день. Этому предположению сопутствует такой комментарий: «вернувшись из ставки хана победителем [в спо-

⁸ ПСРА. М., 1962. Т. 2. Стб. 807.

⁹ См.: Лаушкин А.В. Регулирование контактов христиан с нехристианами в Древней Руси (XI—XIII вв.) // Сборник Русского исторического общества. М., 2003. Т. 7 (155). С. 39—41.

¹⁰ Селезнев Ю.В. Указ. соч. С. 258—260.

¹¹ Об идеологии «ордынского плена» см.: Борисов Н.С. Политика московских князей. Конек XIII — первая половина XIV в. М., 1999. С. 30—43; Лаушкин А.В. 1) К истории возникновения ранних проложных Сказаний о Михаиле Черниговском // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1999. № 6. С. 18—25; 2) Идеология ордынского плена и летописные известия о Неврюевой рати // История и культура Ростовской земли. 2000. Ростов, 2001; 3) Митрополит Кирилл II и осмысление ордынского ига во второй половине XIII века // Богословский сборник. М., 2002. Вып. 10. С. 211—224.

¹² ПСРА. М., 2000. Т. 15. Стб. 96 (первой паг.).

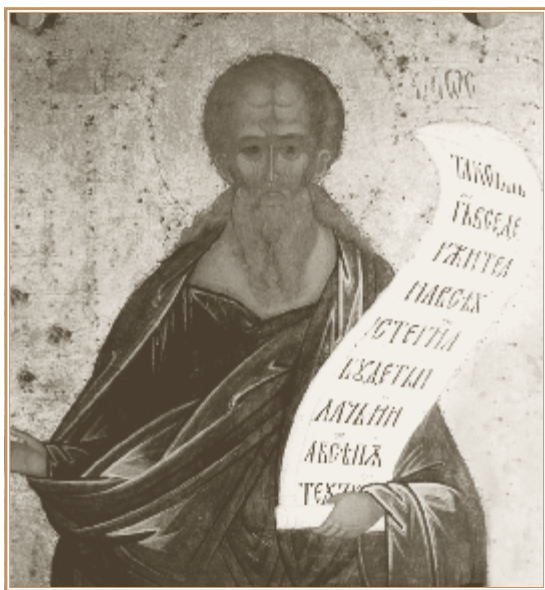
Святой Димитрий Солунский.
Фрагмент мозаики Михайловского Златоверхого монастыря в Киеве. XII в.

ре с Юрием Холмским. — А.Л.], Иван Михайлович мог рассматриваться как человек, получивший божественную поддержку, которая выразилась в его отъезде в Орду в Ильин день — день щедро наделяющего (Иван Тверской) и справедливо карающего (Юрий Холмский) пророка¹³. Другими словами, если мы правильно понимаем мысль автора, «божественная поддержка» в данном случае проявилась в том, что по воле Божией случайно выбранный князем день оказался днем Илии-пророка...

Комментируя двукратный отъезд в Орду Симеона Гордого на память святых Бориса и Глеба 2 мая в 1340 и 1342 гг., Селезнев, напротив, пишет о том, что дни эти были избраны специально, но видит в этом выборе, как и в предыдущих случаях, прежде всего некий символический «текст». По мнению исследователя, поскольку «смирный подвиг князей Бориса и Глеба», «предпочтение смерти неповиновению старшему, был осмыслен Русской Православной церковью как проявление высшей [? — А.Л.] святости», то «выбор дня отъезда князя Симеона в степь демонстрирует в таком случае смирение московского князя перед ордынской властью и готовность принять от нее смерть, рассматриваемую как следование пути Христа»¹⁴. Даже если согласиться с предложенной интерпретацией подвига святых братьев в представлениях людей XIV в. (а она, думается, страдает сильным упроще-

¹³ Селезнев Ю.В. Указ. соч. С. 260—261.

¹⁴ Там же. С. 258.

Пророк Амос. Фрагмент иконы XV в.

нием¹⁵), то остается неясным, каким образом в данном эпизоде эта интерпретация соотносится с устойчивым на Руси взглядом на свв. Бориса и Глеба и как на небесных помощников против внешних врагов¹⁶, защищающих «отчину свою, Русьскую землю, отъ супостатныхъ погань»¹⁷. Звучит этот мотив и в службе на тот самый праздник 2 мая: «Вражии ищезають полкы, и поганьская тѣлеса постилана бывають подѣ нозѣ князь нашихъ, призывающихъ имена святаа ваю, Христова мученика»¹⁸.

В оставшихся случаях — речь идет об отъезде Василия I в 1412 г. 1 августа на память Спаса Всемилоственного и Пресвятой Богородицы, Ивана

¹⁵ О мотивах церковного прославления и характере почитания святых Бориса и Глеба на Руси из работ последнего времени см., напр.: *Топоров В.Н.* Святость и святые в русской духовной культуре. М., 1995. Т. 1. С. 490—508; *Ранчин А.М.* Вертоград Златословный: Древнерусская книжность в интерпретациях, разборах и комментариях. М., 2007. С. 69—74, 98—127; *Успенский Б.А.* Борис и Глеб: восприятие истории в Древней Руси. М., 2000; *Петрухин В.Я.* Древняя Русь. Народ. Князья. Религия // Из истории русской культуры. М., 2000. Т.1 (Древняя Русь). С. 175—179, 255—257; *Лаушкин А.В.* Святой первомученик Стефан и первые русские святые // История и культура Ростовской земли. 2002. Ростов, 2003. С.21—26; *Парамонова М.Ю.* Святые правители Латинской Европы и Древней Руси: сравнительно-исторический анализ вацлавского и борисоглебского культов. М., 2003. С. 217—370; [*Милютенко Н.И.*] Святые князья-мученики Борис и Глеб. СПб., 2006; и др.

¹⁶ *Федотов Г.П.* Святые Древней Руси. М., 1990. С. 51; *Назаренко А.В., Флоря Б.Н.* [Борис и Глеб:] Почитание [Бориса] и [Глеба] в России // Православная энциклопедия. М., 2003. Т. 6. С. 52—53.

¹⁷ *Абрамович Д.И.* Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им. Пг., 1916. С. 118 (см. также с. 49, 72 и др.).

¹⁸ Там же. С. 171.

Пророк Илия. Икона. Рубеж XIII—XIV вв.

Тверского в 1412 г. и Василия II в 1431 г. на Успение и Юрия Звенигородского в 1432 г. на Рождество Богородицы — Ю.В. Селезнев, как и Н.С. Борисов, предполагает, что такие дни были избраны специально — в надежде на помощь Христа и Богородицы¹⁹.

Обратимся еще раз к перечисленным датам, учитывая и дни недели, на которые приходились отъезды князей в степь.

Даниил Галицкий, полный тяжелых предчувствий («видя бѣду страшну и грозну»), отправился в свое путешествие к хану в 1245 г.²⁰ «на праздник святого Дмитръя»²¹, т.е. 26 октября, в четверг. Великомученик Димитрий Солунский — один из наиболее почитаемых святых на Руси, воспринимавшийся в том числе и «как воплощение идеального воина», что, по-видимому, не в последней степени способствовало его популярности в княжеской среде²². У Даниила Романовича был и личный мотив для почтительного отношения к этому святому, от которого однажды он уже получил чудесную помощь. Случилось это в 1219 г., когда молодой князь не выдержал натиска венгров и поляков и вынужден был оставить Галич. Отступление

¹⁹ Селезнев Ю.В. Указ. соч. С. 261.

²⁰ Грушевський М. С. Хронологія подій Галицько-волинської літописи // Записки Наукового товариства імені Шевченка. Львів, 1901. Т. 41. С. 33, 67.

²¹ ПСРА. Т. 2. Стб. 806.

²² Турилов А.А. [Димитрий Солунский:] Почитание у южных славян и на Руси // Православная энциклопедия. М., 2007. Т. 15. С. 170—174; Преображенский А.С. [Димитрий Солунский:] Иконография // Там же. С. 187—189.

было трудным, в войске начался «глад велик». Однако «на кануон²³ святаго Дмитръя» Даниилу удалось захватить возы с продовольствием и вдоволь накормить людей. По словам летописца, это было воспринято участниками похода как заступничество солунского чудотворца — «и похвалиша Бога и святаго Дмитръя, яко накорми я»²⁴. (Позже, основав город Холм, Даниил построит там каменный «волтарь пресвятаго Дмитрея», т.е. посвященный ему храм, и украсит его «красным» образом мученика, принесенным «издалеча»²⁵.) Именно на этот — без сомнения значимый для себя — день Даниил и назначил отъезд в степи в 1245 г., перед дорогой «помолився Богу», т.е., скорее всего, приняв участие в праздничном богослужении, на котором возносились славословия святому. На то, что он мог молиться в храме непосредственно перед самым отправлением в дорогу, свидетельствует продолжение летописного рассказа. После приезда в Киев князь отправился в Михайловский Выдубицкий монастырь, родовую обитель Мономашичей, где вместе с братией вновь молился о благополучном исходе своей поездки («да от Бога милость получить»), поклонился образу архангела Михаила и затем, выйдя из монастыря, сел в ладью²⁶ и продолжил свой путь в ставку Батыя²⁷.

Симеон Гордый в 1340 и 1342 гг. поехал в Орду в один и тот же день, что само по себе уже вызывает интерес и предполагает осмысленный подход к выбору даты. Происходило это «мѣсяца мая въ 2 день на память святую мученику Бориса и Глѣба»²⁸, соответственно — во вторник и четверг. Борис и Глеб — самые почитаемые русские святые изучаемого времени, особое прилежание к памяти которых проявляли князья, их «сродники»²⁹. Пока-

²³ О тесной богослужебной и символической связи кануна с праздником следующего дня см., напр.: Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Время жить и время умирать: Текстология древнейших русских летописей или княжеская семейная традиция? // Факты и знаки. М., 2008. Вып. 1. С. 117.

²⁴ ПСРА. Т. 2. Стб. 734—735.

²⁵ ПСРА. Т. 2. Стб. 845. В понимании летописного текста касательно украшения церкви («стоять же ти предъ бочными двѣрми красенъ, принесенъ издалеча») следуем за О.П. Лихачевой (БДР. СПб., 1997. Т. 5. С. 284—285).

²⁶ Точно такой эпизод видим при отъезде в Орду Александра Михайловича Тверского в 1339 г. После церковной службы, на которой собравшиеся молились «за князя и за другы его», Александр «поиде въ насадъ» и сразу же — вопреки сильному встречному ветру на реке — отправился в свое последнее путешествие к хану (ПСРА. Т.15. Стб. 49).

²⁷ Летопись не уточняет дату посещения Даниилом Михайловского монастыря, но нельзя исключить, что произошло это на престольный праздник обители — Михайлов день, который отмечается 8 ноября — всего через две недели после праздника святого Димитрия Солунского.

²⁸ ПСРА. Т. 15. Стб. 53—54 (первой пар.); СПб., 1913. Т. 18. С. 93—94.

²⁹ Назаренко А.В., Флоря Б.Н. Указ. соч. С. 52—53; Лосева О.В. Русские месящесловы XI—XIV вв. М., 2001. С. 92—95, 105—106.

Спас Вседержитель. Икона. XV в.

зательно, что на дни памяти святых братьев и кануны этих дней русские князья не раз назначали важные политические и семейные дела³⁰, включая начало военных походов (о чем подробнее скажем ниже). Что касается Симеона Гордого, то напрашивается предположение, что к повторному выбору того же дня князя мог подтолкнуть успех его первой миссии, из которой он вернулся с ярыком на великое княжение.

Проводы Дмитрия Ивановича к Мамаю в 1371 г. произошли на берегу Оки. До переправы Дмитрия сопровождал митрополит Алексий, который именно отсюда, благословив князя и «молитву сътворивъ», «отпусти его съ миромъ». Произошло это «мѣсяца иуны въ 15 день на память святаго пророка Амоса»³¹. На общем фоне выбор дня может показаться случайным — празднование пророку Амосу явно не принадлежало к столь же крупным церковным торжествам, к каким были приурочены остальные известные нам отъезды князей в Орду. Впрочем, в родовой памяти потомков Всеволода Большое Гнездо этот день мог сохраняться как отмеченный особой милостью Божией. 15 июня 1175 г. Михаил и Всеволод Юрьевичи одержали важнейшую (и вос-

³⁰ К примеру, Ипатьевская летопись сообщает, что Мстислав Великий сел на княжение в Киеве 20 мая, т.е. в день перенесения мощей святых Бориса и Глеба (под 6634 г.), а Изяслав Давыдович — 19 мая, на канун того же дня (под 6666 г.) (ПСРА. Т. 2. Стб. 289, 490; о празднике 20 мая см.: Лосева О.В. Указ. соч. С. 105—106); под 6668 г. летопись рассказывает о встрече Ростислава Мстиславича и Святослава Ольговича, проходившей 1—2 мая; под 6682 г. — о праздновании Игорем Святославичем победы над половцами в день святых Бориса и Глеба (24 июля), под 6695 г. — о некоем эпизоде свадебной церемонии в семье Всеволода Большое Гнездо, который «отда... дщерь свою» на «Боришь день» (24 июля) (стб. 504, 569, 658).

³¹ ПСРА. Т. 15. Стб. 96 (первой пар.); Т. 18. С. 110.

Московский Кремль при Дмитрии Донском. А.М. Васнецов. 1922 г.

принятую летописцем как чудо) победу над войском своих противников-Ростиславичей, что привело к окончательному утверждению власти Юрьевичей над Владимиром, а затем и над всей Суздальской землей³², и в тот же день — 15 июня 1220 г. — сын Всеволода Святослав взял приступом болгарский город Ошел³³. Однако представляется не менее важным то, что в 1371 г. память пророка Амоса пришлась на воскресенье — главный день недельного круга богослужений, овеянный пасхальными воспоминаниями и собирающий в храмах, подобно важнейшим годовым праздникам, большинство христиан.

Иван Тверской в 1407 г. тронулся в путь, напротив, в постную среду, на которую пришлось «июля 20»³⁴ — память святого пророка Илии. В отличие от Амоса Илия был хорошо известен на Руси с раннего времени и являлся, видимо, самым почитаемым святым ветхозаветной поры. Именно ему, согласно летописи, был посвящен один из первых христианских храмов на Руси, упомянутый в рассказе о ратификации в Киеве договора с греками 944 г.³⁵ После крещения страны Ильинские церкви появились во многих русских городах, причем «частотность посвящения храмов И[лии] уступает только частотности посвящения храмов Богородичным и Господским праздникам, свт. Николаю Чудотворцу и вмч. Георгию Победоносцу»³⁶.

³² ПСРА. М., 1962. Т. 1. Стб. 376–377; Т. 2. Стб. 601–602.

³³ ПСРА. Т. 1. Стб. 444–445.

³⁴ ПСРА. Т. 18. С. 154. (Ср.: ПСРА. Т. 15. Стб. 473 (второй паг.))

³⁵ ПСРА. Т. 1. Стб. 54; Иванов С.А. Когда в Киеве появился первый христианский храм? // Славяне и их соседи: Славянский мир между Римом и Константинополем. М., 2004. Вып. 11. С. 9–15.

³⁶ Турилов А.А., Артюхова Т.А., Лосева О.В., Моисеева С.А. [Илия:] Почитание Илии у южных славян и на Руси // Православная энциклопедия. М., 2009. Т. 22. С. 244.

Выдубицкий монастырь под Киевом. Гравюра 1861 г.

Василий I назначил свой отъезд в Орду в 1412 г. на 1 августа³⁷ — первый день Успенского поста, понедельник. В этот день большинство месяцесловов интересующего нас времени предписывали творить память Семи мученикам Маккавеем, их матери Соломонии и учителю Елеазару, реже упоминались праздники Спаса Всемилоственного и Пресвятой Богородицы и Происхождения честных древ Животворящего Креста Господня³⁸. Как известно, праздник Спасу и Пресвятой Богородице был установлен еще Андреем Боголюбским в XII в., однако, судя по всему, долгое время широкого распространения не имел. Однако с середины XIV в. он «начинает спорадически упоминаться в месяцесловах московского происхождения»³⁹. Празднование Кресту 1 августа было изначально византийским и стало утверждаться на Руси только после введения Иерусалимского устава (т.е. примерно в то же самое время, что и праздник Спаса и Пресвятой Богородицы); его проникновение в богослужебные сборники и месяцесловы фиксируется с рубежа XIV—XV вв.⁴⁰ У нас нет данных, чтобы говорить о каком-либо особом отношении Василия I к памяти ветхозаветных Маккавеев⁴¹. Скорее следует предположить, что московского князя при выборе даты отъезда могли привлечь новые праздники, входящие в церковный обиход, — Спаса

³⁷ ПСРА. Т. 15. Стб. 486 (второй паг.).

³⁸ Лосева О.В. Указ. соч. С. 397—398.

³⁹ Там же. С. 109.

⁴⁰ *Сергий (Спасский)*, архиеп. Полный месяцеслов Востока. Владимир, 1901. Т. 3. С. 296.; К этому же времени относятся русские месяцесловы, в которых появляется этот праздник (см.: Лосева О.В. Указ. соч. С. 398).

⁴¹ О равнодушии к этой памяти некоторых русских князей-Ольговичей XII в. см.: Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Указ. соч. С. 109—120.

и Его Матери с очевидными военными коннотациями этой церковной памяти (учрежденной в честь победы над булгарами в 1164 г.) и/или Креста Господня с традиционным отношением к орудию Христовой победы как спасительному средству во всяких духовных и житейских обстоятельствах. В любом случае, выбранный день оказывался значим в церковном отношении и к тому же, начиная собой Богородичный Успенский пост, как бы предварял главное московское торжество, посвященное Пресвятой Деве.

Следом за Василием I — как раз «на память Успения святых Богородица», пришедшегося в 1412 г. на понедельник — «поиде въ Орду» и Иван Тверской⁴².

Василий II и Юрий Звенигородский, отправляясь к хану с тяжбой о великом княжении в 1431 г., также выбрали для отъезда двенадцатые праздники в честь Богородицы — «праздник... Пречистых Оупения» (15 августа, среду) и «праздник Рожества Пречистых...» (8 сентября, субботу)⁴³. В таком выборе улавливается некая симметрия, выразившаяся не только в тематической схожести и соразмерности двух празднеств. Если Успение — это престольный праздник Москвы, то Рождество Богородицы — основанного по инициативе Юрия под Звенигородом монастыря «на Сторожах»⁴⁴. Юрий, уезжая в Орду в день Куликовской битвы, хотел, как думает Н.С. Борисов, таким образом еще и помянуть отца. Аналогичные намерения можно заподозрить у Василия II: именно на Успение, 15 августа 1389 г., его отец Василий I был посажен на великое княжение «царевымъ посломъ Шихматомъ»⁴⁵. Если такой исторический подтекст осознавался участниками событий, то он словно бы предвосхищал позиции тяжущихся сторон на ханском суде, где Юрий настаивал на исполнении завещания своего отца Дмитрия Донского, а Василий II уповал на «жалование волняго царя» — хана Улу-Мухаммеда⁴⁶. Назначив отъезд на крупные праздники, и племянник, и дядя непосредственно перед самым отправлением в путь молятся Богу и Его Матери об исполнении своих намерений, на что летописец специально обращает внимание. Василий II, отстояв литургию, «повелѣ молебен пѣти Пречистей Богородицы и великому чюдотворцу Петру, и слезы излия и многу милостыню раздати повелѣ на вся церкви града Москвы и в монастырѣ и нищимъ всѣмъ; тако же повелѣ и по всѣмъ градомъ своимъ сотворити. И поиде к Орду того же дни...». В более лаконичном сообщении об отъезде Юрия уга-

⁴² ПСРА. Т. 15. Стб. 486 (второй паг.).

⁴³ ПСРА. Т. 27. М.; Л., 1962. С. 102—103.

⁴⁴ Великия Миней Четии. Декабрь. Дни 1—5. М., 1901. Стб. 70—72.

⁴⁵ ПСРА. Т. 15. Стб. 157 (первой паг.).

⁴⁶ ПСРА. Т. 27. С. 103.

Саввино-Сторожевский монастырь. Гравюра XIX в.

дываются сходные действия: «быв на литоргии оу Пречистыя на Сторожих, поиде... ко Ордѣ же»⁴⁷.

Если о мыслях и чувствах князей, выбиравших тот или иной день для начала путешествия в степь, мы можем лишь догадываться, то является несомненным, что выезжать они предпочитали в крупные праздники — будь то праздники двенадесятые, дни особо чтимых святых или воскресенья. Отъезду предшествовали богослужения и другие ритуальные действия (благословение духовенства, раздача милостыни, трапеза и др.). Из-за всего этого отправление в путь всей делегации — князя, сопровождавших его бояр, воинов, слуг, а также обоза — неизбежно смещалось на середину или даже вторую половину дня. С практической точки зрения такой поздний выезд был неудобен — уже через несколько часов, проехав небольшое расстояние, нужно было задумываться о ночлеге. Тем не менее, судя по сохранившимся данным, совмещение праздничных мероприятий и выезда повторялось раз за разом, являясь своего рода принципом, наполненным в глазах участников, без сомнения, важным сакральным смыслом. Религиозное воодушевление, сопутствующее церковному торжеству, вера в то, что в день своего праздника Бог, Богородица и святые проявляют особое милосердие к людям, большое скопление христиан в храмах, молящихся вместе с князем об успехе его вынужденного странствия, ожидаемые в такой ситуации исповедь и причастие отъез-

⁴⁷ Там же. С. 102–103.

жающих⁴⁸ — всё это позволяло в наибольшей степени внутренне подготовиться к опасному путешествию, исход которого никто не решился бы предугадать. Сугубо религиозный смысл рассматриваемой календарной практики «праздничных выходов», как представляется, преобладал над неким историко-политическим символизмом тех или иных приурочений, о котором не раз (и, конечно, не без основания) писали исследователи.

Сама по себе эта практика «праздничных выходов» сформировалась на Руси задолго до нашествия монголов и, можно сказать, была частью воинской культуры русских князей уже с рубежа XI–XII вв. По наблюдениям А.Е. Мусина, Рюриковичам (в отличие от католических государей, знакомых с принципом «Божьего перемирия») «было решительно всё равно, когда они вступали в бой с противником — в воскресенье или в другой праздничный день церковного календаря»⁴⁹. Однако если это и так, то по отношению ко дням отправления на войну подобного «равнодушия» у русских князей мы в источниках не видим. Более трех четвертей датированных в Лаврентьевской, Ипатьевской и Новгородской I летописях выходов княжеских дружин в поход (как против внешних врагов, так и во времена усобиц) приходится в домонгольское время на воскресные дни или крупные праздники, что говорит об очевидной тенденции⁵⁰. Так, Давыд Игоревич выступает против Василька

⁴⁸ Об исповеди князя непосредственно перед самым отъездом в Орду упоминает Житие Михаила Тверского (БЛДР. СПб., 1999. Т. 6. С. 76). Сказание о Михаиле Черниговском говорит о том, что перед отправлением к Батыю князь получил от духовника Преждеосвященные Дары, которыми потом и причастился перед смертью (*Серебрянский Н.И.* Древнерусские княжеские жития. (Обзор редакций и тексты.) М., 1915. Приложения. С. 65, 67), что, однако, не исключает причастия князя и накануне отъезда.

⁴⁹ *Мусин А.Е.* *Milites Christi* Древней Руси: Воинская культура русского Средневековья в контексте религиозного менталитета. СПб., 2005. С. 273 (см. также с. 281). Справедливости ради отметим по крайней мере один случай, когда русский князь воздержался на время от продолжения боевых действий по причине воскресного дня. Именно так, по свидетельству летописца, в 1152 г. поступил под городом Гуричевом Юрий Долгорукий: «бѣ же тогды день недѣлныи, тѣм же не идоша к городу» (ПСРА. Т.1. Стб. 338; Т. 2. Стб. 456).

⁵⁰ За рамками этой тенденции остается меньшинство случаев такого рода (причем нельзя исключить вероятность того, что какие-то даты, кажущиеся нам второстепенными, были значимы в династической или личной истории участников): Владимир Мономах выступил в поход на Минск 28 января 1116 г. — в пятницу (ПСРА. Т.1. Стб. 290; *Бережков Н.Г.* Хронология русского летописания. М., 1963. С. 45–46); Изяслав Мстиславич отправился против Юрия Долгорукого в некий вторник 1151 г., который Н.Г. Бережков определяет как 15, 22 или 29 мая (либо ближайшие вторники июня) — ни на один из этих дней крупные праздники не приходятся (ПСРА. Т. 2. Стб. 433; *Бережков Н.Г.* Указ. соч. С. 152–154); Мстислав Изяславич в 1168 г. начал поход против половцев 2 марта «въ день суботныйи середохрестноѣ недѣли», т.е., по Бережкову, в канун 3-го воскресенья Великого поста — в канун дня, когда начинается череда богослужений, посвященных Кресту Господню (ПСРА. Т. 2. Стб. 539; *Бережков Н.Г.* Указ. соч. С. 180; *Булгаков С.В.*

Святые князья Борис и Глеб. Икона XIV в.

Ростиславича «приходящую Велику дни», т.е. на Пасху (28 марта 1098 г.) или, быть может, в ближайшие — и продолжающие собой праздник — дни Светлой седмицы⁵¹. Святополк Изяславич, Владимир Мономах и их союзники начинают свой знаменитый поход на половцев 1111 г. «въ 2 недѣлю поста», т.е. в воскресенье 26 февраля⁵². Всеволод Мстиславич в 1134 г. отправляется с новгородцами на Суздаль 31 декабря — в самый разгар Святки и на Отдание праздника Рождества Христова⁵³. Всеволод Ольгович в 1146 г. назначает поход против Владимирко Володаревича «с Бориша дни» — 24 июля⁵⁴. Юрий

Настольная книга для священно-церковнослужителей. К., 1913. Ч. 1. С. 572—575 и сл.); Всеволод Большое Гнездо «ходи» (вышел?) на половцев 30 апреля 1198 г., на память святого апостола Иакова — в четверг (ПСРА. Т.1. Стб. 414; Т. 38. С. 159; Т. 41. С. 122; Бережков Н.Г. Указ. соч. С. 86); Мстислав Мстиславич «поиде» на Ярослава Всеволодыча 1 марта 1216 г., во вторник «по Чистѣи недѣли» (Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 55, 254; Бережков Н.Г. Указ. соч. С. 258).

⁵¹ ПСРА. Т. 1. Стб. 267; Т. 2. Стб. 241.

⁵² ПСРА. Т.2. Стб. 266.

⁵³ Новгородская первая летопись... С. 23, 208; Бережков Н.Г. Указ. соч. С. 243; Лосева О.В. Указ. соч. С. 236.

⁵⁴ ПСРА. Т. 1. Стб. 312—313; Л., 1989. Т. 38. С. 113; М., 1995. Т. 41. С. 70; Бережков Н.Г. Хронология русского летописания. М., 1963. С. 60.

Долгорукий в 1149 г. поднимается на Изяслава Мстиславича «мѣсяца июля въ 24», т.е. на ту же самую память святых Бориса и Глеба, пришедшую к тому же на воскресенье⁵⁵. Изяслав Мстиславич в 1154 г. идет против Ярослава Осмомысла «якоже бы трѣми недѣлями до мясопуць» — за три недели до мясопустного воскресенья, т.е., скорее всего, в воскресенье 17 января⁵⁶. Игорь Святославич начинает поход на половцев в 1171 г. «на Петровъ день» — праздник святых первоверховных апостолов Петра и Павла 29 июня, отмечаемый после окончания особого Петровского поста⁵⁷. Мстислав Ростиславич в 1175 г. идет из Суздаля на поиск своих врагов Михалки и Всеволода Юрьевичей «за-оутра» после субботы, т.е. в воскресенье (видимо, 15 июня 1175 г.)⁵⁸. Святослав Всеволодыч в 1185 г. выходит на половцев «в недѣлю» — воскресенье⁵⁹, а Игорь Святославич в том же году — «мѣсяца априля въ 23 день во вторникъ», т.е. на память святого Георгия Победоносца и собственные именины (в крещении он носил имя Георгий), причем праздник пришелся на Светлую седмицу⁶⁰. Рюрик Ростиславич в 1196 г. напоминает Всеволоду Большое Гнездо, что он обещал начать борьбу с Ольговичами «с Рождества Христова»⁶¹. Тот же Всеволод Юрьевич выступает против Ольговичей в 1207 г. «мѣсяца августа въ 19 день в недѣлю» (воскресенье), когда празднуется память святого Андрея Стратилата⁶². Мстислав Мстиславич в 1212 г. идет на чудь «мѣсяца февраля в 1 день, въ в недѣлю сыропустную» — в Прощеное воскресенье (бывшее в том году не 1, а 5 февраля; Н.Г. Бережков видит тут ошибку именно в числе)⁶³. В том же году князь совершает новый поход — на Всеволода Чермного — и начинает его «мѣсяца июня на святого Феодора», т.е. 8 июня на память святого Феодора Стратилата, когда, не исключено, он праздновал собственные именины⁶⁴. Юрий Всеволодыч в 1229 г. вышел на мордву «мѣсяца [генваря]

⁵⁵ ПСРА. Т. 1. Стб. 321; Т. 2. Стб. 374; Т. 38. С. 116; Т. 41. С. 74; *Бережков Н.Г.* Указ. соч. С. 61, 148.

⁵⁶ ПСРА. Т. 2. Стб. 465; *Бережков Н.Г.* Указ. соч. С. 156.

⁵⁷ ПСРА. Т. 2. Стб. 568; *Бережков Н.Г.* Указ. соч. С. 189.

⁵⁸ ПСРА. Т. 1. Стб. 376—377; Т. 38. С. 141—142; Т. 41. С. 104; *Бережков Н.Г.* Указ. соч. С. 79.

⁵⁹ ПСРА. Т. 2. Стб. 637; *Бережков Н.Г.* Указ. соч. С. 202—203.

⁶⁰ ПСРА. Т. 2. Стб. 637; *Горский А.А.* «Всего еси исполнена земля Русская...»: Личности и ментальность русского средневековья: Очерки. М., 2001. С. 16.

⁶¹ ПСРА. Т. 2. Стб. 694; *Бережков Н.Г.* Указ. соч. С. 207—208.

⁶² ПСРА. Т. 1. Стб. 430; *Бережков Н.Г.* Указ. соч. С. 100; *Лосева О.В.* Указ. соч. С. 410.

⁶³ Новгородская первая летопись... С. 52, 251; *Бережков Н.Г.* Указ. соч. С. 256—257.

⁶⁴ Новгородская первая летопись... С. 53, 251; *Бережков Н.Г.* Указ. соч. С. 257—258; *Лосева О.В.* Указ. соч. С. 358; *Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б.* Выбор имени у русских князей в X—XVI вв.: Династическая история сквозь призму антропонимики. М., 2006. С. 584—585.

Успение Пресвятой Богородицы. Икона. XIV в.

въ 14 день», пришедшийся на воскресенье⁶⁵. Добавим к этому, что Владимир Мономах, решив отдать Чернигов Олегу Святославичу без боя, начал опасный маневр «на святого Бориса день». Предстояло на виду врага (в том числе и половецких отрядов Олега, обступивших Чернигов) выйти с мужами, их семьями и обозом из города и добраться до Переяславля. Операция прошла удачно, и Мономах воспринял это как проявление помощи свыше: «Богъ и святыи Борисъ не да имъ мене в користъ — неврежени доидохом Переяславлю»⁶⁶. Отметим, что такой полувойенной процессии было невозможно добраться от Чернигова до Переяславля за один день⁶⁷. Но князь, начав переход на святого Бориса, ощущает его помощь не только в начале пути: святой видится ему покровителем всего многодневного перехода. Тут высвечивается еще одна важная грань темпоральной культуры рассматриваемого времени: вера в то, что дело, сознательно начатое в день какого-либо небесного заступника, как бы передается под его попечение на всем своем протяжении.

Между датами отъезда князей в Орду и перечисленными только что датами начала военных походов домонгольского времени наблюдается сходство не только в общем принципе выбора праздничного дня, но и — что особенно интересно — даже в деталях такого выбора. И там, и здесь мы ви-

⁶⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 451; *Бережков Н.Г.* Указ. соч. С. 108.

⁶⁶ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 249.

⁶⁷ Даже по прямой между городами — более полутора сотен километров, в реальности же путь (сухопутный или речной) был длиннее.

дим двенадцатые праздники, воскресные дни, памяти почитаемых святых воинов и торжества в честь первых русских святых Бориса и Глеба (которых в определенном смысле также можно отнести к категории святых воинов). Такая изоморфность календарных практик позволяет думать о том, что войны и поездки в Орду воспринимались как явления родственные, а потому требующие единого подхода в части духовной и моральной подготовки. Причем касалось это не только выбора дня, но и других ритуальных моментов. Как свидетельствуют летописи, начало воинских походов, равно как и непосредственная подготовка к бою, сопровождались богослужениями и молитвами, поклонением перед святынями, благословениями духовенства, раздачей милостыни⁶⁸ — тем, о чем летописцы упоминают и в связи с княжескими отъездами в Орду. Всё это должно было укрепить дух и очистить души людей, надеющихся снискать милость Всевышнего и достойно предстать перед Ним в случае гибели⁶⁹. Религиозный подъем, порождаемый церковным праздником, без сомнения, способствовал достижению этой цели.

⁶⁸ См.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 147, 278, 282, 296, 360, 478; Т. 2. Стб. 266—267, 290, 539, 623, 671, 856. Имено такое поведение «исходящихъ къ супостатымъ на брань» предписывал, например, «Закон Судный людем»: [подобает] «хранитися от всякого слова неприязненнаго и от жен, к Богу единому мысль имети и молитву, и обеты къ святымъ» (Закон Судный людем пространной и сводной редакций. М., 1961).

⁶⁹ См.: Шапов Я. Н. Религиозное осмысление социальной и политической действительности в древнерусских летописях // Церковь в истории России. М., 1998. Сб. 2. С. 9—10.

Ключевые слова:

Древняя Русь, воинская культура, отношения с Ордой, календарная приуроченность событий, церковные праздники.

Alexey V. Laushkin

«ВИДЯ БЪДУ СТРАШЬНУ И ГРОЗНУ»: ONCE AGAIN ON THE DAYS OF THE RUSSIAN DUKES DEPARTURE TO THE HORDE

very known date when the Russian dukes left for the Horde to visit the Khan in the mid-13th — early 15th century was scheduled either on a day of religious holiday — one of the twelve great feasts of the Christian year or days of venerable saints or on Sundays. A very similar practice was common in the Russian military tradition since before the Mongol invasion when military campaigns would begin on religious holidays. The author believes that this phenomenon of festivities surrounding first troops leaving for battle and then dukes leaving for the Horde had reflected the belief that spiritual preparation was needed before a dangerous undertaking.

 Лаушкин Алексей Владимирович

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России
до начала XIX в. исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

И.В. Зайцев

İLYAS KAMALOV. ALTIN ORDA VE RUSYA (Rusya Üzerindeki Türk-Tatar Etkisi)

İstanbul: Ötüken Neşriyat A.Ş., 2009.

зучением истории Золотой Орды в Турции традиционно много и плодотворно занимаются уроженцы нашей страны. Достаточно вспомнить Акдеса Нимета Курата или Заки Валиди Тогана. Не стала исключением и книга «Золотая Орда и Россия (тюрко-татарское влияние на Россию)»,

которая принадлежит перу нашего соотечественника Ильяса Хутдетовича Камалова, работающего ныне в Центре стратегических исследований в Анкаре. И.Х. Камалов известен в Турции как автор нескольких книг, посвященных золотоордынской истории, а также политологии и современной политике России. Кроме того, он довольно много переводит с русского на турецкий. Русскоязычным читателям И.Х. Камалов также хорошо знаком: на русский язык с турецкого переводились некоторые его книги и статьи¹.

Исследование «Золотая Орда и Россия» предваряется кратким обзором источников (с. 21–55), которые автор делит на следующие группы: «золотоордынские», русские, монгольские, арабские, персидские, армянские, ну-

¹ См.: Камалов И.Х. Отношения Золотой Орды с Хулагуидами. / Пер. с тур. И.М. Миргалиева. Казань, 2007.

мизматику, записки путешественников. В этот обзор И.Х. Камалов включил и исследования по теме.

Книга состоит из пяти разделов. Рассмотрим каждый из них подробнее.

Первый раздел книги посвящен политическим отношениям русских княжеств и Золотой Орды. Он открывается краткими сведениями о происхождении славян (И.Х. Камалов склоняется к происхождению этого этнонима от «слово»), происхождении слова «Русь» (от варяжского термина, обозначавшего воина-торговца), возникновении Киевской Руси, принятии христианства и распаде государства на независимые княжества (феодалной раздробленности) (с. 59–63). Далее автор пишет о предыстории монголов, появлении на исторической арене Темучина и принятии им титула Чингис-хан. Затем рассказывается о монгольских завоеваниях в Азии и Европе и образовании Золотой Орды. Отдельно и довольно подробно И.Х. Камалов останавливается на значении названия «Золотая Орда», справедливо замечая, что впервые этот термин упомянут в «Казанской истории». Автор считает, что название это происходит от богатых золотых тканей, которыми была украшена ставка хана (с. 71–73). Далее изложена политическая история Орды в связи с русскими княжествами от битвы на Калке (1223 г.) до 1480 г. Вступление на престол Ивана III означало взятие курса на независимость Москвы от Орды. В 1472 г. Иван прекратил выплату дани, что вызвало поход на Русь Ахмета в 1480 г. С этого времени русские княжества, будучи уже независимыми, прекращают выплату дани в Орду (которая окончательно прекратила свое существование в 1502 г.), однако продолжают платить ордынским наследникам (см. с. 118–120).

Второй раздел (с. 124–185) называется «Свидетельства зависимости русских княжеств от Золотой Орды». В разделе представлены суммарные сведения о ханских ярлыках русским князьям, митрополитам, поездках русских князей в Орду на курултай, для получения ярлыков, а также для оставления детей в заложниках. Письма русским князьям (Едигея Василию I, Ахмета Ивану III, Муртазы Ивану III), а также ярлыки митрополитам (Менгу-Тимура, а также Тайдулы митрополитам Ионе, которого И. Камалов называет Иваном, Феогносту и Алексею, Бердибека Алексею и Мухаммед-Бюлека Михаилу) даны автором на языке дошедшего до нас оригинала (т. е. на древнерусском) в турецкой транскрипции и в переводе на современный турецкий язык. Причины доброжелательного отношения ханов к христианской церкви автор видит в чингисидском принципе равноправного и терпимого отношения власти ко всем религиям государства (с. 144–147).

Далее автор излагает данные о золотоордынских переписях русского населения, а также о видах взимаемых с Руси ордынских налогов (*копчур*, *калан*, подымное, *сабанлык*-поплужное, *сюсюн*-корм, *бадж*-мыто и проч.). Приведенные И. Камаловым виды налогов основываются на текстах ярлыков, иначе автор упомянул бы о специальных поборах с Новгорода (*туска/тузгу*, *черный бор*²), или о встречающемся в духовных грамотах (1433 г.) особом виде регулярной пошрины под названием *распана*³. Данные о «выходе» («чикиш») в изложении И.Х. Камалова весьма кратки: поначалу его собирали баскаки, потом сами русские князья, выплата продолжалась до 1472 г. (с. 162–163). Сведений о порядке сбора дани⁴, ее раскладке⁵, специальных категориях населения, связанных с его

² Янин В.А. «Черный бор» в Новгороде XIV–XV вв. // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины (материалы юбилейной научной конференции). М., 1983. *Добродомов* И.Г. Туска (Об одном гапаксе Новгородской Первой летописи) // 90 лет Н.А. Баскакову. Н.А. Баскакову от коллег и учеников. М., 1996. С. 75–78.

³ Происходит, видимо, от *raspona* — «обычный, обыкновенный» (*Добродомов* И.Г. Что такое распана? // Россия в X–XVIII вв. Проблемы источниковедения. Тезисы докладов и сообщений вторых чтений, посвященных памяти А.А.Зиминова. М., 1995. С. 167–168; *Словарь русского языка XI–XVII вв.* Вып. 22 (Раскидаться-Рященко). М., 1997. С. 21).

⁴ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. (далее — ДДГ). М.; Л., 1950. № 11. С. 31 (1389 г.); № 17. С. 48–49 (1401–1402 гг.); № 66. С. 215 (1472 г.).

⁵ ДДГ. № 12. С. 35–36 (1389 г.); № 13. С. 38 (1390 г.); № 16. С. 44 (1401–1402 гг.); № 17. С. 49 (1401–1402 гг.); № 20. С. 56 (1406–1407 гг.); № 29. С. 74 (1333 г.); № 72. С. 254, 256–257, 262, 265, 267 (1481 г.); № 73. С. 270, 272, 274–275 (1481 г.); № 81. С. 313–321 (1486 г.); № 82. С. 325, 328 (1486 г.).

доставкой в Орду⁶, автор приводит мало, отдельно останавливаясь только на суммах (с. 169–171)⁷. Ничего не говорится и о разных трениях среди русских князей по поводу дани: уплаты одними выхода в долг за других, предоставлении льгот, о займах денег для уплаты выхода у русских (вероятно, нижегородских) и болгарских купцов, о чем имеются сведения в духовных и договорных грамотах⁸. Далее автор пишет о даругах и баскаках (с. 173–175).

Раздел завершается сведениями о золотоордынском монетном деле и русской монетной чеканке указанного времени.

В третьем разделе автор знакомит читателей с политическим влиянием Золотой Орды на Русь. Сначала автор задается вопросом, каким образом определить это влияние: как монгольское, как золотоордынское или же как татарское. Для ответа на вопрос И.Х. Камалов исследует этимологию этнонима «татар» (с. 194), которая, по его мнению, восходит к тюркскому корню *-tat-* (который встречается еще у Махмуда Кашгарского как обозначение немусульманина, уйгура) и аффикса собирательности *-ar* (встречающегося и в других этнонимах, вроде маджар, хазар, авар, болгар и проч.). В конечном счете автор делает вывод, что русские, живя бок о бок с тюрками еще в домонгольское время, испытали на себе сильное влияние как собственно тюрков, так и прямое монгольское влияние; таким образом, правильное было бы назвать его тюрко-монгольским. Именно Золотой Орде мы обязаны возвышением Москвы, а также сохранением и усилением православия (ибо «иго» стало препятствием «латинизации») (с. 210–223).

Четвертый раздел книги рассказывает о золотоордынском влиянии на государственное устройство Руси (положение князей, княжескую и царскую титулатуру, российский герб). В золотоордынских корнях рос-

⁶ Сыроечковский В.Е. Гости-сурожане. М.—Л., 1935. С. 85–87; Черепнин Л.В. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV веках. М., 1960. С. 351–352; Кучкин В.А. Первая договорная грамота Дмитрия Донского с Владимиром Серпуховским // Звенигород за шесть столетий. Сборник статей. М., 1998. С. 50; Добродомов И.Г., Кучкин В.А. Делюи Средневековой Руси // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998 г. Памяти члена-корреспондента РАН Анатолия Петровича Новосельцева. М., 2000.

⁷ Ср. Павлов П.Н. К вопросу о русской дани в Золотую Орду // Учен. зап. Кrasноярского пед. ин-та. Красноярск, 1958. Т. 13. Вып. 2.

⁸ Об этом, по-видимому, свидетельствуют упоминания «бесерменского долга» и «русского долга» в договоре 1389 г. Дмитрия Донского с Владимиром Андреевичем Серпуховским (ДДГ. № 11. С. 31; см.: Водов В. «Долг бесерменский и проторь и русский долг» в договорной грамоте Дмитрия Донского с Владимиром Андреевичем Серпуховским // *Russia mediaevalis*. München, 1977. Т. III).

сийского деспотизма И.Х. Камалов сомневается. Автор также специально останавливается на биографиях выдающихся татар, оставивших свой след в истории Российского государства (с. 256 и далее). К ним он относит Елену Глинскую и Соломонию Сабурову, Симеона Бекбулатовича и Бориса Годунова, Ирину Годунову, Наталью Нарышкину и Марфу Апраксину. В этом же разделе уделено место вопросу о золотоордынских чертах русской военной организации.

Пятый раздел книги посвящен социально-экономическому и культурному влиянию Золотой Орды на Русь: городской жизни, сельскому хозяйству, торговле, организации почт, праву, дипломатии, языку, литературе и традициям (с. 280 и далее).

В качестве приложения к книге автор предложил читателям несколько хронологических таблиц и списков: правлений золотоордынских ханов; список золотоордынских послов в Москву, Суздаль и Тверь между 1259 и 1474 гг.; посещений Орды русскими князьями; посещений Орды русскими митрополитами, список монастырей, основанных в Московском княжестве в золотоордынский период (XIII–XIV вв.) с именами основателей и датами закладки. Кроме того, отдельным приложением автор дал список тюркских и монгольских слов, заимствованных русским языком, а также арабизмов и фарсизмов, вошедших в русский язык через тюрки и монгольский. Этот список, видимо, призван продемонстрировать, сколь велик пласт иноязычной восточной лексики золотоордынского происхождения в современном русском языке. Однако внимательное ознакомление с ним показывает, что составлен он довольно некорректно, потому что многие слова, которые там оказались, только по происхождению являются арабскими, а попали в русский язык из немецкого, французского или голландского (например, «алкоголь», «адмирал»⁹ и проч.), другие являются их русскими производными (типа «адмиралтейство» или «алкоголизация»), а третьи — прямыми заимствованиями из староосманского или заимствованиями из него через языки-посредники (напр., украинский), вроде слов «янычар» или «ятаган». В любом случае их появление в русском произошло существенно позже золотоордынской эпохи.

Подводя итог, можно сказать, что книга И. Камалова вряд ли даст русскоязычному читателю что-то новое в понимании влияния Золотой Орды на Русь и последствий этого влияния. На это она, видимо, и не рассчитана.

⁹ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. / Пер. с немецкого и дополнения О.Н. Трубачева. Т. I (А–Д). М., 1964. С. 62, 71.

на. Однако стоит отметить, что «Золотая Орда и Россия» — это безусловно заметный вклад в турецкую историографию, ибо в ближайшее время трудно ожидать появления в Турции книги, которая не только знакомила бы с проблемой, но была при этом столь насыщена фактическим материалом по теме.

 Илья Владимирович Зайцев

доктор исторических наук, заместитель директора Бахчисарайского
историко-культурного заповедника, с.н.с. ИРИ РАН

Ф.Г. Тараторкин

БРИТАНСКОЕ НАУЧНОЕ РОССИЕВЕДЕНИЕ XIX—XX вв.: ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ И ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ

«Российская цивилизация» на пути к XX в.: образ России в период формирования научного руссиеведения в Великобритании

Образ «другого» в истории, еще в середине XX в. утвердившийся в качестве одной из основных исследовательских проблем в западноевропейской историографии¹, в последние десятилетия привлекает к себе всё более пристальное внимание отечественных исследователей². Предметом

¹ См.: *Barracrough G. Main Trends in History*. N. Y; L., 1979; *The Development of Modern Historiography* /Ed. by H. Kozicki. N. Y.; L., 1993; *Trevor-Roper H.R. History: Professional and Lay*. Oxford, 1957; *What is History*. L., 1988. См. также: *Истории ментальностей, историческая антропология: Зарубежные исследования в обзорах и рефератах*. М., 1996.

² После известных монографий А.Я. Гуревича особое место рассматриваемая проблематика занимает на страницах альманаха «Одиссей», издаваемого с 1989 г. См.: *Ронин В.К. Франки, вестготы, лангобарды в VI—VIII вв.: политические аспекты самосознания* // *Одиссей: Человек в истории*. 1989. М., 1989; *Гинзбург К. Образ шабаша ведьм и его истоки* // Там же. 1990. М., 1990; *Оболенская С.В. Образ немца в русской народной культуре XVIII—XIX вв.* // Там же. 1991. М., 1991. См. также статьи С.И. Луцицкой, П. Фридмана, И.Е. Синуцкой и других в разделе «Образ “другого” в культуре» в «Одиссее» за 1993 г.; *Левинсон А.Г. Массовые представления об «исторических личностях»* // Там же. 1996. М., 1996.

изучения при этом становятся архаическое сознание³ и коллективные представления⁴, типы интеллектуальных образов и их взаимодействие⁵, варианты и схемы адаптации к восприятию «иного» в истории и современности⁶.

И всё же до сих пор недостаточно прояснённым остаётся вопрос о специфике историографических образов, формирующихся в сфере научного знания. Если верно, что «диалогические рубежи пересекают всё поле живого человеческого мышления»⁷, историографическое пространство оказывается наиболее «пересечённым» диалогическими взаимосвязями и взаимовлияниями (при том что даже «между глубоко монологическими... произведениями всегда наличны диалогические отношения»⁸, пусть даже непроявленные, молчаливые), т.е. в конечном счёте историографию можно воспринимать как систему диалога, в особенности продуктивного в случае зарубежного руссиеведения, изначально нацеленного на диалог со своей научной «метрополией» — русской исторической наукой.

Британской научной руссике⁹ и советологии, с самой ранней поры своей истории претендовавшим, по признанию английского историка У. Морфилла, на «активное формирование английских представлений о России посредством создания привлекательных и правдивых образов ее прошлого»¹⁰, в период формирования британского руссиеведения приходилось соперничать с монополией ежедневных газет и аналитических журналов. Разумеется, основной задачей периодики было отражение по-

³ См., например, работы Т.В. Евгеньевой, И.Н. Ионова, Н.Н. Фирсова в сб.: Современная политическая мифология. М.: РГГУ, 1996.

⁴ Одним из современных примеров подобного исследования может служить книга А.А. Ястребицкой «Средневековая культура и город в новой исторической науке» (М., 1995).

⁵ Подробнее о категории образа см.: Петровский А., Ярошевский М. История психологии. М.: РГТУ, 1994. С. 288–307; Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического. М., 1995; и др.

⁶ См.: Himmelfarb G. The New History and the Old. Cambr. (Mass.), 1987. P. 110–123; Partner N.F. Making up Lost Time: Writing on the Writing of History // Speculum. 1986. Vol. 61. № 1. P. 34–35.

⁷ Бахтин М.М. 1961 год: Заметки // Бахтин М.М. Собр. соч.: В 7 т. М., 1996. Т. 5. С. 330.

⁸ Там же. С. 336.

⁹ Из работ, непосредственно посвященных британской руссике, можно назвать на сегодняшний день лишь монографии А. Н. Зашихина, в которых речь идет о становлении как публицистической, газетно-журнальной руссики второй половины XIX — начала XX в., так и формировании научного руссиеведения в тот же период. См.: Зашихин А. Н. Глядя из Лондона: Россия в общественной жизни Британии второй половины XIX — начала XX в. Архангельск, 1994; Он же. Британская Rossica второй половины XIX — начала XX в. Архангельск, 1995.

¹⁰ Morfill W.R. Recent Trends in Our Academic World // Times. 1881. April 23. P. 6.

литической конъюнктуры. Периодические издания никогда и не претендовали на выполнение специфически историографических функций; со своей стороны, историки-россиеведы признавали, что «чем менее похожи будут наши комментарии на беглые и поверхностные исторические обзоры в газетах, тем с большим успехом будет развиваться наша деятельность»¹¹. Ситуацию, однако, невозможно признать очевидной, ибо именно исторические обзоры, предпосылаемые журналистами (как правило, собственными корреспондентами изданий в Санкт-Петербурге) статьям по злободневным вопросам российской внутренней и внешней политики, оказывались часто наиболее мощным фактором формирования массовых представлений о русской истории. Заметим также, что первые профессиональные исследователи истории России У. Рольстон, Д.М. Уоллес, У. Морфилл много и плодотворно работали в жанре газетных и журнальных обзоров и даже, как замечает У. Морфилл, «с трудом могли отказаться от привычки смотреть на многое глазами журналиста, глазами газетчика и впоследствии»¹², т. е. в «академический» период их научных занятий.

Вышеназванные исторические обзоры стали появляться в периодических изданиях примерно в 20–30-е гг. XIX в. Тогда же начинает определяться и своеобразная тематическая специализация изданий. Так, «Times» уделяет особое внимание выяснению подробностей внутридинастических генеалогических связей Дома Романовых и одним из выводов становится признание крайней запутанности монаршей генеалогии в России и того обстоятельства, что «по сути дела, Россия переживает после Петра постоянный династический кризис, периодами более острый, как в середине прошлого столетия, а временами уходящий вглубь». Главный вывод, который делает газета, сводится к тому, что «российская династия — это слабая, подорванная и обреченная династия, лишь относительно достойная быть включенной в славный список европейских династий»¹³. «Fortnightly Review» видит своей целью «уяснение общего положения вещей в России, как оно сложилось со времен самой древней русской истории»¹⁴. Для достижения такой цели газета постоянно публикует одновременно с текущей информацией еще и тематические статьи, которые можно было бы

¹¹ Edwards H.S. A Response to Criticism // Daily Telegraph. 1900. № 7. P. 22.

¹² Morfill W.R. Recent Trends... P. 6.

¹³ Так, первый из известных нам обзоров связан с реакцией на воцарение Николая I и нацелен на «объяснение некоторых трудных вопросов истории российской правящей династии» (Times. 1826. March 10. P. 2).

¹⁴ Fortnightly Review. 1840. № 6. P. 18.

назвать этнографическими. К. Ховард в 1880–1890-е гг. регулярно печатает многочисленные эссе о русских крестьянах. Все материалы, опубликованные по этому вопросу в «Fortnightly Review», станут затем основой для большой книги К. Ховарда «Русский крестьянин», вышедшей в свет в 1907 г. Среди других материалов газеты — эссе с характерными названиями «Представляет ли русский купец угрозу Западу?», «Российские бюрократы: кто они?», «Сибирь в истории России», «Дальний Восток в русской политике вчера и сегодня» и т. п. С течением времени «Fortnightly Review» более охотно предоставляет возможность высказываться по российской проблематике историкам¹⁵, в ряде случаев вполне иронически называя их статьи «просвещенным исследованием», «статьей, отвечающей самым строгим требованиям объективности и истины» и т. п.¹⁶

В каком-то смысле признанным лидером в 1840–1870-е гг. становится «Daily Telegraph». На страницах этой газеты, несмотря на небольшой объем, материалы, содержащие экскурсы в русскую историю, появляются почти еженедельно. Есть в газете и постоянный автор подобных материалов — петербургский корреспондент Ч. Сароли¹⁷. В сентябре-декабре 1869 г. Ч. Сароли выступает с серией из двенадцати статей, объединенных темой «Русский национальный характер» (в 1871 и 1873 гг. Ч. Сароли напечатает еще две подобные серии — «Принципы современной политики России»¹⁸ и «Россия и Запад»¹⁹).

Суть позиции Ч. Сароли сводится к набору достаточно стереотипных для западноевропейских авторов того времени характеристик.

Во-первых, он считал, что Россия никогда не преодолет последствий «монгольской катастрофы», очень серьезно подорвавшей творческий потенциал нации. После монгольского нашествия, «сколь бы блистательным в ряде отношений... ни представлялся самый ранний период русской истории»²⁰, Россия утратила способность к оригинальному политическому, социальному и экономическому развитию и оказалась обреченной на заимствование соответствующих западных образцов, причем заимствова-

¹⁵ См.: Wallace D.M. On the Crimean Crisis // Fortnightly Review. 1854. № 22. P. 3; Edwards H.S. Grand Duke Alexander // Ibid. 1869. № 1. P. 20; Howe S. My Experiences of Russia // Ibid. 1910. № 18. P. 8–9; № 19. P. 12.

¹⁶ [Editorial] // Wallace D.M. On the Crimean Crisis.

¹⁷ А.Н. Зашихин подробно пишет о работе Ч. Сароли, явившейся обобщением его газетных выступлений ряда лет. См.: Зашихин А.Н. Указ. соч. С. 118, 122, 129–131.

¹⁸ См.: Sarolea Ch. Europe's Debt to Russia. L., 1900. P. 60–89.

¹⁹ Ibid. P. 112–125.

²⁰ Ibid. P. 53.

ние «несерьезное, поверхностное, дикое», не затрагивающее тех глубинных пластов народного сознания, которые Ч. Сароли считает возможным назвать не иначе как «глубинным варварством»²¹.

Во-вторых, по мнению Ч. Сароли, неспособность России творчески воспринять все многообразие достижений западной цивилизации приводит к тому, что «у русского человека вырабатывается привычка к зависимости, несамостоятельности, он привыкает быть забитым и лишенным инициативы»²². Отсюда особое тяготение русских к внешнему авторитету, влиятельной и подчас грубой силе государства, заменяющего собою все виды и формы общественных отношений и потому становящегося «таким безраздельным и абсолютным царством внешнего принуждения, каких не знал даже Древний Восток»²³.

И наконец, в-третьих, осознание политическими верхами Российской империи собственного подчиненного и зависимого положения в системе международных отношений вынуждает российских императоров прибегать к поиску политических решений, которые позволили бы поддерживать «иллюзию политического всемогущества и государственного величия» империи²⁴. По этой причине внешняя политика России определяется набором политических конъюнктур, «ее нельзя спрогнозировать, рассчитать, Россию невозможно воспринимать как партнера наравне с другими европейскими державами, с ней лучше быть осторожнее, — как с Востоком»²⁵.

В значительной мере Ч. Сароли задал своими обобщающими материалами тему, вариациями на которую прозвучат в 1880–1890-е гг. многочисленные газетно-журнальные обзоры «на российскую тему»²⁶. Важнее другое: Ч. Сароли (и одновременно с ним или вслед за ним Р. Скоукрофт²⁷, Б. Хэйвен²⁸ и др.) вырабатывает и своеобразный индекс фактов и событий российской истории, призванных подкреплять и иллюстрировать выдвигаемые тезисы. Так, деятельность Ивана IV приводит к мысли о неспо-

²¹ Ibid. P. 6.

²² Ibid. P. 6, 57, 113.

²³ Ibid. P. 124.

²⁴ См.: *Sarolea Ch. The New Russian Emperor* // *Daily Telegraph*. 1881. April 10. P. 1–2.

²⁵ *Sarolea Ch. Europe's Dept to Russia*. P. 52.

²⁶ «Daily Telegraph» ведет в 1881–1884 гг. еженедельную рубрику именно с таким названием — «On the Russian Theme».

²⁷ *Scowcroft R. Those Who Never Agree: On History of Russian Diplomacy* // *Daily Telegraph*. 1883 // January 9. P. 12.

²⁸ *Haven B.A. Visit to Petersbourg* // Ibid. 1884. February 26. P. 10.

собности русских к следованию «элементарной политической логике»²⁹. Раскол XVII в. предстает наиболее убедительным доказательством неразвитости религиозного сознания русских, а также того, что «именуемое русским православием религиозное течение есть не более чем странная смесь христианской фразеологии с наиболее дикими проявлениями языческой темноты»³⁰.

Утрата независимости Новгородом в XV в. и Псковом в XVI в. свидетельствует о вероломности центральной власти, которой «не дано оценить всех несомненных преимуществ и всей непреходящей ценности свободных гражданских установлений»³¹, но в то же самое время именно затянувшаяся на несколько столетий централизация земель вокруг Москвы и введение княжеского единовластия не сразу, а лишь путем постепенного собирания земель не позволили государству достаточно окрепнуть «для того, чтобы и впредь оставаться всегда сильным»³². К этому перечню можно прибавить традиционное противопоставление Николая I Александру I, причиной неудачи реформаторских замыслов и проектов которого явилось несоответствие их просвещенно-европейского пафоса «варварской политической реальности России»³³ и т. п.

Уже с начала 50-х гг. XIX в. эти и подобные им фактографические матрицы русской истории находят отражение в сфере, оказывающей на формирование образа России в сознании англичан воздействие не меньшее, чем периодика, — в сфере образования, в комплексах учебной литературы для университетов и школ. Здесь сразу обозначаются два подхода.

Первый, наиболее традиционный, заключается в последовательном проведении при рассмотрении истории «третьих» стран формулы «Британия и остальной мир». Эта формула, которой до сих пор суждено играть определяющую роль в британской исторической науке³⁴, отличается крайним исследовательским монологизмом: любое «иное», особое, непохожее не просто рассматривается по отношению к норме, т. е. соответствующему британскому образцу, как несовпадение с ней, недораз-

²⁹ *Sarolea Ch.* Europe's Dept to Russia. P. 120.

³⁰ *Le Quesne P.* Church in Russia // *Times*. 1860. February 20. P. 16.

³¹ *Sarolea Ch.* Europe's Dept to Russia... P. 7–8.

³² *Ibid.* P. 101.

³³ См.: *Sarolea Ch.* The New Russian Emperor. P. 2.

³⁴ См. об этом: *Зверева Г.И.* Организация исторической науки в Великобритании в новое и новейшее время. М., 1986; *Согрин В.В., Зверева Г.И., Ретина Л.П.* Современная историография Великобритании. М., 1991. С. 70 и сл.; *Шарифжанов И.И.* Современная английская буржуазная историография: проблемы теории и метода. М., 1984. С. 16–21.

витость, отклонение, ошибка; само изучение «иного» имеет смысл лишь постольку, поскольку оно позволяет акцентировать, оттенить, подчеркнуть и обосновать преимущество своего (заметим, что в общеметодологическом плане такой подход имеет полное право на существование в системе взаимодействия обобщающего и индивидуализирующего подходов в историческом познании³⁵; в терминах же диалогической методологии М.М. Бахтина подобное отношение к «другому» как более или менее ценной проекции «своего» определяется как «отрицание вне себя равноправного и ответно-равноправного сознания»³⁶ — признак крайнего монологизма).

В русло такого имперского подхода попадали те факты и события русской истории, которые продемонстрировали бы учащимся цивилизационные преимущества английской истории. В базовом для общеобразовательных школ викторианской Англии учебнике всемирной истории суть искомой антитезы сформулирована предельно четко: «Сила Российского государства оборачивалась слабостью, когда оно оказывалось не в состоянии умирить народные массы, а могло лишь подавлять их; его слабость оборачивалась силою, когда оригинальные произведения русской культуры появлялись почти каждый раз там, куда государство еще не успело проникнуть: в любом случае, в противоположность Англии. Российское государство никогда не могло вызвать к себе уважение и разумное повиновение своих подданных»³⁷; более того, «в то время как в Англии достойный монарх в большинстве случаев осознается как лучший сын своей земли, как чистое и славное олицетворение народных сил и народного духа, в России таким олицетворением подчас становится нечто совсем противоположное — Лжедмитрий, Разин, Пугачев, бунтари-раскольники, революционные террористы (учебник вышел в свет первым изданием в 1879 г. — Ф.Т.) и подобные им символы хаоса и безначалия»³⁸.

Второй из названных нами подходов также основан на противопоставлении. Только в этом случае история России рассказана учащимся через систему более масштабных антитез — европейская цивилизация

³⁵ Ионов Н.Н. Судьба генерализирующего подхода к истории в эпоху постструктурализма (попытка осмысления опыта Мишеля Фуко) // Одиссей: Человек в истории. 1996. М., 1996. С. 60–80.

³⁶ Бахтин М.М. К методологии гуманитарных наук // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 369.

³⁷ World History // M. Brockton, M. Morrough and others. L., 1879. P. 164.

³⁸ Ibid. P. 207.

и неевропейский мир. Любопытно отметить, что в неевропейском мире Россия занимает значительное положение и играет ведущую роль, так же как Англия — в мире европейском, где она, согласно одному из учебников, «всегда говорит от имени просвещенной Европы в целом»³⁹.

Почти единственным критерием периодизации русской истории в рассматриваемой категории учебных книг становится европеизация России и соответственно этапы и результаты такой европеизации. Так, в кембриджском курсе всеобщей истории период «относительного единства с европейским миром» (Русь X—XIII вв.) противопоставляется «темным векам монгольского владычества и внутренней смуты», а эти последние — «обновлению исторической перспективы» Петром и его последователями⁴⁰. Авторы же одного из оксфордских учебных пособий (1877 г.) настаивают на том, что в политике Россию всегда направляло «отношение к Европе — от изоляции и неприятия западного мира к более внимательному к нему отношению начиная с XVII в. и попыткам активного с ним взаимодействия после Петра»⁴¹. И даже позитивная оценка — всегда именно оценка! — итогов исторического развития России к XIX в. определяется тем, что России удалось «в максимально возможной пока для нее мере приблизиться к достижениям и тенденциям развития западного мира, преодолев наиболее нетерпимые и дикие черты традиционного варварства»⁴².

Частотный анализ словаря десяти учебных пособий, имеющих в своем составе главы по истории России, позволяет сделать вывод о преобладании сравнительно-оценочной лексики над аналитической: «в отличие от» употреблено свыше 2000 раз; «напротив» — более 1500 раз; «в противоположность Англии (или Европе, Западу и т. п.)» — около 1000 раз и т. д.

В начале 70-х гг. XIX в. в Оксфорде и Лондоне появляются первые обобщающие работы по русской истории, написанные профессиональными историками-исследователями — лекционные курсы У. Рольстона и У. Морфилла⁴³. В конце 1870-х гг. к их числу присоединяются работы Д.М. Уоллеса и Г. Дрэйджа⁴⁴, в 1880-е гг. — исследования Г. Эдвардса и

³⁹ A History of England: Texts and Commentary. Oxford, 1901. P. VI.

⁴⁰ An Unabridged Course of World History. Cambridge, 1891. P. 236.

⁴¹ World History for Oxford Students. Oxford, 1877. P. 99.

⁴² Ibid. P. 96.

⁴³ Ralston W.R.S. Early Russian History: Four Lectures delivered at Oxford. L., 1874; Morfill W.R. Russia. L., 1875.

⁴⁴ Wallace D. M. Russia: 2 vols. L., 1877–1878; Drage G. Russia Affairs. L., 1879.

С. Боултона⁴⁵, в 1890-е гг. — Г. Монро и Г. Тайрелла⁴⁶, а впоследствии и работы С. Хау, Б. Пэйрса⁴⁷ и др. В 1915 г. представители «академической россики» (это самоназвание первым ввел Г. Эдвардс в 1889 г.⁴⁸) создают свой печатный орган — журнал «Russian History Review», к тому же времени относятся и их нереализовавшиеся проекты научного сотрудничества с русскими историками⁴⁹.

Встреченные весьма враждебно в профессиональном сообществе (У. Морфилл даже говорил о «заговоре молчания» и «полнейшем непонимании» со стороны коллег-историков: «...необходимость постоянно оправдывать собственную исследовательскую деятельность и бороться за признание в научных кругах только сильнее сплотила немногих россияеведов»⁵⁰), россияеведы почти не вступают в открытую полемику и почти не реагируют на разнообразные упреки в адрес своих работ как со стороны англичан, так и со стороны многочисленных российских рецензентов⁵¹. Но уже У. Рольстон и У. Морфилл, не говоря о их младших коллегах, считают своим долгом откликнуться на новейшие образцы газетно-журнальной и учебной «россики».

Историографический анализ подобных откликов, никогда не попадавших на страницы самих обобщающих работ по русской истории («спорить в научной работе позволительно лишь с научным оппонентом!» — отмечал У. Морфилл⁵²), может привести в некоторое недоумение. На самом деле во всем комплексе исследований по русской истории от У. Рольстона до Б. Пэйрса мы находим прямое отражение многих из тех традиционных образов истории России, о которых говорили выше в связи с периодикой и учебной литературой. Здесь есть утверждение о том, что история государства и его институтов представляет собой «един-

⁴⁵ *Edwards H.S. The Russian History. L., 1882; Boulton S.B. The Russian Empire: Its Origin and Development. L., 1882.*

⁴⁶ *Munro H.H. The Rise of the Russian Empire. L., 1899; Tyrell H. History of the Russian Empire. N.p., N.d. <1898>.*

⁴⁷ *Howe S. A Thousand Years of Russian History. L., 1915; Pares B. Russia and Reform. L., 1907.*

⁴⁸ См.: *Edwards H.S. Rec. ad. op.: Boulton S.B. The Russian Empire, // Times. 1889. December 14. P. 18.*

⁴⁹ Об этом см.: *Тараторкин Ф.Г. А.С. Лаппо-Данилевский и проект создания «Истории России» на английском языке (1915—1918 гг.) // Археографический ежегодник за 1994 год. М., 1996. С. 270—274.*

⁵⁰ *Materials for Dr William Robert Morfill Biography. Oxford, 1912. P. 23—24* Автор признателен Дж. Д.А. Эвансу за информацию об этом издании.

⁵¹ *Тараторкин Ф.Г. Британская научная россика и русская историческая наука в начале XX в. // ФИШ: Журнал факультета истории, политологии и права. 1997. № 1. С. 26*

⁵² *Materials for Dr William Robert Morfill Biography. P 41.*

ственный ключ к пониманию русской истории» (С. Боултон)⁵³. Здесь говорится о том, что России присущ особый тип исторического развития, характеризующийся «запоздалым усвоением плодов европейской цивилизации» (Г. Тайрелл)⁵⁴, а главной исторической задачей России объявляется задача «вполне слиться с Европой» (Г. Дрэйдж)⁵⁵. Не отрицают историки-россиеведы и того, что «периоды невиданного усиления государства почти всегда сопровождаются... упадком народного духа, но лишь подъем последнего гарантирует государству выживание в эпоху общих нестроений» (С. Хау)⁵⁶, а основу населения в России составляют крестьяне, «легко переходящие от апатии к буйному веселью, от беспробудного пьянства к подлинной святости, от бунта к полному подчинению» (С. Боултон)⁵⁷.

Что же противопоставляют представители «академической» россики своим оппонентам, роль которых в формировании образа русской истории и соответственно современной России Г. Эдвардс называет решающей⁵⁸?

Речь менее всего идет о том, каким образ русской истории должен быть — в известном смысле он может быть любым; речь о том, как этот образ должен формироваться. И в данном случае острие полемики направлено историками-россиеведами против навязывания общественному мнению периодикой и учебной литературой таких представлений о русской истории, которые «при определенных условиях не могли бы даже рассматриваться всерьез». Каких условиях? Можно выделить как минимум три условия и принципа формирования образа русской истории.

Прежде всего, по категорическому заявлению Г. Монро, «изучение истории России должно быть научным»⁵⁹. Адекватное понимание такой исследовательской декларации осложняется двумя обстоятельствами. Во-первых, тем, что сам термин «научность» и категория научности в разных историографических и, шире, теоретических традициях наполняются разным содержанием (известно замечание С.С. Аверинцева: «... когда научность хотят похвалить, ее называют научностью; когда ее же хотят выбранить, ее называют “сциентизмом” или “позитивизмом” с прила-

⁵³ Boulton S.B. The Russian Empire. P. 260.

⁵⁴ Tyrell H. History of the Russian Empire. P. VII.

⁵⁵ Drage G. Russian Affairs. P. 117.

⁵⁶ Howe S. A Thousand Years of Russian History. P. 54—55.

⁵⁷ Boulton S.B. The Russian Empire. P. 62.

⁵⁸ Edwards H.S. A Response to Criticism...

⁵⁹ Munro H.H. Mr. Sarolea writes on Russian History // Times. 1887. November 1. P. 6.

гательным «бескрылый» или без него»⁶⁰). Во-вторых, тем, что именно в ненаучности, проявляющейся в «недостаточном внимании к документам нашей истории»⁶¹, «увлечении образностью языка»⁶², недостаточном знакомстве с российской историографией⁶³ обвиняют английских исследователей российские рецензенты их трудов.

Сам Г. Монро противопоставляет ненаучному изучению русской истории, характеризующемуся выхватыванием «самых кричащих фактов, наиболее ярких примеров — в то время как эти же самые факты и примеры могут подтверждать или опровергать совсем противоположные тенденции и умозаключения»⁶⁴, научное ее исследование, отличительной чертой которого называет «интерес к целому, к той общей картине, в которую складываются благодаря взаимосвязям и взаимным влияниям самые разные факты русской истории»⁶⁵.

Г. Эдвардс же, отвечая на упреки российских рецензентов, признает одним из условий научности исследования опору на источники и как предпосылку знание русского языка. Но есть исследовательские ситуации, как в случае с изучением русской истории, когда уровень археографической разработки источников оставляет желать лучшего, а архивохранилища часто оказываются недоступны⁶⁶, и тогда скудость источников может быть компенсирована внимательным и вдумчивым отношением к имеющимся и «отказом от непродуманных построений, способных очаровать читателя, особенно массового, своею эффектностью, но неспособных прибавить что-либо к искомой научной картине»⁶⁷.

Г. Эдвардсу вторит Г. Тайрелл: «Никто не станет оспаривать желательности самого широкого привлечения источников, но упрек в несостоятельности, недоказательности анализа все же серьезнее упрека в непол-

⁶⁰ Аверинцев С.С. Античная риторика и судьбы античного рационализма // Аверинцев С.С. Риторика и истоки европейской литературной традиции. М., 1996. С. 138.

⁶¹ А.Д. [Рец.] // Русская старина. 1893. № 1. С. 61–62.

⁶² В.М. [Рец.] // Современный мир. 1916. № 1. С. 235.

⁶³ См.: Вернадский Г.В. [Рец.] // Русская мысль. 1915. № 2. С. 67.

⁶⁴ Munro H.H. Mr. Sarolea writes on Russian History. P. 6.

⁶⁵ Ibid. В этой связи трудно не вспомнить известные слова С.М. Соловьева: «Не делить, не дробить русскую историю на отдельные части, периоды, но соединять их, следить преимущественно за связью явлений, за непосредственным преемством форм, не разделять начал, но рассматривать их во взаимодействии, стараться объяснить каждое явление из внутренних причин, прежде чем выделить его из общей связи событий и подчинить внешнему влиянию, — вот обязанность историка в настоящее время» (Соловьев С.М. Соч.: В 18 кн. М., 1988. Кн. 1. Т. 1–2. С. 51).

⁶⁶ См.: Edwards H.S. A Response to Criticism...

⁶⁷ Ibid. P. 22.

ном освоении источников: писать же в чем-то иначе не означает писать хуже или менее научно»(!). И дальше — «подменять же научный анализ броскостью произвольных построений вовсе негоже»⁶⁸. Вполне понятно, что первая часть цитируемого фрагмента адресована российским рецензентам, вторая же — держателям «имагологической» монополии из среды журналистов и составителей учебных книг.

Вторым условием научности и просто корректности формируемого образа русской истории историки-россиеведы считают переход к иному типу исторических аналогий и выстраиваемых на их основе типологических выводов. Особое внимание уделяет этому требованию С. Хау, отмечая, что «не всё в истории России можно сопоставлять с историей английской или европейской»⁶⁹. Если Б. Пэйрс в 1930-е гг. вообще призывает студентов, изучающих русскую историю, «не увлекаться аналогиями»⁷⁰, то С. Хау ограничится напоминанием, что «по-настоящему интересно и перспективно изучать русского Разина не по аналогии или в противоположность английскому Уоту Тайлеру», а изучать Разина «как он есть» — для того чтобы избежать «насильственных сопоставлений и противопоставлений», подчас придающих русской истории особый колорит, но на самом деле «способных только затемнить и исказить ее»⁷¹.

Наконец, третьим условием и требованием к формированию образа русской истории является «разделение изучения ее (России. — Ф.Т.) прошлого и сегодняшнего дня», т. е. отход от публицистичности. «Если прошлым и можно объяснить настоящее, что само по себе не вызывает сомнений, — отмечает Б. Пэйрс, — делать это нужно все же осторожно и тактично»⁷². Так, Г. Дрэйдж, полемизируя с Ч. Сароли, выражает недоумение по поводу нежелания последнего «видеть различие между анализом современности и исследованием истории»: у них, по Г. Дрэйджу, «разные сферы и методы исследования» — проиллюстрировать примерами из прошлого превратности текущего момента, специфику сегодняшнего положения вещей составляет «более удачу, чем задачу исторического знания»⁷³.

С. Хау, например, прямо называет стремление использовать исторический материал для того, чтобы «сделать необходимый и удобный образ

⁶⁸ Tyrell H. Main Directions of Our Research // Russian History Review. 1915. № 1. P. 106.

⁶⁹ Howe S. Public Relations and Public Reactions on Russian History // Russian History Review. 1916. № 3. P. 4.

⁷⁰ Pares B. Selected Notes. Oxford, 1932. P. 67—68.

⁷¹ Howe S. Public Relations. P. 6.

⁷² Pares B. Selected Notes. P. 7.

⁷³ Drage G. Russian Affairs. P. X.

сегодняшней России» нетерпимым, а результаты подобных построений призывает воспринимать как «очевидно фальшивые»⁷⁴.

Справедливости ради следует заметить, что приведенные нами исследовательские декларации во многом не оказали решающего воздействия на формирование образа истории России в обыденном сознании англичан. Не оказали отчасти потому, что механизмы и способы опровержения укорененных стереотипов восприятия не могли быть столь же эффективными, как механизмы и способы их насаждения — в печати и массовой учебной литературе (хотя Г. Эдвардс, получая в 1910 г. диплом почетного доктора Оксфордского университета, заявит, что ему и его коллегам «все-таки удалось продемонстрировать, что заинтересованное внимание к несходному историческому опыту плодотворнее ограничения сферой привычного»⁷⁵). Не оказали, потому что просто не успели: с начала 20-х гг. XX в. более или менее безобидный образ «экзотического незнакомца» (Т. Шанин)⁷⁶ начинает неотвратимо трансформироваться в совсем другой, закрепляемый, в том числе и историографически, образ — образ врага.

Образ Советской России в британском россиеведении XX века

В такой трансформации 1917-й г. не стал водоразделом ни в политическом, ни в историографическом плане. До середины 1920-х гг. британские россиеведы продолжают работать в основном в жанре обобщающих сочинений. В 1926 г. Бернард Пэйрс издает «Историю России», в которой впервые появляется тематика советской истории⁷⁷. Б. Пэйрс усматривает в новом этапе российской истории определенные элементы преемственности с дореволюционным периодом. Задолго до наступления эпохи «сталинского ампира» с ее культом новой государственности и жесткой централизации Б. Пэйрс предполагает, что «едва ли будет найдена достаточная альтернатива сильной центральной государственной власти, которая одна может быть способна удержать огромную территорию и население России»⁷⁸.

⁷⁴ Howe S. Public Relations. P. 11.

⁷⁵ Oxford Bulletin. 1910. Autumn. P. 36.

⁷⁶ Шанин Т. [Предисловие] // Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире / Под ред. Т. Шанина. М., 1992. С. 30.

⁷⁷ Pares B. A History of Russia. L., 1926. P. 347–388.

⁷⁸ Ibid. P. 387.

Неудивительно, что на новое издание «Истории России» не отреагировали в Советской России: отечественным историкам в тот момент было не до рецензий на зарубежные труды, таких рецензий в те годы было крайне мало. Удивительно другое: британские историки совершенно не заметили первого советологического опыта, включенного британским автором в курс русской истории. Три рецензии на книгу Б. Пэйрса 1926 г. обошлись без упоминания страниц, посвященных революции и первым годам советской власти⁷⁹.

Б. Пэйрс предлагает не интерпретацию, а общий фактографический обзор ранней советской истории. Он фиксирует события и факты, не допускает хронологических ошибок (не в пример некоторым другим советологам-первопроходцам, которые, как, например, известнейший Исайя Берлин, время от времени запутывались в датах советской хронологии, в чем он сам с досадой признается⁸⁰). Однако при этом Б. Пэйрс не даёт никакого анализа сообщаемых им фактов. Более того, переходя от досоветской истории к истории советского периода, он применяет к Ленину и большевикам те же самые институциональные определения, которыми он описывает царское или Временное правительство: «центральная власть», «министры», «государственное управление» и т.п.

Переход от описательно-фактографического к аналитическому изучению советской истории связан уже со следующим поколением британских руссиеведов, в котором к 1950–1960-м гг. выявляются признанные лидеры и классики.

Наиболее стройную концепцию новейшей истории России создает Э.Х. Карр. На протяжении почти тридцати лет (1950–1978) он публикует «Историю Советской России» в четырнадцати томах⁸¹.

По мнению британских историографов Э. Эктона и П. Гэтрелла, «Карр относился к марксизму с сочувствием»⁸², что определило общую левизну его истолкования советской политической истории. По этой причине британское академическое сообщество отнеслось к фундаментальному труду Э. Карра с некоторой настороженностью. И. Берлин (историк и философ

⁷⁹ Johnson D. A new book by Professor Pares // Russian History Review. 1927. № 1. P. 65–67; Case R.D. [Pares B. A History of Russia. L., 1926] // The Slavic Studies Bulletin. 1928. Oxford, 1928. P. 254–255.

⁸⁰ Berlin I. Diaries // In Honour of Sir Isaiah Berlin. n.p., 1990. P. 23.

⁸¹ Carr E.H. History of Soviet Russia. Vols. 1–14. L., 1950–1978.

⁸² Экстон Э., Гэтрелл П. Глазами британцев: современная английская историография России и Советского Союза // Россия XIX–XX вв. Взгляд зарубежных историков. М.: Наука, 1996. С. 31.

значительно более правых и консервативных взглядов) упрекал Э. Карра в «преимущественном интересе и внимании к социально-экономическому измерению истории в ущерб многим другим не менее важным сторонам изучаемых фактов и феноменов»⁸³. Другой рецензент — И. Дейчер — с противоположных (марксистских) позиций усматривал в многотомном исследовании Э. Карра невнимание к массовым движениям и народной борьбе и преувеличение важности структур государственного управления и правительственного аппарата («уникальность советской власти не в том, как и какой аппарат ей удалось создать, а в том, насколько органично и последовательно вызревали экономические предпосылки и массовая социальная база новой власти в России»⁸⁴). При этом оба рецензента отдавали должное масштабности и беспрецедентности замысла Э. Карра и высокому профессионализму в реализации этого замысла. Многотомное исследование Э. Карра явилось, по сути дела, исследовательским проектом такого уровня и охвата материала, который редко оказывается под силу одному исследователю.

Если Б. Пэйрс придерживается в изложении русской истории XX в. сквозной хронологии, в которой 1917-й г. почти никак не выделяется, то для Э. Карра Февраль и Октябрь 1917 г. приобретают всемирно-историческое значение. Он утверждает, что «русская революция 1917 г. была поворотным пунктом в истории человечества, и, вполне вероятно, историки будущего назовут ее величайшим событием XX в. Историки еще очень долго будут спорить и резко расходиться в своих оценках ее, как это было в свое время с Великой французской революцией. Одни будут прославлять русскую революцию как историческую веху в освобождении человечества от гнета, другие — проклинать как преступление и катастрофу»⁸⁵. Более того, по мнению Э. Карра, пафос «мировой революции», под влиянием которого разворачиваются основные события ранней истории Октября 1917-го, нельзя считать выхолащенной идеологической доктриной большевиков или, в особенности, троцкистов, потому что этот пафос находил отражение в реальных геополитических процессах того времени. Э. Карр отмечает, что Гражданская война закрепила стереотип, который складывался в западном и советском мышлении с октября 1917 г., о существовании двух миров, непримиримо противостоящих друг другу, — мира

⁸³ Berlin I. Russian Thinkers. L., 1978. P. 334.

⁸⁴ Deutscher I. The Recent Trends in the Soviet Studies // Soviet Studies. 1973. № 2. P. 212.

⁸⁵ Карр Э.Х. Русская революция от Ленина до Сталина. 1917–1929 / Пер. с англ. А. А. Черняховской. М., 1990. С. 7.

капитала и мира революции, предназначенного его уничтожить. В ноябре 1918 г., после падения Германии, Центральная Европа на какое-то время стала яблоком раздора двух миров. Забрезжившая революция в Берлине в январе 1919 г. подкрепила и без того твердую уверенность большевиков в том, что смертный час капитализма пробил и революционная волна вот-вот покатится от Москвы на Запад»⁸⁶.

В изучении экономической и социальной истории Э. Карр придерживается традиционной для британского россиеведения методологии: он опирается на скрупулезное изучение фактов в их причинно-следственных взаимосвязях и воздерживается от широких обобщений там, где факты говорят сами за себя. Так, соглашаясь с тем, что политика «военного коммунизма» была разновидностью государственного террора, Э. Карр подчеркивает, что подобные устойчивые формулы не исчерпывают сути и не проясняют до конца характер «событий, которые подчиняются экстраординарной логике — логике революции, в которой переход от ужесточения режима власти к его либерализации нередко оказывается спонтанным, потому что происходит под влиянием факторов, действующих в данный момент, но уже перестающих действовать в какой-то следующий момент». Говоря о политике нэпа, Э. Карр отмечает в ней не только смелость «парадоксальной политической инициативы Ленина», пусть и вынужденной, но и видит в нэпе предпосылки для последующей коллективизации, поскольку разные варианты экономической политики советского правительства «в конечном счете восходят к пониманию необходимости решения острого аграрного вопроса, необходимости, с которой сталкивались все российские правительства, под каким бы флагом и в русле каких бы идей они ни действовали». Наконец, Э. Карр формулирует очень характерный для британской россиики-советологии вывод: «наши исторические данные доказывают, что нельзя недооценивать пре-емственность проблем, которые решает советская власть; корни и характеристики этих проблем сложились не в ходе и не в результате революции, а задолго до нее»⁸⁷.

Пристальное внимание к вопросам исторического континуитета, к проблеме непрерывности русского исторического процесса при калейдоскопической смене исторических декораций в разные эпохи присуще не только Э. Карру, но и его сверстнику и тоже классику британской советологии раннего периода Леонарду Шапиро. Л. Шапиро утверждает, что

⁸⁶ Там же. С. 20–21.

⁸⁷ Carr E.H. History of Soviet Russia. Vol. 1. L., 1950. P. 163.

советская автократия — это «не только новый тип, но и новый этап российской государственности, который появился не в пустыне, а унаследовал некоторые существенные черты и особенности русской политической культуры»⁸⁸.

Тем же поиском элементов идейной и институциональной преемственности в досоветской и советской политической практике занят и Исаак Дейчер. В частности, в теоретических и политических сочинениях В.И. Ленина И. Дейчер выявляет «определенную генетическую связь с разными этапами радикальной политической мысли в России, по отношению к которой Ленин является явным преемником, развившим не только принципы марксистской социологии и политической экономики, но и идеи и образы русского политического радикализма»⁸⁹.

В этом смысле интересно и показательно историографическое высказывание Э. Карра, точно отражающее пафос и основную, так сказать, исследовательскую интуицию британских руссиеведов: «опасной ошибкой было бы воспринимать советскую историю в качестве социального эксперимента, начинающегося “с чистого листа”. При всем нигилистическом отношении ко многим ценностям и принципам прошлого советская доктрина развивалась и уточнялась в противостоянии и конфликте с царским режимом на протяжении нескольких поколений»⁹⁰.

Консервативную антитезу либералу Карру или марксисту Дейчеру сформулирует Исайя Берлин, работы которого сегодня назвали бы культурологическими, потому что в наибольшей мере И. Берлина занимают вопросы интеллектуальной истории России и истории русской культуры. Если признать «Икону и топор» Дж. Биллингтона классическим образцом американского руссиеведения в области истории культуры, то И. Берлина надо будет назвать «британским Биллингтоном». Оба автора основывали свою интерпретацию истории русской культуры на тщательном исследовании самого широкого исторического контекста, в котором русская культура формировалась и развивалась. При этом исходной идейной посылкой И. Берлина было принципиальное неприятие советской

⁸⁸ *Schapiro L.* The Origin of the Communist Autocracy: Political Opposition in the Soviet State. 2nd ed. L., 1977. P. 20. Кстати, Л. Шапиро одним из первых начинает системно и постоянно применять к советской истории термин «политическая культура», точного определения которого он, однако, не дает. О «политической культуре» в руссиеведческих исследованиях см.: *Глебова И.И.* Политическая культура России: Образы прошлого и современность. М.: Наука, 2006. С. 8–18 и др.

⁸⁹ *Deutscher I.* The Unfinished Revolution: 1917–1967. Oxford, 1967. P. 44.

⁹⁰ *Carr E.H.* History of Soviet Russia. Vol. 2. L., 1953. P. 28.

истории как идеологического феномена. И. Берлин подчеркивает, что «в 20–30-е гг. нашего столетия...тоталитарные режимы правого и левого толка грозили уничтожить гуманистические ценности как таковые, и хорошие и плохие, и не утверждали, как они все чаще и чаще делают сейчас, что служат им лучше, чем мы»⁹¹. И. Берлин считает советский тоталитаризм «наиболее очевидным и прямым вызовом всему строю русской культуры, всем многовековым литературным и философским интуициям русского человека». Если в чем-то И. Берлин и готов увидеть элементы преемственности, то только в творческих личностях, осуществляющих нравственное сопротивление режиму. В 1945–1946 гг. И. Берлин работает в британском посольстве в Москве, что дает ему возможность встретиться с Анной Ахматовой и Борисом Пастернаком. И. Берлин в дальнейшем подробно опишет эти встречи в историко-биографическом ключе, но сначала, в 1945 г., И. Берлин, как и его предшественники-англичане в XIX в. (или его младший современник Р. Конквест, о чем мы скажем далее), даст экспертное заключение британскому Форин-Оффису: «Вот краткое содержание моего отчета британскому Министерству иностранных дел в 1945 г. Я написал, что, по-видимому, нет другой страны, кроме Советского Союза, где поэзия публиковалась бы и продавалась в таком объеме и где интерес к ней был так велик. Не знаю, чем это можно объяснить — врожденной чистотой вкуса или отсутствием низкопробной литературы. Этот интерес читателей, несомненно, является огромным стимулом для поэтов и критиков. Такой аудитории западные писатели и драматурги могут лишь позавидовать. Если представить себе, что произойдет чудо: политический контроль ослабнет и искусство обретет свободу, то я убежден, что тогда в обществе — таком жадном до всего нового, сохранившем дух и жизнеспособность в условиях катастроф и трагедий, возможно, гибельных для других культур, — в таком обществе искусство расцвело бы с новой невиданной силой. И все же контраст между этим страстным интересом к живой и истинной литературе и существованием признаваемых и почитаемых писателей, чье творчество мертво и неподвижно, является для меня наиболее удивительным феноменом советской культуры тех дней».

Как это часто бывает в истории зарубежного россиеведения, переход от поколения «отцов-основателей» советологии к следующим поколениям исследователей отмечен в Великобритании двумя тенденциями:

⁹¹ Берлин И. Европейское единство и превратности его судьбы // Неприкосновенный запас. 2002. № 1 (21). С. 131; Berlin I. Personal Impressions. L., 1980. P. 152–153.

во-первых, увеличением числа советологов; во-вторых, институционализацией советологии через систему исследовательских центров и научных периодических изданий⁹². По мере институционализации британского руссиеведения происходит «разукрупнение» исследований, на смену обобщающим курсам русской и советской истории приходят работы, посвященные более локальным темам. Данная тенденция не означает, что обобщающие работы перестают появляться. Просто одновременно с тематической специализацией происходит явно выраженная политизация научного руссиеведения, причем этот процесс идет по нарастающей. В результате обобщающие работы нового типа постепенно все более трансформируются в политические памфлеты, обладающие экспертным значением, аналитическим потенциалом и, не в последнюю очередь, пропагандистским зарядом. Наиболее ярким примером такого типа исследований сами британские руссиеведы считают работы Роберта Конквеста. В молодости Р. Конквест был членом Коммунистической партии Великобритании, но очень скоро разочаровался в коммунистической идее и перешел на позиции антикоммунизма. Впоследствии Р. Конквест становится одним из ведущих экспертов по России и СССР, как в академическом аспекте (он автор безупречных с точки зрения исследовательской культуры монографий⁹³), так и в политическом смысле: историк работает в ООН, консультирует президента США Р. Рейгана в самый разгар «холодной войны», когда, определив СССР как «империю зла», Президент США выходит на линию лобового идеологического и политического столкновения с Москвой. В этот момент, в 1984 г., Р. Конквест создаёт уникальный в жанровом отношении текст — написанное профессиональным и первоклассным экспертом-историком пособие по технологии выживания в случае советского вторжения — «What to Do When the Russians Come»⁹⁴.

Во всех исследованиях Р. Конквеста, наиболее известным из которых следует признать «Жатву скорби», посвященную трагедии коллективизации, автор последовательно проводит мысль, выходящую за рамки научного анализа и иллюстрирующую достигнутую к концу 1960-х гг. вы-

⁹² Создаются центры российских и советских исследований в Бирмингеме, Глазго и Суонси, Британская ассоциация советских, славянских и восточноевропейских исследований, научные семинары в университетских центрах Оксфорда и Кембриджа. См.: Эктон Э., Гэтрелл П. Глазами британцев: современная английская историография России и Советского Союза // Россия XIX–XX вв. Взгляд зарубежных историков. М.: Наука, 1996. С. 29–30.

⁹³ Conquest R. Lenin. L., 1972; The Soviet Political System. L., 1968; Kolyma: The Arctic Death Camps. L., 1977; The Harvest of Sorrow: Collectivization and the Terror-Famine. L., 1986.

⁹⁴ Conquest R. What to Do When the Russians Come: A Survivor's Guide. L.; N.Y., 1985.

сокую степень политизации британской советологии: советская система неотделима от самых радикальных и нецивилизованных форм политического насилия, она по самой своей сути подразумевает репрессии и подавление свободы, являющиеся в СССР универсальными инструментами государственной политики. Определения «кровавый» (по отношению к Ленину), «варварский», даже «сатанинский» становятся элементами исследовательского словаря не только Р. Конквеста, но и других историков его поколения⁹⁵. В отличие от предшественников, З. Конквест говорит уже не о преемственности, а о радикальной смене направления и целей русского исторического процесса, поскольку «в XX веке Россия потеряла свою основную дорогу и продолжает блуждать в пространстве опасных и травмирующих социальных экспериментов»⁹⁶. Р. Конквест утверждает, что «под тиранией Сталина и его приспешников было уничтожено все старое крестьянство, а вместе с ним вырублены и исторические корни русского, украинского и других народов»⁹⁷.

Р. Конквест одним из первых в британской историографии применяет в изучении русской истории своеобразный «футурологический» подход. Он говорит об обречённости советского строя⁹⁸, о его неорганичности⁹⁹, о неизбежности в СССР такого системного кризиса, который приведёт государство к разрушению, а общество — к возрождению¹⁰⁰. Заметим, подобные оценки звучат не в годы «перестройки» и не на грани событий 1991 г., а задолго до этих событий — еще в начале 1970-х гг.

Симптоматично, что Р. Конквест в 1977 г. признает, что в плане советологических исследований явное предпочтение и первенство переходит к американским советологам¹⁰¹, но это не умаляет главной заслуги британской советологии, которая заключается в попытке и стремлении «дать общий обзор явлениям русской истории и увидеть в прошлой и современной истории России устойчивые черты и элементы единой цивилизации»¹⁰². Это очень точный опыт и пример историографической самодиагностики.

⁹⁵ Conquest R. Kolyma: The Arctic Death Camps. L., 1977. P. 26, 31, 55.

⁹⁶ Ibid. The Soviet Political System. L., 1968. P. 63.

⁹⁷ Конквест Р. Жатва скорби: Советская коллективизация и террор голодом. Лондон, 1988. С. 3.

⁹⁸ Idem. The Soviet Political System. L., 1968. P. 108.

⁹⁹ Ibid. P. 116.

¹⁰⁰ Conquest R. Lenin. L., 1972. P. 8.

¹⁰¹ Idem. The Soviet Political System. L., 1968. P. 211.

¹⁰² Ibid. P. 5.

Действительно, в изучении российского XX в. во второй половине прошлого столетия роль «первой скрипки» переходит к американской советологии. Главным векторами развития британского россиеведения на рубеже XX–XXI вв. становится не столько расширение предметных областей или тематического репертуара исследований, сколько применение к традиционным и даже классическим для британской россики темам из политической или социальной истории России новых методов и подходов, новой методологии и нового научного языка — антропологической истории, истории повседневности, локальной истории, новой социальной истории. Этим исследованиям британских россиеведов еще только предстоит стать объектом историографического изучения.

Ключевые слова:

историография, россиеведение, россика, научные школы, Великобритания,
В.О. Ключевский, А.С. Лаппо-Данилевский.

Filipp G. Taratorkin

RUSSIAN STUDIES IN BRITAIN IN THE 20th CENTURY: EMERGENCE AND DEVELOPMENT.

The article reviews the process of the emergence and development of historical studies of Russia in Britain. Analysed are the first generalizing works published by British historians on Russia and the British Soviet studies of the 20th century.

 Тараторкин Филипп Георгиевич

кандидат исторических наук, доцент Историко-архивного института РГГУ

Г.Н. Ланской

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЕ И ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ ПРОФЕССОРА В.А. МУРАВЬЕВА

Статьей доктора исторических наук, профессора Г.Н. Ланского мы начинаем публикацию материалов по истории научных и научно-педагогических школ в российской (как дореволюционной, так и советской, а также зарубежной эмигрантской) исторической науке.

Мы исходим из того, что трансляция историографического опыта от поколения к поколению происходит чаще всего и плодотворнее всего по линии «учитель — ученик». Научные школы формируют генеалогию истории как науки, способствуют сохранению, передаче и приумножению наиболее ценных и значимых достижений исторической мысли. Нередко «эхо» научной школы отчетливее и яснее звучит через время и пространство — через поколения ученых, когда научные внуки и правнуки Ключевского острее осознают себя его учениками и последователями, чем более близкие потомки. Когда призыв «Назад, к Ключевскому» не становится призывом к архаизации науки, а лишь способствует более зоркому прочтению и более глубокому осмыслению прежнего историографического опыта. Или когда нити научных школ протягиваются поверх барьеров из одной национальной историографии в другие, создавая, например, феномен зарубежного руссиеведения.

Всю эту сложносочиненную систему научных координат мы и называем научными школами, обеспечивающими преемственность лучшего, отсекающими не соответствующее высоким и строгим стандартам профессионального сообщества историков, гарантирующими поступательность и непрерывность историографического процесса.

В ближайших номерах журнала будут опубликованы историографические портреты государственной школы в русской исторической науке XIX в.; московской и Санкт-Петербургской школ историков начала XX в.; школы академика М.Н. Покровского, возникшей в период организационного и содержательного становления советской историографии; школы профессора Г.В. Вернадского и школы профессора Р. Пайпса, вырастивших поколения английских и американских русистов; школы академика М.В. Нечкиной и школы профессора С.О. Шмидта; школы профессора А.Я. Гуревича или школы академика Б.А. Рыбакова, обеспечивших развитие целых направлений и новых предметных областей в отечественной исторической науке.

(Ф.Г. Тараторкин)

Историографическое наследие Виктора Александровича Муравьева, складывавшееся на протяжении более четырех десятилетий его работы в Московском государственном историко-архивном институте и затем в созданном на основе этого учебного заведения Российском государственном гуманитарном университете, посвящено в первую очередь мало или односторонне изучавшимся страницам истории исторической мысли в России. В связи с этим следует сразу же отметить, что, как и один из его учителей В.Е. Иллерицкий, В.А. Муравьев не ограничивал предметную сферу историографии, как отрасли гуманитарного знания, «научно-историческими источниками» (термин, широко использовавшийся другим учителем В.А. Муравьева — С.О. Шмидтом¹), а исследовал более широкий комплекс письменных источников, формировавших развитие исторической мысли. При этом он не был сторонником применения объективно научных оценочных критериев к тем работам, которые не имели под собой исследовательской платформы и, следовательно

¹ См., напр.: Шмидт С.О. Историографические источники и литературные памятники // Шмидт С.О. Путь историка: Избранные труды по источниковедению и историографии. М., 1997. С. 92–98.

но, с большим трудом могли быть отнесены к источникам объективного исторического знания, что, особенно в условиях советского периода, указывало на отсутствие конъюнктурности в выборе тематики научных занятий.

В частности, В.А. Муравьев внес значительный вклад в изучение отечественной исторической науки последней трети XIX — начала XX в. В условиях, когда особое внимание уделялось изучению реального или вымышленного вклада В.И. Ленина в разработку концептуальных представлений о различных этапах российской истории, он посвятил свои первые работы творчеству Н.П. Павлова-Сильванского² и Б.И. Сыромятникова³. Содержание этих емких по содержанию и документальной основе исследований имело новаторский характер как минимум по двум причинам. Первая из них заключалась в том, что представления данных авторов почти не находили отражения в учебной литературе. Вторая — еще более важная — причина состояла в том, что в период второй половины 1960–1970-х гг., когда выкристаллизовывалось восприятие истории отечественной исторической науки, общепринятым было категорическое представление о кризисе на рубеже XIX — начала XX в. всех идейных направлений исторической мысли кроме революционно-демократического.

Своего рода рубежной чертой в исследованиях В.А. Муравьева стала подготовка им в соавторстве с М.П. Мохначевой и Л.И. Деминой, также представляющими историографическую школу Историко-архивного института, учебного пособия по истории российской исторической науки в дореволюционный период⁴. По сравнению с многими предшествовавшими исследованиями, посвященными данной предметной области, это компактное по объему пособие отличалось, с одной стороны, основательной источниковой базой, а с другой стороны, постепенным отходом от социологизированного восприятия и интерпретации творчества профессиональных историков исходя из их классовой принадлежности. В результате благодаря В.А. Муравьеву и его коллегам на рубеже 1980–1990-х гг. вслед за работами В.Е. Иллерицкого сформировалось комплексное восприятие истории исторической науки в России применительно к периоду, предшествовавшему революционным событиям 1917 г.

² Муравьев В.А. Две лекции Н.П. Павлова-Сильванского («История и современность», «Революция и русская историография») // История и историки: Историографический ежегодник за 1972 год. М., 1973. С. 337–364.

³ Муравьев В.А. Теории феодализма в русской историографии конца XIX — начала XX в. Дисс... канд. ист. наук. М., 1969.

⁴ Муравьев В.А., Мохначева М.П., Демина Л.И. История исторической науки в дореволюционной России. М., 1991.

Значительно позднее — во второй половине 1990-х гг. — В.А. Муравьев вместе с О.М. Медушевской и другими коллегами по кафедре источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин обратится к изучению и осмыслению значимости работ А.С. Лаппо-Данилевского. Итогом этой деятельности станет подготовка фундаментального учебника⁵ и других учебно-методических материалов по источниковедению, основанных на принципиально новой, базирующейся на принципах субъективного идеализма, трактовке методов и практических приемов изучения документов и произведений различных видов и эпох. Данная работа являлась символичной для развития Российского государственного гуманитарного университета в период 1990-х — первой половине 2000-х годов, характеризовавшегося поиском не всегда обоснованных, но в любом случае новаторских подходов к изучению исторического процесса в целом и в частных аспектах.

Чрезвычайно значимым в историографическом наследии В.А. Муравьева является большой комплекс работ по истории советской исторической науки. Его работы по данной тематике были различными по своей жанровой принадлежности. Это были докторская диссертация, учебное пособие⁶ и написанная в соавторстве с О.В. Волобуевым монография⁷, посвященные развитию вслед за многочисленными работами В.И. Ленина концепции революции 1905—1907 годов в советской историографии; небольшие по объему рецензии и статьи (среди которых следует особо отметить написанную совместно с Е.А. Луцким энциклопедическую статью о М.Н. Покровском) и, наконец, изданный при существенном научном и организационном участии В.А. Муравьева в 1982 г. под редакцией академика И.И. Минца учебник «Историография истории СССР: Эпоха социализма»⁸, являющийся единственным в своем роде. Не утратило своей методической и научной значимости написанное В.А. Муравьевым в соавторстве с известным представителем историографической школы Историко-архивного института Л.В. Волковым учебное пособие по истории исторической науки в СССР «периода завершения социалистического строительства» — середины 1930-х — конца 1950-х гг.⁹

⁵ Источниковедение: история, теория, метод. Источники российской истории / Отв. ред. В.А. Муравьев. М., 1998.

⁶ Муравьев В.А. Современная советская историография революции 1905—1907 годов. М., 1985.

⁷ Волобуев О.В., Муравьев В.А. Ленинская концепция революции 1905—1907 гг. в России и советская историография. М., 1985.

⁸ Историография истории СССР: Эпоха социализма / Под ред. И.И. Минца. М., 1982.

⁹ Волков Л.В., Муравьев В.А. Историография истории СССР в период завершения социалистического строительства в СССР: середина 1930-х — конец 1950-х годов. М., 1982.

Достаточно ортодоксальные по своему содержанию и выводам, эти работы отличались систематическим и фундаментальным отношением к изучавшимся историческим исследованиям. В них находили отражение как имевшие очевидный идеологический смысл теоретические и методологические подходы советских ученых, так и несомненные заслуги политического руководства СССР в создании организационных условий деятельности профессиональных историков, вне которых вряд ли были возможными бесспорные достижения в целом ряде направлений исторической мысли. Однако достаточно симптоматичным выглядит тот факт, что в период с конца 1980-х гг. и до своего ухода из жизни в 2009 г. В.А. Муравьев практически не обращался к тематике советской историографии за исключением отдельных, прекрасных по мастерству работ, посвященных своим коллегам и соратникам — в частности Н.П. Ерошкину¹⁰.

Значительную часть своего историографического творчества в 1990–2000-е годы он посвятил проблемам изучения и применения пространственного подхода к изучению исторических явлений. При этом данная проблематика, традиционно изучавшаяся в достаточно прикладных рамках исторической географии применительно к экономическим и в меньшей степени политическим процессам, была поднята В.А. Муравьевым на культурно-философский уровень связи человека с пространством как в российском, так и во всемирно-историческом процессе¹¹. Тем самым создавался один из примеров столь актуального сочетания материально-производственного и цивилизационного подходов в исторических исследованиях, чрезвычайно ценный прежде всего в силу сложившейся схоластичности формирования подобного синтеза. Можно с полным основанием утверждать, что современные поиски (в силу недостаточно полной сформированности данного объекта познания) «экологической истории» вряд ли могут обойтись без обращения к работам, написанным В.А. Муравьевым в заключительный период его историографической деятельности — период второй половины 1990–2000-х гг.

Так же как и применительно к изучению истории советской исторической науки, В.А. Муравьев во второй половине 2000-х гг. обращался к из-

¹⁰ Муравьев В.А. Николай Петрович Ерошкин и его труды по истории российского самодержавия // Ерошкин Н.П. Российское самодержавие. М., 2006.

¹¹ Муравьев В.А. Левиафан и Иона в России: предрасположена ли российская историография к антропологически ориентированной истории // Историческая антропология. Место в системе социальных наук, источники и методы интерпретации. М., 1998. С. 40–44; Муравьев В.А. Пространство, время, история человека и общества. Историческая география в системе исторических наук // Исторический источник. Человек и пространство. М., 1997.

учению не столько общих тенденций развития практической и интеллектуальной истории, сколько к деятельности своих выдающихся предшественников. Одна из его последних статей, опубликованная в сборнике «Учителя учителей», была посвящена Виктору Корнельевичу Яцунскому¹², стоявшему у истоков преподавания и изучения исторической географии в стенах Московского государственного историко-архивного института.

Для объективной и разносторонней оценки профессиональной деятельности своих предшественников, прежде всего в стенах Историко-архивного института, В.А. Муравьев имел все основания, потому что он сам был новатором, творцом целого ряда системообразующих для подготовки историков-архивистов учебных курсов.

После прихода в 1990 г. на должность заведующего кафедрой источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин он преподавал курсы истории исторической науки и исторической географии.

Курс исторической географии, восстановленный в рамках учебного процесса А.Л. Станиславским во второй половине 1980-х гг., был представлен В.А. Муравьевым в контексте непосредственной связи между географической средой и созидательной деятельностью человека. Тем самым он отличался по своей концепции от содержания курса, преподававшегося на историческом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова и получившего отражение в раритетном и во многих отношениях уникальном учебнике «Историческая география СССР» И.Д. Ковальченко, А.В. Муравьева и В.З. Дробижева¹³, ориентированном, прежде всего, на выявление роли пространственного фактора в развитии экономики и политической системы. Таким образом, курс В.А. Муравьева, сочетаясь для студентов с чтением учебника и научной литературы, давал более целостное, системное представление о влиянии географической среды на развитие исторического процесса.

Далее параллельно с руководством работой по качественному обновлению содержания курса источниковедения В.А. Муравьев стал целенаправленно совершенствовать преподавание курса истории исторической науки. Будучи сконцентрированным на изучении развития отечественной историографии, данный курс не мог в силу в том числе объективных — временных — причин представить опыт и тенденции развития мировой исторической науки и в более широком смысле складывавшихся в рамках развития мировых цивилизаций исторических представлений.

¹² Муравьев В.А. Виктор Корнельевич Яцунский — человек, учитель, педагог // Учителя учителей. Очерки и воспоминания. М., 2009.

¹³ Дробижев В.З., Ковальченко В.А., Муравьев А.В. Историческая география СССР. М., 1973.

С одной стороны, это обедняло историографическое образование студентов Историко-архивного института, а с другой стороны, позволяло в одинаковой степени сконцентрировать внимание не только на досоветском, но и на советском периоде развития отечественной исторической науки. Формируя на рубеже 1990–2000-х гг. новую концепцию преподававшегося им многие годы курса, В.А. Муравьев сосредоточил его содержание на рассмотрении историографии как явления мировой интеллектуальной культуры, складывавшегося как в России, так и в западноевропейских странах¹⁴. Тем самым, иногда в ущерб анализу истории советской и постсоветской исторической науки, он формировал у студентов сравнительное восприятие российской и зарубежной историографии до начала XX в., развивая и внедряя подход, сформированный А.А. Шапиро¹⁵ в Санкт-Петербургском государственном университете.

При этом, руководя работами студентов и аспирантов, В.А. Муравьев предлагал им сравнивать исследования отечественных и зарубежных авторов по различной тематике и применительно к периоду XX в. Это, наряду с приобщением к серьезной и целенаправленной работе с малоизвестными или неопубликованными источниками, формировало у его воспитанников собственное оригинальное и притом обоснованное восприятие истории исторической мысли. Одной из наиболее важных черт В.А. Муравьева, как наставника в научной работе, являлось то, что он, ориентируя на исследование конкретной темы, не стремился внедрить в сознание своего ученика определенную точку зрения и, соответственно, готовую модель понимания и интерпретации избранной темы. Затем при редакционной работе, которой В.А. Муравьев владел виртуозно, сформированная и изложенная студентом, аспирантом или уже более опытным исследователем концепция уточнялась и стилистически, и содержательно. Конечно, такой подход было сложно реализовать в массовом формате, но у своих учеников, посвятивших дальнейшую профессиональную деятельность изучению истории исторической мысли, он сформировал наряду с элементами источниковедческого мастерства основное качество историографа и, в целом, ученого-гуманитария — внутреннюю независимость и при этом ответственность мышления.

¹⁴ *Муравьев В.А.* История исторической науки: Примерная программа дисциплины // Историко-архивоведение. Специальность 020800: Государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования и примерные программы дисциплин федерального компонента (циклы профессиональных дисциплин и дисциплин специальности). М., 2003. С. 569–614.

¹⁵ *Шапиро А.А.* Историография с древнейших времен до 1917 года. М., 1993.

Под оценкой историографического и педагогического наследия В.А. Муравьева невозможно поставить точку, так же как внезапным был и его уход из жизни в октябре 2009 г. Находясь в постоянном творческом поиске, он открыл современным исследователям новые страницы в изучении историографии, источниковедения, связи человека с пространством природы. Начав заполнять их своими превосходными по форме и глубокими по содержанию статьями и выступлениями, В.А. Муравьев показал своим последователям ориентиры для новых исследований, что является высшей заслугой для истинного ученого и педагога.

 Григорий Николаевич Ланской

доктор исторических наук, профессор РГГУ

ПАМЯТКА АВТОРАМ

Уважаемые авторы!

Журнал является научным, по тематике — историческим.

В редакцию журнала предоставляются три документа в отдельных файлах:

1. Статья (публикация источника, рецензия).
2. Аннотация к статье (публикации источника, рецензии).
3. Сведения об авторе.

ТЕХНИЧЕСКИЕ ТРЕБОВАНИЯ

Редакция журнала принимает все материалы (текст статьи, аннотацию, сведения об авторе) только в электронном виде в редакторе Microsoft Word (с расширением «.doc» или «.rtf»), набранные шрифтом Times New Roman без автоматических переносов. В имени файлов обязательно указывается фамилия автора.

СТАТЬЯ

Объем статьи — 1–2 авторских листа (40–80 тысяч знаков с учетом пробелов); шрифт (кегель) — 14. По согласованию с редакцией принимаются статьи и бóльшего объема. Обязательными компонентами статьи являются:

ФИО автора и заголовок статьи

О.А. Сухова

ГУБЕРНАТОРЫ ПОВОЛЖЬЯ И УРАЛА
В НАЧАЛЕ XX В.

Ключевые слова (после статьи указываются 4–6 понятий, терминов, имен собственных, несущих в тексте основную смысловую нагрузку)

Ключевые слова: П.А. Столыпин, И.А. Блок, контроль за губернаторами, крестьянский террор.

Сноски

Оформление сносок:

1. Сноски в статье следует проставлять постранично («внизу страницы»), их нумерация должна быть сквозной (например, с 1-й по 32-ю); шрифт (кегель) — 12.
2. *Иванов И.И.* История европейских стран. — М., 2002. С. 14.
Для иностранных изданий: *Johnson J.* The History of USA. London, 2002. P. 14.
3. *Иванов И.И.* К вопросу о развитии европейских стран // Вопросы истории. 1999. № 2. С. 1–11.

АННОТАЦИЯ

Аннотация с указанием названия статьи и фамилии автора представляется в отдельном файле (.doc или .rtf).

1. Название файла: «Фамилия автора — Аннотация».
2. Объем — 1500–2500 знаков с учетом пробелов.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

В отдельном файле (.doc или .rtf) должны содержаться:

1. Фамилия, имя, отчество автора (полностью).
2. Ученая степень, звание, должность и место работы (полное название учреждения, города, страны).
3. Контактная информация: адрес с почтовым индексом, телефоны/факсы (служебный, мобильный), e-mail.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Публикация в журнале может сопровождаться иллюстрациями.

1. Иллюстрации и фотоснимки в электронном виде высылаются отдельными файлами:
формат TIFF или JPG;
размер не менее 2 Мб.
2. К иллюстрации необходима подпись с описанием события, объекта и датировкой. Также следует указать привязку иллюстраций к тексту статьи в отдельном документе (.doc или .rtf).
3. Редакция оставляет за собой право подбора или замены иллюстраций к статье.

Члены редколлегии в трехмесячный срок принимают решение о публикации присланного материала.

Материалы высылаются на электронный адрес: historical.reporter@gmail.com

ПОДПИСКА

Подписка на журнал возможна в любом почтовом отделении России и стран СНГ с любого месяца.

Наш индекс в каталоге «Почта России» — 83564.

Материалы журнала включены
в систему Российского индекса научного цитирования.

Для заметок

Для заметок

В XI томе «Исторического вестника»
мы представляем уникальное исследование
представителей российской школы
испанистики и их зарубежных коллег,
посвященное законодательству
Испании XIII в. в период правления короля
Альфонсо X Мудрого

ПРОЕКТ РУНИВЕРС

Свободный доступ к материалам по отечественной истории и культуре

Тысячи дореволюционных книг и журналов

Старинные атласы с уникальными картами
русских земель и городов

Все дореволюционные военные энциклопедии

Полное собрание законов Российской империи

Собрание архивных документов

Это и многое другое вы можете найти на сайте www.runivers.ru

Книжная серия «Наглядная хронология»

Планируется выпуск следующих изданий:

От Руси к России (X–XVI века)

Рождение Российского царства

Россия в эпоху Смуты

Россия при первых Романовых

Россия при Петре Великом

Россия в эпоху дворцовых переворотов

Россия при Екатерине Великой

Россия в первой половине XIX века

Россия во второй половине XIX века

Россия в XX веке